человек загадка

Ольга
ВОЛОДАРСКАЯ

ВЕЛИКИЙ МАГ
ИЛИ ВЕЛИКИЙ
ГРЕШНИК

КАЛИОСТРО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Легенда дворянской России — Джузеппе Бальзамо, известный миру как граф Калиостро… Официальные биографы называют его авантюристом, а то и просто мелким жуликом, который нигде подолгу не задерживался ни в родной Италии, ни в других европейских странах, чтобы не всплыли на свет его мошенничества.

Конечно, проще всего предположить, что он, вступив в какую-то масонскую ложу, жил на средства «братьев», не успевавших его раскусить, и сам выдумывал будто он — «Великий Копт», принявший посвящение в тайных храмах Египта, мудрый алхимик, владеющий тайной Философского Камня и секретом бессмертия, великий маг, читающий мысли. Но неужели столь глупы и легковерны были все, кто доверял ему? Ведь среди них — и такие люди, как русская императрица Екатерина Великая. Хотя впоследствии венценосная правительница фактически изгнала его из России…

Знак информационной продукции 12+

- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая
- Глава тринадцатая
- Глава четырнадцатая
- Глава пятнадцатая
- Глава шестнадцатая
- Глава семнадцатая
- Глава восемнадцатая

Глава первая
НАСТАВЛЕНИЕ ФИЛОСОФА ПО ИМЕНИ ФИЛОТОМ

Калиостро мог бы быть назван самым оскорбляемым и ненавистным человеком в Европе.

Кеннет Р.Х. Маккении

Кто он — мошенник или святой?

Мирабо о графе Калиостро

Адепт был посвящен в жрецы Озириса. Если он был египтянин, он оставался при храме. Чужеземцу же дозволялось иногда вернуться на родину, чтобы основать там новый культ или выполнить ту или иную миссию. Но прежде чем отправиться в путь, он давал торжественный обет сохранять абсолютное молчание относительно всех храмовых тайн. Он не должен был выдавать никогда и никому то, что видел и слышал, полагалось раскрывать учения Озириса не иначе как под тройным покровом мистерий или мифологических символов. Если он нарушал клятву, роковая смерть настигала его рано или поздно, где бы он ни был, тогда как ненарушенное молчание становилось щитом его силы.

Эдуард Шюре. Великие Посвященные

«Эти строки, которые должны будут послужить вашему образованию, ваш друг начертал в тюрьме для преступников, в подвалах инквизиции. Думая о неоценимых преимуществах,

которые вам должны доставить эти дружеские записки, я чувствую, как смягчаются ужасы заточения, столь же долгого, сколь и незаслуженного… Мне доставляет удовольствие думать, что в окружении стражников, отягченный кандалами, раб все еще может возвысить своего друга над могущественными монархами, которые правят этим местом заточения.

Вы проникнете, мой дорогой Филошат, в святая святых высших наук; моя рука поднимет для вас непроницаемую завесу, скрывающую от глаз обычного человека дарохранительницу, святилище, куда Всевышний поместил тайны Природы, которые он предназначил лишь для немногих привилегированных существ, для избранных, которых его Всемогущество создало, чтобы Видеть, и чтобы, вознесясь вслед за ним в бесконечности его Славы, направить один из лучей, чье сияние окружает его золотой трон, на род человеческий.

Пусть пример вашего друга будет для вас полезным уроком, и тогда я благословлю долгие годы испытаний, посланных мне по воле злых людей.

Два подводных камня, одинаково опасных, постоянно будут встречаться на вашем пути; один из них попирает священные права каждого индивидуума: это Злоупотребление властью, которую БОГ доверил вам, а другой будет причиной вашей гибели: это Болтливость… Оба рождены от одной матери, оба обязаны своим существованием Гордыне, а человеческая слабость вскормила их своим молоком; они слепы; мать ведет их; с ее помощью эти два чудовища донесут свое дыхание до сердца Избранных самим Всевышним. Горе тому, кто злоупотребит дарами неба для потакания своим страстям. Всемогущая рука, подчиняющая ему все Элементы, сломит его, как слабую тростинку; вечных мук не хватит, чтобы искупить его преступление. Духи ада будут с презрением смеяться над слезами существа, чей грозный голос столько раз заставлял их дрожать в глубине огненных пропастей.

Я набрасываю эту устрашающую картину отнюдь не для вас, Филошат; друг человечества никогда не станет его мучителем… по болтливость, сын мой, эта властная потребность вызывать изумление, восхищение, — вот бездна, которой я опасаюсь для вас. БОГ предоставляет людям заботу наказать неосторожного служителя, позволившем взгляду профана проникнуть в таинственное святилище; о Филошат, пусть мои несчастья всегда приходят вам на ум. И я тоже зная счастье. Осыпанный дарами Неба, окруженный столь великим могуществом, что оно было недоступно человеческому пониманию, повелевающий духами, которые правят миром, счастливый от того счастья, которое я давал, я в лоне обожаемой семьи вкушал то блаженство, которое

Всевышний дарит своим дорогим чадам. И одно мгновение все разрушило, я заговорил, и все исчезло как дым. О сын мой, не ходите по моим следам… Только бы суетное желание блистать в глазах света не вызвало и вашу погибель… Думайте обо мне, ваш друг пишет вам из тюрьмы, и его тело раздавлено пытками. Филошат, подумайте о том, что рука, пишущая эти слова, вся в шрамах от оков, ее отягощающих… Бог наказал меня; но что я сделал жестоким людям, которые меня преследуют? Какое право они имеют допрашивать слугу Всевышнего? Они спрашивают меня, каковы доказательства моей миссии: мои свидетели — чудеса; мои защитники — мои добродетели, непорочная жизнь, чистое сердце; что я говорю, разве есть у меня еще право жаловаться? Я заговорил. Всевышний отдал меня, лишенного сил и могущества, во власть беснований алчного фанатизма. Рука, которая раньше могла уничтожить целую армию, сегодня с трудом может поднять цепи, ее тяготящие.

Я заблуждаюсь, я должен быть благодарен вечной справедливости, мстительный бог простил своего кающегося сына. Дух воздуха проник сквозь стены, отделяющие меня от мира, осиянного светом; он явился передо мной и определил срок моего заточения. Через два года мои несчастья окончатся; мои палачи, войдя в мою темницу, найдут ее пустой; и вскоре, очищенный четырьмя элементами, чистый, как дух огня, я вернусь в славную когорту, куда я был поднят Божественной добротой, но как далек еще этот срок! Какими долгими два года кажутся тому, кто проводит их в страданиях и унижениях! Мои преследователи, не удовлетворенные тем, что подвергли меня самым жутким мучениям, применили более верные и более отвратительные средства; они обрушили бесчестье на мою голову; они опозорили мое имя. Дети, случайно приблизившись к стенам моей тюрьмы, в испуге пятятся; они боятся, что сквозь узкое отверстие, пропускающее, словно с сожалением, луч света в мою темницу, просочатся смертоносные испарения. О Филошат! Это самый жесткий удар, который они только могли мне нанести…

Я еще не знаю, смогу ли я передать вам это послание… Трудности, которые мне встретятся при попытке передать его из этой юдоли страданий на волю, я оцениваю по тем, которые пришлось преодолеть, чтобы его закончить. Лишенный всякой помощи, я сам сделал все, что мне было нужно. Огонь моей лампы, несколько монет и немного химических веществ, ускользнувших от пристального взгляда моих палачей, позволили мне изготовить краски, украшающие этот плод досуга узника.

Воспользуйтесь указаниями вашего несчастного друга, они столь ясны, что заставляют меня опасаться, предполагая, что

это писание может попасть в другие руки, а не в ваши; помните только, что все должно послужить вам. Одна только строка, плохо объясненная, один пропущенный знак помешает вам приподнять завесу, которой рука Создателя укрыла Сфинкса.

Прощайте, Филошат; не жалейте обо мне; милосердие Всевышнего равно его справедливости. На первой же тайной ассамблее вы вновь увидите вашего друга. Приветствую вас в Боге. Очень скоро я поцелую моего брата с миром».

Мы позволили себе полностью процитировать три страницы, предваряющие загадочный Труаский манускрипт под названием «Святейшая Триософия». В качестве пояснения, что это за рукопись, приведем строки английского теософа Мэнли Палмера Холла, который в 30-х годах XX века выпустил как приложение к издававшемуся в Адьяре Международным теософским обществом альманаху «Феникс» текст ее французского оригинала с репринтным воспроизведением заставок, виньеток, иллюстраций и инициалов, украшавших этот оригинал, с параллельным переводом на английский язык, снабженным ценнейшими справочными материалами об истории рукописи и ее авторстве, комментариями и толкованием текстов, а также выполненной ученым-специалистом расшифровкой вставок на древних и редких языках. М.-П. Холл пишет: *«Представленная в этой книге первая публикация и перевод (на английский язык) „Святейшей Триософии“ является первой возможностью получить в свое распоряжение труд, отображающий в привычно завуалированной и символической манере эзотерические учения Сен-Жермена и его учеников.*

„Святейшая Триософия“ — это рукопись с шифром MS 2400 во Французской библиотеке в Труа (Troyes). Труд невелик по размеру, он состоит из 96 страниц, исписанных только с одной стороны. Почерк писца превосходен. За вычетом некоторых погрешностей в пунктуации и диакритических знаках, его французский является академически правильным и драматически выразительным, кроме того, текст украшен многочисленными рисунками и фигурами, хорошо прорисованными и блестяще раскрашенными. В дополнение к иллюстрациям на титульном листе имеются также маленькие символические значки в начале и конце каждого из разделов. Внутри французского текста вкраплены буквы, слова и целые фразы на нескольких древних языках. Некоторые из находящихся там символов и фигурок напоминают египетские иероглифы, а некоторые из слов — значки клинописи. В конце рукописи есть номера страниц, написанные причудливыми цифрами, возможно, это код, использовавшийся в тайной общине Сен-Жермена. Работа, вероятно, выполнена в

последней четверти XVIII века, хотя большая часть материала восходит к относительно более раннему периоду.

Об истории этой рукописи, к сожалению, известно очень маю. Знаменитый мученик-масон, граф Алессандро Калиостро, захватил эту книгу с собой в свою злосчастную поездку в Рим. После заключения его в крепость Св. Льва (Сан Лео) следы манускрипта на время теряются. Каким-то образом литературные труды Калиостро попали в руки генерала наполеоновской армии, а после смерти этого офицера „Святейшая Триософия“ была приобретена по номинальной стоимости библиотекой города Труа. В своей книге „Музей колдунов“ французский ученый Грийо де Живри утверждал, что сей том, написанный изящным почерком, был найден при распродаже вещей Массена, и на нем были пометки, сделанные рукою философа по имени И.Б.К. Филотом (J.B.C. Philotaume), из которых явствовало, что этот манускрипт является единственной сохранившейся копией знаменитой „Триософии“ графа де Сен-Жермена, оригинал которой сам граф уничтожил во время одной из своих поездок. Эта рукопись принадлежала в свое время Калиостро, ученику Сен-Жермена, который был арестован инквизицией в 1789 году в своем доме в Риме; тогда же была конфискована и эта рукопись».

Перевод этой книги на русский язык уже опубликован, но следует сказать еще раз лишь о том, кто скрывается под псевдонимом И.Б.К. Филотом. Здесь мнения исследователей разделяются. Нам же наиболее вероятным представляется толкование, приведенное французским исследователем масонства и эзотеризма Патриком Ривьером в его книге «Тайны и мистерии оккультизма: Сен-Жермен и Калиостро»: «*Мы не думаем, как Рене Алло, что речь идет о коллективном творчестве. Мы четко различаем „Philothaume“ и „J.B.C. Philotaume“. Мы считаем, что человек, назвавшийся тем же именем — переработав свое произведение в творческой манере писателя Филотома (Philothaume), — создал текст „Святейшей Триософии“. Точно таким же образом Калиостро позаимствовал канву своего „Египетского Ритуала“ в загадочном произведении „Sethos“, написанном в 1731 году аббатом Террассоном…*

И если бы это сходство обнаруживалось на более глубоком уровне, было бы, конечно, более заметно общее происхождение этих компиляций, как если бы это исходило от одного и того же человека: J.B.C. Philotaume становится, таким образом, Жозефом Бальзамо, он же Калиостро „любитель чудесного“ (буквально)!

Ученик, конечно же, мог посвятить этот шедевр „Герметического Масонства“ своему учителю, графу де Сен-Жермену…»

Французские авторы П. Монлуан и Ж.-П. Бэйар (P. Montloin и J.-P. Bayard) не *колеблясь* утверждают, что Калиостро написал это произведение в своей камере: *«Не для того ли, чтобы отвлечь себя от ужаса и страданий заключения, написал он эту „Святейшую Триософию графа де Сен-Жермена"? И в самом деле, все подтверждает это предположение: виньетки, раскрашенные в египетском стиле, напоминают о том, что когда-то Бальзамо расписывал веера; символическое описание путешествия, написанное в стиле Книги Мертвых, вызывает в памяти посвящение в Египетский Ритуал; и наконец, берущие за душу советы, адресованные ученику, на первых страницах манускрипта, кажутся исходящими от настоящего узника"*.

Это утверждение до сих пор не доказано, однако многим представляется весьма вероятным. И тогда глава первая "Святейшей Триософии" может быть прочтена как драматическое изложение конца земного пути и прощальное напутствие того, кого Европа конца XVIII столетия знала и восторженно почитала как "божественного Калиостро".

Глава вторая
ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КАЛИОСТРО

Само имя Джузеппе Бальзамо, если его прообразовать при помощи каббалистических методом, означает — "Тот, кто был послан", или "Данный", а также "Господин Солнца", — показывает, что оно не было его истинным родовым именем. Как отмечает Кеннет Р.Х. Маккензи, член Теософического Общества, к концу прошлого столетия среди некоторых теософских профессоров того времени установилась мода транслитерировать в восточной форме любое имя, которое давалось оккультными братствами своим ученикам, предназначенным для работы в миру.

Е.П. Блаватская

Конечно, вслед за Ривьером было бы заманчиво отождествить печального узника застенков инквизиции, знаменитого мага, масона и оккультиста графа Алессандро Калиостро с уроженцем сицилийского города Палермо авантюристом Джузеппе Бальзамо, ибо таково, как принято считать, его настоящее имя. Правда, есть небольшая нестыковка: по-итальянски это имя пишется как Giuseppe Balsamo. Можно возразить: Джузеппе — итальянская форма имени Иосиф, данного младенцу при крещении, по-французски это библейское имя произносится как Жозеф и пишется, как Joseph. "Святейшая Триософия" написана по-французски, автору логично было бы написать свое имя в принятой в этом языке форме. И тогда инициалы J.B.C. логично будет прочитать как Joseph Balsamo Cagliostro.

Вот только далеко не все думают, что Джузеппе Бальзамо и граф Калиостро — одно и то же лицо. Есть сторонники версии, что это совершенно разные персонажи. И биографии у них разные. Так считает, например, английский исследователь У.-Р.-Г. Троубридж, который в своей книге "Калиостро. Блеск и нищета

Мастера магии" (1910) приводит довольно убедительные доказательства своей точки зрения. Как пишет о Калиостро Мэнли Палмер Холл,"*вне всяких сомнений, граф Калиостро является самым оболганным человеком в современной истории*". У.-Р.-Г. Троубридж горячо отстаивает "доброе имя" графа Калиостро: "*Подозрение, которое всегда внушали таинства и магия, сделало фантастическую личность Калиостро легкой мишенью для клеветы. Поэтому о нем сложилось превратное мнение и сведения, дошедшие до нас, так искажены, что узнать этого благородного человека трудно. Больше сотни лет его репутация раскачивалась на виселице бесславия, и всякого, кто пытался вынуть ее из петли, ждали проклятия. Его судьба была его славой. История его помнит не столько за то, что сам он сделал, сколько за то, что с ним сделали*".

Граф Калиостро не имел близких друзей или корреспондентов, с которыми мог бы поделиться сведениями о своем рождении и ранних годах. Делиться ими он избегал. Если такие сведения подчас и проскальзывали в беседах с почитателями или любопытствующими, они были весьма скудны и загадочны: *"Тайна моего происхождения, неразрывная связь с моим неведомым отцом, навсегда останется тайной; тот, кто раскроет ее, поймет меня и одобрит"*. О своей родине он высказывался еще более туманно: "Мое *отечество там, где я оставил свои следы… Я не прошу у государей ничего, кроме того, чтобы быть принятым в их владениях, и, поскольку это право мне обычно предоставляется, я приезжаю и творю добро вокруг себя; но я везде проездом. Я просто знатный путешественник"*. Говоря о своем имени и титуле, он изрекал многозначительные фразы типа: *"Когда я погружаюсь в мои мысли, устремляясь к высшей форме существования, бесконечно далекой от вашей жизни, тогда я становлюсь тем, кем желаю быть… Я назвал себя графом Калиостро по высшему повелению, это не мое настоящее имя. А выше ли это имя или же ниже нынешнего, это, быть может, узнают все, но позже*". Вынужденный оправдываться на процессе по делу об ожерелье королевы Марии-Антуанетты в 1786 году, где его обвинили в преднамеренном мошенничестве, граф Калиостро заявил: "*Мое имя — это имя, данное мне и исходящее из меня; то, которое избрал я, чтобы показаться среди вас. Имя, коим звали меня при рождении, то, кое дали мне в юности, те, под которыми в иные времена и в иных местах меня знали, я эти имена оставил, как оставил устаревшие и ставшие ненужными одежды*".

А имен этих, как водилось в осьмнадцатом столетии, было немало: что ни страна или город, то новое звучное имя. Вот их неполный перечень: Ахарат, Зиче, Малиссе, Мелина, Тискио (а

может быть, Тишио или Чико?), маркиз Пеллегрини, маркиз д'Анна, маркиз Бальзамо, граф Феникс, граф де Гарат, сэр Балтимор, синьор Бельмонте, и даже Фредерико Гвальди или Фридрих Гвалдо, как он отрекомендовался в свое время в Митаве семейству Медем.

Но дважды, представая перед правосудием, граф Калиостро был вынужден рассказать о себе более подробно. Сначала в мае 1786 года, когда его допрашивал парижский суд по ставшему известным на всю Европу громкому делу об ожерелье королевы. Эти показания Калиостро, озаглавленные "Mémoire pour le comte de Cagliostro, accusé, contre M. Le Procureur-Cénéral accusateur", называемые для краткости "Мемуар графа Калиостро" или "Записки графа Калиостро", были немедленно выпущены отдельной книжечкой, которую тут же расхватали жадные до сенсаций парижане. Записки эти сразу же вышли и в русском переводе под названием "Мемориал графа Калиостро против господина генерал-прокурора, обвиняющего его. Писанный им самим. В Москве, в типографии Пономарева, 1786".

Знаменитый кудесник начинает свое жизнеописание так: "Яи *место рождения моего, ни родители мои мне не известны. Различные обстоятельства жизни моей родили во мне сомнения, догадки, кои читатель со мною делить может. […]Первое время во младости моей проводил я в городе Медине в Аравии: там я был воспитан под именем Ахарата, именем, которое сохранил я в путешествиях моих по Африке и Азии. Я имел жилище в чертогах муфтия Ялахаима (другое чтение этого имени — Салахаим). Совершенно помню, что имел при себе четырех человек, наставника лет пятидесяти или шестидесяти, именуемого Альтотас, и трех служителей, одного белого, который был моим камердинером, и двух черных, из которых один день и ночь был при мне безотлучно. Наставник мой всегда говорил мне, что осиротел я на третьем месяце от моего рождения и что родители мои были благорожденные христиане; но он никогда не упоминал ни об их имени, ни о месте моего рождения. Некоторые слова, неосторожно им произнесенные, заставили меня подозревать, что я родился на Мальте*".

Обладавший изрядными познаниями в ботанике, физике и медицине Альтотас развивал ум и способности вверенного ему воспитанника, прежде всего уча его "*признавать Бога и любить ближнего*". Еще учитель неустанно твердил подопечному о необходимости истинно веровать и почитать законы тех стран, где ему доведется жить. "Я *носил, как и он, мусульманскую одежду, и мы по наружному виду исповедовали магометанскую веру, но истинная вера была запечатлена в сердцах наших",* — поведал

Калиостро. Сам владыка, Ялахаим, нередко призывал к себе мальчика или посещал его, милостиво с ним обходясь и весьма почтительно обращаясь к Альтотасу. Мудрый наставник научил питомца многим восточным и древним языкам, часто рассказывал ему о египетских пирамидах, о пространных подземных пещерах, *"ископанных древними египтянами, дабы хранить и защитить драгоценный залог познаний человеческих от времени, все истребляющего*". Когда же мальчику исполнилось 12 лет, наставник объявил, что пришло время покинуть гостеприимный кров владыки Медины и начать странствия. Путники отправились в Мекку, где остановились в чертогах шерифа (царя Аравии). Шериф повелел облачить отрока в богатые одежды, а на третий день их пребывания в Мекке призвал к себе и оказал юному страннику необычайно радушный прием. "*При взгляде на этого властителя,* — пишет Калиостро, — *несказанное смятение овладело всеми могши чувствами; глаза мои наполнились благодатными слезами. Я ясно видел те усилия, какие он должен был над собой делать, чтобы тоже удержать слезы. Об этой минуте я никогда не мог вспомнить без сладчайшего душевного умиления*".

Заронив в душу читателя смутные догадки о причине столь нежного отношения, Калиостро продолжает, что любовь к нему шерифа возрастала изо дня в день. Мальчик пытался расспрашивать наставника и прислужников, но Альтотас сурово обрывал его попытки что-либо выяснить. Однажды ночью из разговора с темнокожим прислужником-арабом, спавшим в его покое, отрок узнал, что если он когда-нибудь оставит Мекку, то ему *"грозят величайшие бедствия*" и ему "*наипаче должно опасаться города Трапезонта*". Так прошло три года, и настала пора наставнику и его воспитаннику покинуть Мекку. Шериф, нежно обняв отправляющегося в путь, заклинал его всегда хранить веру в Предвечного, заверяя, что если юноша выполнит завет, то сделается счастливым и *"познает свой жребий*". На прощание владыка прослезился и воскликнул: "Прости, несчастный сын природы!"

Шериф снарядил для юного путешественника и его наставника особый караван, и они отправились в Египет, где египетские жрецы водили его по храмам и сопровождали в такие места, куда "*обычный странник проникнуть не может",* а затем путники проехали "*главнейшие государства Африканские и Азийские".* О подробностях бывших с ним таинственных приключений Калиостро в рассказе умалчивает.

В 1766 году юноша и сопровождавший его Альтотас *"прибыли на Родос",* где сели на французский корабль и отправились на

Мальту. Там судно, вопреки правилам, не подверглось карантину, а путники были приняты самим гроссмейстером графом Пинто, который отвел для них *"покои в своих палатах"* подле лаборатории. Пинто попросил кавалера д'Аквино, брата князя Караманико, стать опекуном юноши и наблюдать за тем, чтобы ему всюду оказывались подобающие знаки уважения. *"Тогда-то я,* — утверждает далее рассказчик, — *вместе с европейским платьем принял и европейское имя — графа Калиостро".* На Мальте преобразился и наставник, явившийся к своему подопечному в духовной одежде "с *крестом Мальтийским".* Гроссмейстер Пинто, знавший о настоящем происхождении юноши, предложил ему вступить в орден и принять посвящение, однако склонность к путешествиям и "*врачебной науке"* побудила его отвергнуть предложение. Тогда же юный граф Калиостро лишился своего дорогого наставника и духовного отца Альтотаса. Умирая, благородный старец не открыл своему воспитаннику тайну его рождения, но дал последнее наставление: "*Сын мой, имей всегда пред очами своими страх к Предвечному и любовь к своему ближнему, и скоро ты познаешь истину всех моих поучений".* После кончины наставника Калиостро покинул Мальту и вместе с д'Аквино отправился на Сицилию и затем по Средиземного морю в Неаполь, где они и распрощались. Путь Калиостро лежал в Рим, к банкиру Беллони. В столице католического мира граф хотел сохранить инкогнито, но явившийся к нему секретарь кардинала Орсини просил его пожаловать к его преосвященству, и Калиостро не смог отказаться от приглашения. Кардинал Орсини принял Калиостро с великими почестями и познакомил его со знатнейшими дворянами, в том числе с кардиналом Ганганелли (будущим папой Климентом XIV), а затем юноша получил возможность лицезреть тогдашнего папу Климента XIII, с коим он впоследствии *"многократно беседовал".*

Эти детали биографии Калиостро не имеют (да и не могут иметь!) никаких документальных подтверждений, что заставило современников счесть их пустыми выдумками и красивыми сказками. Естественно, простодушным читателям и в голову не могло прийти, что речь идет не о действительных событиях, а о беллетризованном описании нового символического рождения после посвящения, обретения нового имени, раскрывающего его истинное предназначение, прохождении этапов пути духовного просветления неофита и приобщения к Высшим Тайнам…

Алессандро Калиостро. Неизвестный художник

Далее Калиостро рассказывает о фактах: своей женитьбе на Лоренце Феличиани (принявшей затем имя Серафина), о своих многочисленных странствиях по Европе, о благодеяниях, оказанных им бедным, о безвозмездной раздаче лекарств и исцелении тысяч стекавшихся к нему больных и страждущих, приводит свидетельства известных лиц в подтверждение содеянных им чудес и т. д.

Конечно, все рассказанное графом Калиостро его недоброжелатели тут же сочли небылицами, достойными насмешек и пародий. И в 1786–1787 годах в разных странах не замедлили появиться друг за другом несколько разоблачительных сочинений о нем, как вышедших из-под пера знавших его, так и памфлетистов, никогда не встречавшихся с графом лично и высмеивающих "чудеса" и "мистические бредни": "Confessions du comte de Cagliostro avec l'histoire de ses voyages en Russie, Turquie, Italie et dans des pyramides d'Egypte" ("Исповедь графа Калиостро…"), "Mémoire authentique pour servir à l'histoire du comte de Cagliostro" ("Подлинные записки, дабы служить к истории графа Калиостро"), "Cagliostro démasqué à Varsovie ou relation autentique de ses opérations alchimiques" ("Каллиостр, познанный в Варшаве, или Достоверное описание химических и магических его действий, производимых в 1780 году; Москва, 1788"), "Ma correspondence avec M. le comte de Cagliostro" ("Моя переписка о графе Калиостро"), "Nach richt von des berüchtigten Cagliostro Aufenthalt in Mitau im Jahre 1779" ("Описание пребывания в Митаве известного Калиостра на 1779 год и произведенных им там магических действий, собранное графинею Медемскою. СПб., 1787")… и пр. и пр., где правда причудливо перемешана с вымыслом и хватает всяческих нелепиц

о происхождении графа и его похождениях.

В вышедшем в 1791 году в Венеции анонимном произведении "Correspondenza segreta sulla vita pubblica et privata del contedi Cagliostro" ("Секретная переписка о публичной и частной жизни графа Калиостро") тоже хватает чудес и расхожих литературных штампов, но есть и некоторые интересные подробности, под которыми угадывается скрытый аллегорический смысл, подразумевающий, что сей автор тоже не чужд сокровенных тайн, ведомых посвященным, хотя и пересказывает их в насмешливо-язвительной манере. Автор "Писем" определяет юного Калиостро под покровительство некоего вельможи в Лиссабоне, который, в свою очередь, поручает его наставнику (имени его не называется), и тот вместе с Калиостро на судне капитана Бальзамо (перекличка с тем именем, под которым родился на свет "авантюрист") отправляется в путешествие. На море их захватывают тунисские пираты и увозят в Бизерту, где Калиостро попадает ко двору бея, а оттуда в Египет и далее в Аравию, где ему удается отыскать окруженный хрустальной стеноп город царицы Савской, в центре которого произрастает древо добра и зла. Жители города владеют тайны ми науками, и Калиостро остается с ними, дабы изучить секреты древней магии. После десяти лет штудий он удостаивается посвящения и становится преемником верховного жреца (Великого Кофты), и тот дарует ему печать с изображением пронзенной стрелой змеи, держащей во рту яблоко, что означает — "Мудрец обязан хранить свои знания в тайне, недоступной никому".

Покинув заветный город, Калиостро посещает озеро, где отражается луна, увеличенная в шесть тысяч раз, встречается с королем Саламандр, на горе Арарат осматривает остатки Ноева ковчега, посещает гробницу Магомета и, как было условлено, возвращается к воротам Зиден, где его ждет капитан Бальзамо. Капитан везет его сначала в Тунис, а потом на Мальту; там капитан заболевает и умирает в лазарете, а Калиостро берет себе его имя и становится членом семьи Бальзамо, которая отдает его в монастырь ордена милосердных братьев в Кальтаджироне… На этом автор, удачно сплавив воедино миф о Калиостро и историю Джузеппе Бальзамо, завершает свой рассказ.

Отдельная история посвящена и змее с яблоком во рту, ставшей эмблемой Калиостро и использовавшейся им на личной печати. Змея сия явилась магистру в видении, посетившем его в пещере Фолкстонского леса в Англии. То ли во сне, то ли наяву перед ним предстала огненная колесница, коей управляли два неземных существа, сотканных из ярчайшего света. Поклонившись им до земли, Калиостро сказал: "Я пришел, я

готов, что мне надобно делать?" "Ты не тот, кем кажешься, и не кажешься тем, кем станешь", — ответил голос. "Так кто же я? — вопросил Калиостро. — Открой мне эту тайну!" "Еще не время, — произнес голос. — Тебе предстоит увидеть видения невидимые, постичь арканы непостижимые, свершить дела несвершаемые. Ты тот, кто ты есть, и Енох и Илия пребудут с тобой. Ты придешь первым, и эмблемой твоей станет змея, пронзенная стрелой и сжимающая в пасти своей яблоко". И увидел Калиостро змею, державшую в отверстой пасти яблоко. И существа, источавшие свет, сошли с колесницы, приблизились к нему, и вновь услышал он голос: "Не бойся змею, возьми у нее яблоко, съешь его, и обретешь дар чревовещания. А когда настанет час изрекать пророчества, постучи легонько по чреву твоему с левой стороны, и внутренности твои заговорят, и Дух пророческий выйдет из тебя, и многие примут его в свое сердце и будут почитать тебя как Великого магистра". И взяли светлые существа змею с яблоком за хвост, и открыла змея пасть, и выпустила яблоко; и тогда существа отпустили змеиный хвост, и шлепнулся аспид на землю и, сверкнув чешуей, с шипением уполз. Поднял Калиостро яблоко, и голос сказал ему: "Съешь это яблоко, и постигнешь тайны жрецов египетских, и маги станут почитать тебя своим магистром!" И съел он яблоко, и тотчас очутился в самом центре земли, где встретили его Енох и Илия. И сказали ему Енох и Илия: "Да будет будущее для тебя столь же ясным, как настоящее, да будешь ты возрождаться заново, и всякий, кого изберешь ты, тоже станет возрождаться, и назовут тебя другом человечества, и будешь ты продлевать жизнь людей и облегчать страдания". А потом раздался страшный грохот, и Калиостро вновь очутился в пещере, в чаще Фолкстонского леса…

Истолкование встречающихся здесь символов дает известный мистик Элифас Леви в своей книге "История магии". Он пишет о Калиостро и его печати: *"Этот адепт никоим образом не может быть обойден в истории магии; его печать столь же значительна, сколь печать Соломона, и говорит о его посвящении в высшие тайны науки. Согласно каббалистической трактовке имен Ахарат и Альфотас, они выражают главные характеристики Великого Аркана и Великого Делания. Это змея, пораженная стрелой и представляющая букву Алеф, символ союза между активным и пассивным, духом и жизнью, волей и светом. Стрела эта принадлежит Аполлону, а змея — мифический Пифон, зеленый дракон герметической философии.*

Буква Алеф выражает равновесное единство. Этот пантакль воспроизводился в различных формах в талисманах древней магии; однажды змея была заменена павлином Геры, павлином с

царственной головой и многоцветным хвостом. Это эмблема дисперсии света, это птица Magnum Opus, Великого Делания, ее венчик сияет золотом. Позже вместо павлина изображался белый ягненок, молодой солнечный барашек, несущий крест. Как видно по руанским фрескам, павлин, баран и змея имели одинаковое иероглифическое значение — это пассивный принцип и это скипетр Геры. Крест и стрела обозначают активный принцип, волю, магическое действие, сгущение растворенного. Союз этих двух начал есть универсальный баланс. Великий Аркан, Великое Делание, равновесие Иакин и Боаз. Буквы L.P.D., сопровождающие эту фигуру, обозначают Свободу, Силу, Долг, а также Свет, Пропорцию, Сплоченность или Закон, Принцип, Право. Масоны изменили порядок букв на L.D.P. (Liberté de Penser) — свободу мысли. Для непосвященных эти буквы толковались как "Свобода Доступа " (Liberté de Passer). В сообщениях о преследовании Калиостро говорится, что его допрос вскрыл другое значение, латинское Lilia destrue pedibus: "Лилии попираются ногами". В поддержку этой версии можно привести масонскую медаль шестнадцатого или семнадцатого века, изображающую куст лилий, сраженных мечом, на котором написано: "Месть даст свой урожай".

Имя Ахарат, которое носил Калиостро, записанное каббалистически: AH, AR, AT, означает тройной союз: AT — союз принципа и начала; AR — союз жизни и вечности и AH — союз конца и абсолютного синтеза. Имя Альтотас (Althotas), или имя учителя Калиостро, состоит из слова Thot (имя бога Тота, или Гермеса) со слогами Al или As, которые, если их читать каббалистически, составляют слово Sala, означающее "посланник". В сумме имя имеет значение "ТОТ, посланник египтян"".

Итак, магистр носит условно-аллегорическое имя, указывающее на его высокую степень посвящения, и имеет подтверждающую это печать. А настоящее свое имя и прошлое скрывает. Тем больше соблазн это прошлое расследовать.

Как уже сказано выше, первыми прошлым Калиостро заинтересовались французские власти во время процесса по делу об ожерелье в 1785–1786 годах. Основанием для отправки запроса в Палермо — предполагаемый родной город графа Калиостро — послужили полученные французской полицией анонимные письма. Данные, собранные по запросу в Палермо, совпали со сведениями, сообщенными из Палермо неким анонимом, отправившим в адрес парижской полиции два письма (от 22 июня и 2 ноября 1786 года), в которых сей аноним признавался в своем знакомстве с дядей Джузеппе, Антонио Браконьери, который и рассказал ему о юности племянника. А 16

июля 1786-го полиция получила анонимное письмо из Лондона, в нем говорилось о пребывании в Англии проходимца Бальзамо, а также о том, что в 1772 году оный Бальзамо прибыл в Париж, а в январе 1773 года обратился с просьбой к тогдашнему начальнику полиции Сартину заключить его жену в исправительную тюрьму Сент-Пелажи — за то, что она якобы изменила ему с неким Дюплесси. "*Мадам Бальзамо арестовали и допросили. Отвечая на вопросы о своем происхождении, о своей жизни и о жизни мужа, она сообщила такие подробности, кои не позволяют сомневаться, что Жозеф Бальзамо является тем же самым лицом, кое с тех пор известно под именем Александра Калиостро*". Эти подробности из письма анонима недвусмысленно указывают на то, что он явно почерпнул их из протокола допроса, а значит, получил доступ к секретным документам полиции и вообще имел к полиции самое прямое отношение. И полиция инициировала расследование происхождения и предыдущей биографии уроженца Палермо Жозефа (или по-итальянски Джузеппе) Бальзамо, известного как граф Алессандро Калиостро.

Первым составителем немифологической родословной Бальзамо стал правовед из Палермо адвокат Вивона, которому французское посольство поручило установить происхождение магистра. В апреле 1787 года прибывший на Сицилию Гете направился прямиком в Палермо к этому почтенному служителю закона, и затем, узнав от него необходимые сведения, навестил родственников Джузеппе Бальзамо — его престарелую мать, урожденную Феличе Браконьери, по мужу Бальзамо, и сестру Джованну Марию Капитуммино, вдову с тремя детьми, по-прежнему проживавших в Палермо. В этом городе автор "Фауста" испытал, по его словам, "*необыкновенное приключение*": разыскав семью Джузеппе Бальзамо, выдал себя за друга Калиостро, чтобы разведать, действительно ли Калиостро и Бальзамо — одно и то же лицо. В общем, однако, ни близкие, ни земляки Бальзамо, которые давно о нем позабыли, сами ничего толком не знали… Этот визит Гете весьма саркастически описал в своих "Путешествиях в Италию", а в пьесе "Великий Кофта" (1791) и вовсе представил графа Калиостро мошенником.

Гете утверждал, что Джузеппе Бальзамо родился и рос в квартале Альбергария, где селились в основном торговцы и ремесленники, в переулке Перчата (именуемом сегодня переулком Калиостро), зажатом между площадью Балларо и Порта ди Кастро. На площади с утра до вечера бурлил рынок, а рядом проходила улица, где во времена Бальзамо, по словам Гете, скапливалось *"очень много соломы и пыли",* ибо лавочники сметали от своих лавок мусор и отбросы на середину улицы, где

они и сохли вперемешку с соломой, ожидая, когда их разнесет внезапно налетевший из Африки, из раскаленных песков Аравии горячий южный ветер, по-латыни caldo austrum, откуда и пошло его сицилийское название cagliostro…

Джузеппе, как полагает де Вентавон, один из современных биографов Калиостро, считал, что его отец Пьетро Бальзамо является наследником знаменитой династии византийских императоров Комнинов (бывших в 1204–1461 годах правителями Трапезунда). Следовательно, он тоже мог претендовать на корону… Впрочем, узнав, что одного из его предков звали Маттео Мартелло, Джузеппе немедленно возвел свой род к Карлу Мартеллу, великому королю (а точнее, майордому) из французской королевской династии Меровингов. Другой биограф Калиостро, М. Авен, утверждает, что не только род Бальзамо имел благородные корни, но и род Браконьери, к которому принадлежала мать Джузеппе, имел отношение к сицилийской знати. Из знатных предков Браконьери чаще всего вспоминают Симоне, приобретшего в 1439 году баронское владение Пископо и ставшего кастеляном замка Кастрореале. На гербе новоиспеченного барона были изображены две алые собаки на серебряном поле и две алые звезды. Мужчины из благородного семейства Бальзамо исполняли на Сицилии официальные должности или становились мальтийскими рыцарями.

И.-В. Гете. Художник Й.-К. Штилер

Гете, а следом за ним и другие биографы магистра, обычно углубляются в историю его рода не дальше Маттео Мартелло: *"Прадедом Джузеппе Бальзамо с материнской стороны был Маттео Мартелло. Имя его прабабки неизвестно. От этого брака произошли две дочери. Одна из них, Мария, в замужестве за Джузеппе Браконьери, была бабкой Джузеппе Багьзамо. Другая, по имени Винченца, вышла замуж за Джузеппе Калиостро, уроженца маленького местечка La Noara, находящегося в восьми милях от Мессины. Замечу здесь, что в Мессине проживают еще два литейщика того же имени. Эта двоюродная бабка стала впоследствии крестной матерью Джузеппе Бальзамо; он получил при крещении имя ее мужа, а в конце концов за границей принял и фамилию Калиостро, принадлежавшую его двоюродному деду. У четы Браконьери было трое детей: Феличита, Маттео и Антонио. Феличита вышла замуж за Пьетро Бальзамо, сына торговца лентами из Палермо Антонио Бальзамо, по-видимому происходившего из евреев. Пьетро Бальзамо, отец пользующегося печатной известностью Джузеппе, обанкротился и умер на сорок пятом году от рождения. Его вдова, которая жива и поныне, родила ему, кроме упомянутого Джузеппе, еще дочь Джованну Джузеппе Марию. Эта последняя вышла замуж за Джованни Батиста Капитуммино, который имел от нее троих детей и умер".*

Автор вышедшей в журнале "Русская старина" (т. XII, 1875 г., январь) обширной статьи "Калиостро, его жизнь и пребывание в России", подписавшийся просто "В. Зотов", пишет: "*Гораздо более верные сведения об авантюристе мы находим… в брошюре, появившейся в Риме в 1791 году, во время процесса Калиостро, и написанной иезуитом Марчеллем*". Иезуит отец Марчелло именовал себя монсеньором Джованни Барбери и выступал на процессе в роли генерального обвинителя, разысканные папскими ищейками сведения и почерпнутые в ходе процесса материалы о жизни мага он выпустил в форме брошюры под названием "Compendio della vita e delle gesta di Giuseppe Balsamo denominate il conte di Cagliostro, Che si e estratto dal processo contro di lui formato in Roma. L'anno 1791 in Roma". *"Факты, собранные Марчеллем, были такого рода, что их нельзя было опровергнуть*", пишет Зотов, ибо "*все эти проделки доказаны официальными протоколами*". Но что это были за проделки, будет рассказано в следующей главе.

Глава третья
ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ БУДУЩЕГО ГРАФА

…знаменитый Адепт, настоящее имя которого, как утверждали (его враги), было Жозеф Бальзамо. Он был родом из Палермо и учился у какого-то таинственного чужеземца, о котором мало что известно. Его общепринятая история слишком хорошо известна, чтобы нуждаться в повторении, а настоящая никогда не была раскрыта.

Е.П. Блаватская. "Теософский словарь", статья "Граф Калиостро"

Джузеппе Бальзамо родился в Палермо предположительно 2 июня 1743 года, а 8 июня, на шестой день после рождения, его крестили в Палатинской часовне Норманнского дворца, личной часовне сицилийских королей и вице-королей. Записей о его рождении не сохранилось, есть только запись о крещении, а так как, согласно католическим правилам, младенца крестили по достижении им семи дней от роду, исходя из этого и высчитывается предположительная дата его рождения. При крещении мальчику дали имя Джузеппе, к которому прибавили также имена Джамбаттиста Винченцо (в честь крестного отца Джамбаттисты Бароне и крестной матери Винченцы Калиостро) Пьетро Антонио Маттео — в честь отца и дядьев со стороны матери. Впоследствии дата рождения и дата крещения по невнимательности или незнанию биографов слились воедино, поэтому сегодня в большинстве историй жизни Калиостро датой его рождения указывается именно 8 июня, то есть дата крещения.

В. Зотов пишет: *"О детстве и молодости Калиостро мы имеем мало достоверных сведений, но они существуют и хранятся в архивах Ватикана, и это подает надежду, что они когда-нибудь будут обнародованы. В 1790 году, когда начался процесс авантюриста, схваченного в Риме, иезуиты употребили все свое влияние, чтобы добиться правды в его показаниях и собрать неопровержимые факты о его происхождении, поступках и*

пребывании в разных странах. Что они достигли своей цели, в этом не может быть ни малейшего сомнения, если мы вспомним, какими могущественными средствами обладал этот орден, каких преданных слуг имел он во всех государствах, во всех слоях общества. Но все подробности этого процесса, протоколы допросов, свидетельские показания — все это осталось тайною".

Тем не менее некоторые сведения о его детских и молодых годах были опубликованы в изданной отцом Марчелло брошюре, которая была переведена на все европейские языки. В ней отец-иезуит доказал, что настоящее имя Калиостро было Бальзамо. Кратко пересказывая труд отца Марчелло, В. Зотов продолжает: *"Родился он в Палермо 8 июня 1743 года от бедных родителей: Пьетро Бальзамо и Феличии Браконьери. Отец его был мелкий купец, по смерти которого дядя мальчика с материнской стороны дал ему воспитание в семинарии Св. Роха, в Палермо. Молодой Джузеппе Бальзамо убегал не раз из этого училища. Тринадцати лет он был поручен генералу ордена Милосердных братьев, который определил его послушником в монастырь Кальтаджироне. Там он поступил помощником к аптекарю, у которого научился первым основаниям химии и медицины. Но в то же время он вел такую жизнь, что монахи часто были принуждены наказывать его. Тогда он бежал из монастыря в Палермо, где одно время занялся рисованием, что не мешало ему вести разгульную жизнь и участвовать во всех уличных драках и стычках с полицией. Он подделывал также театральные билеты и, живя у своего дяди, обокрал его на довольно значительную сумму. В двоюродную сестру его влюбился один синьор, и Джузеппе, передавая ей письма возлюбленного, уверял его, что она нуждается то в деньгах, то в часах, получал их для нее и присваивал себе. Занимаясь у одного нотариуса, он подделал завещание маркиза Мауриджи, лишив этим одно богоугодное заведение значительной суммы…*

Несколько раз молодой Бальзамо судился, сидел в тюрьме, но был выпускаем, то по недостатку улик, то по ходатайству родных. Наконец он принужден был бежать из своего родного города за слишком дерзкую проделку с одним ювелиром, которого он обокрал, уверив его, что близ городских ворот зарыт клад. Бальзамо и другие его товарищи оделись чертями, избили и обобрали доверчивого простака".

А другие рассказчики дополняют историю с ювелиром и ростовщиком по имени Марано или Мурано новыми подробностями: Джузеппе Бальзамо втерся в доверие к золотых дел мастеру Марано и за хорошее вознаграждение сообщил ему, что в известном ему месте в окрестностях Палермо будто бы зарыт богатый заговоренный клад. Приведя легковерного

ростовщика к пещере, где хранился клад, он с помощью чревовещания убедил ростовщика, что клад охраняет нечистый дух, одолеть его можно только одним способом: оставить перед входом в пещеру шестьдесят унций золота (1,7 кг). При помощи "древних" и загадочных заклинаний молодой человек "точно" определил местонахождение богатств, очертил на земле магический круг, предупредил, что, возможно, клад охраняется бесами, и предложил Марано копать, а сам удалился. Как только лопата вонзилась в землю, раздался дикий вой, и невесть откуда взявшиеся "бесы" набросились на ювелира и избили его до потери сознания. Но напуганный старик должен был еще час лежать неподвижно, а за это время его обидчиков и след простыл. Доковыляв до города, потерпевший обратился в полицию. Полицейские, как водится, в бесов не поверили — и Бальзамо пришлось покинуть Палермо, чтобы избежать тюрьмы. Эти рассказы о бурной юности Бальзамо ясно свидетельствуют о том, что он отличался пылким и необузданным нравом, богатой и разносторонне одаренной натурой, его энергия искала себе выхода, а природные способности лучше всего могли реализовываться в такой деятельности, которая не всегда выглядела благовидно.

С момента бегства из родного Палермо началась его карьера мелкого афериста. Он скитался по городам Италии, где, используя навыки рисовальщика, подделывал завещания и векселя, а с помощью полученных от отца-травника знаний по целительству и фармакологии и составлению всевозможных порошков, мазей, отваров, настоек и бальзамов из целебных трав изготавливал и продавал приворотные зелья, промышлял мошенничеством, продавая простакам чудесные амулеты. Затем его следы затерялись на три года, до 1766 года: возможно, в этот период одаренный разными талантами молодой человек и впрямь побывал на Ближнем Востоке и в Африке, где обрел наставника, названного им условным именем "Альтотас", и многому научился.

Но прежде чем отправиться странствовать на Восток, Бальзамо решил навестить свою двоюродную бабушку и крестную мать, жившую близ Мессины — Винченцу Калиостро, дочь Маттео Мартелло. Увы, она уже умерла, а наследство было поделено между родственниками. Тогда Бальзамо присвоил себе ее звучную фамилию и с этого времени стал называться Калиостро.

Новоиспеченный Калиостро и его наставник побывали в Египте. Там они выделывали окрашенные под золото ткани, пользовавшиеся большим спросом; Альтотас, по-видимому, обладал некоторыми познаниями в области химической технологии. В египетской Александрии Джузеппе близко сошелся

с уличными факирами. Он овладел приемами гипноза, изучил магические формулы, научился довольно сложным фокусам, собрал коллекцию экзотических предметов. С Альтотасом он побывал в Мемфисе, Каире, посетил Мекку. Из Египта они перебрались на остров Родос, затем на Мальту, где, по одной из версий, назвавшегося своим настоящим именем Джузеппе Бальзамо принял сам гроссмейстер, португалец Пинто да Фонсека, известный своим увлечением алхимией. В одной из башен гроссмейстерского дворца Пинто оборудовал и оснастил лабораторию, куда допустил Бальзамо. Тесные отношения Калиостро с орденом и благосклонность его Великого магистра могут объясняться тем, что на протяжении веков многие члены семьи Бальзамо становились мальтийскими рыцарями. Но если, как впоследствии утверждала Папская курия, предками Калиостро со стороны отца были евреи, значит, среди них не могло быть мальтийцев, ибо для вступления в орден следовало доказать, что в роду на протяжении двухсот лет не было ни магометан, ни евреев… Однако в любом случае фамилия Бальзамо рыцарям, защищавшим крест, была известна, ибо фамилия эта была достаточно распространенной в Италии: среди дворянства насчитывалось по крайней мере шесть семейств Бальзамо, и три из них — на юге страны.

Поэтому вслед за одним из рационально мыслящих исследователей жизни графа Калиостро, убрав все чудесное из его собственного жизнеописания, вполне можно допустить, что Джузеппе, прибыв самостоятельно на Мальту, поступил в прислужники к рыцарям-мальтийцам и усердием и любознательностью сумел привлечь к себе внимание гроссмейстера, поселившего пытливого юношу рядом с собственной лабораторией и направившего его на путь познания арканов высшей мудрости. Бальзамо постигал теорию, к азам которой мог приобщиться еще подростком, будучи послушником в монастыре, и применял ее на практике, выступая подручным высокоученых мастеров в одной из лучших алхимических лабораторий того времени. На Мальте Бальзамо мог ознакомиться и с учением рыцарей Розы и Креста, иначе розенкрейцеров, о которых рассказывали столько чудесного, а наверняка не знал никто. Видимо, рвение молодого сицилийца принесло ему успех в постижении алхимических наук и благоволение главы Мальтийского ордена. Предполагается, что гроссмейстер Пинто даровал ему таинство посвящения в герметические философы, как именовали себя адепты Великого Делания. Новому адепту надлежало принять новое имя, и Джузеппе выбрал имя Алессандро и фамилию своей крестной —

Калиостро. Утверждают, что одновременно с новым именем Джузеппе получил и титул графа, ибо гроссмейстер имел право даровать членам ордена дворянство за особые таланты или заслуги.

Узнав о намерении Бальзамо покинуть Мальту, гроссмейстер Пинто снабдил его деньгами и рекомендательными письмами, в частности к графу де Бретвилю, послу Мальты при Святейшем престоле, и римскому банкиру Беллони.

С Мальты Бальзамо прибыл в Неаполь (возможно, в сопровождении кавалера д'Аквино, князя Караманико, которому Пинто поручил опекать Джузеппе). Спустя много лет, когда инквизиция сделает все, чтобы очернить подсудимого Калиостро, она откопает еще несколько бросающих на него тень приключений из его бурной молодости. По дороге, в местечке Пиццо — если верить инквизиции — Бальзамо (один или с приятелем) был задержан по обвинению в похищении девицы. Но похищенную не нашли, и Бальзамо пришлось выпустить: улик против него не оказалось. Многие биографы считают, что в Неаполе Джузеппе встретил старого приятеля-сицилийца и, поддавшись на его уговоры, вместе с ним открыл игорный дом. Предприятие прогорело, владельцев арестовали, но вскоре отпустили, предписав оплатить судебные издержки. Однако Бальзамо ничего платить не стал и отправился в Рим.

В Риме он поселился в небогатом квартале, где часто останавливались бедные, но благородные паломники, и стал вести жизнь художника-рисовальщика, принимая закалы на копирование эстампов, гравюр и даже картин. Дохода подобная деятельность приносила немного, и Джузеппе взялся за старое: начал приторговывать "волшебным" товаром, предлагая прибывшим в город пилигримам не только картинки с видами города (выдавая копии за оригиналы), но и бальзамы и амулеты собственного изготовления. На вырученные деньги он кутил в веселых домах, наверстывая упущенные за время пребывания на Мальте плотские радости. Хозяйка дома свиданий, толстая неаполитанка, обратила внимание клиента на дочку соседа, юную голубоглазую Лоренцу Феличиани. М. Хотинский, ссылаясь на протоколы инквизиции, описывает ее внешность так: *"У нее был средний стройный стан, белая кожа, черные волосы, круглое лицо, блестящие глаза и весьма приятная физиономия*". Девушка была родом из почтенной и набожной римской семьи. Отец ее, Джузеппе Феличиани, медник (возможно, шорник, кузнец или каретник), имел собственную мастерскую, расположенную неподалеку от церкви Тринита деи Пеллегрини; мать, Паскуа Феличиани, была ревностной католичкой и запретила учить дочь

грамоте, дабы у той не появился соблазн читать любовные записки.

Впрочем, о молодых годах будущей графини Калиостро сохранилось еще меньше сведений, нежели о ее супруге. Скорее всего, она действительно была щедро одарена от природы, но не имела ни благородного происхождения, ни образования. Выйдя замуж, она стала верной спутницей супруга и помощницей во всех его делах, хотя и все беды Калиостро произошли от Лоренцы. Теософ Елена Петровна Блаватская писала: *"Главной причиной всех его жизненных трудностей был его брак с Лоренцой Феличиани, которая была орудием в руках иезуитов; и двумя меньшими причинами были его исключительно добрая натура и та слепая доверчивость, которую он проявлял в отношении своих друзей — некоторые из которых стали предателями и его ненавистными врагами. Никакое из тех преступлений, в которых его обвиняли, не привело к уменьшению его славы и к ухудшению его посмертной репутации; но все это произошло из-за его слабости к недостойной женщине и обладания тайнами природы, которые он не разгласил церкви*".

В апреле 1768 года четырнадцатилетняя Лоренца Феличиани и двадцатипятилетний Джузеппе Бальзамо, рисовальщик пером, обвенчались в церкви Сан-Сальваторе ин Кампо.

Молодые супруги стали жить в доме родителей Лоренцы, но вскоре рассорились с родителями и съехали. Негодование благочестивых католиков Феличиани вызвали свободные взгляды их зятя на брак и супружескую верность, о которых им рассказала дочь. Супруг объяснил ей относительность понятий добродетели и супружеской чести и растолковал целесообразность умения пользоваться своими природными дарами и талантами. По его мнению выходило, что измена, если она предпринимается с ведома супруга и служит его интересам, не может считаться грехом и вполне приемлема как путь добывания средств к существованию, которых у молодых супругов было явно недостаточно, чтобы удовлетворить их запросы.

Лоренца обожала наряды, что требовало денег, небольшое приданое быстро утекло сквозь пальцы, и чтобы финансово обеспечить семью, молодожен Бальзамо завязал партнерские отношения с двумя своими ловкими земляками — отъявленными проходимцами: Оттавио Никастро (кончит свои дни на виселице) и маркизом Альятой (Agliata). Альята продемонстрировал новому знакомцу патент полковника прусской службы, подписанный якобы самим Фридрихом Великим, и отрекомендовался полномочным представителем прусского двора. Позже маркиз лично изготовил полковничий патент и для Бальзамо, где тот

именовался полковником испанской службы графом Фениксом; похоже, именно с этим патентом Калиостро впоследствии отправится в Россию.

Альята использовал таланты Бальзамо-рисовальщика, чтобы подделывать патенты, банковские векселя, аккредитивы и рекомендательные письма от именитых лиц, чтобы с их помощью втираться в доверие богатых семейств. Такая жизнь не способствовала проживанию в одном месте, и они часто переезжали из города в город. Но компаньоны вскоре рассорились. В Лорето Никастро донес на своего приятеля, и маркиз спешно перебрался в Бергамо, куда Джузеппе и Лоренца последовали вместе с ним. Там Альята, которому угрожал арест, забрав все деньги супругов, скрылся, подбросив Бальзамо компрометирующие документы. Мужа выручила Лоренца, которая при обыске спрятала опасные бумаги за корсаж. Ничего не обнаружив, полиция вынуждена была отпустить супругов.

Лоренца Феличиани. Неизвестный художник

Блаватская, стремясь обелить Калиостро, пишет: "*Эта его честность, которая делала его слепым по отношению к недостаткам тех, о ком он заботился, и заставила его поверить двум таким мошенникам, как маркиз Аглиато и Оттавио Никастро, и лежит в основе всех тех обвинений во лжи и мошенничестве, которые ныне расточаются в его адрес. И все грехи этих двух "героев " — впоследствии казненных за гигантские надувательства и убийство — ныне сваливают на Калиостро. Тем не менее, известно, что он и его жена (в 1770 году) остались без средств в результате бегства Аглиато со всеми их денежными сбережениями и были вынуждены просить милостыню во время своего пребывания в Пьемонте и Женеве*".

Оставшись без гроша, Бальзамо решил отправиться в Галисию, к гробнице святого Иакова Компостельского — Сантьяго де Компостела. Ему было известно, что при дороге, ведущей к

мощам святого, мальтийские рыцари держали гостиницы для паломников, где без всякой платы можно было получить кров и пищу. В. Зотов пишет об этом в своем очерке: *"Так он покинул Италию и отправился с женою в Испанию, в одежде пилигримов, продавая по дороге священные амулеты, жизненные эликсиры, симпатические лекарства, бальзамы и тинктуры, возвращающие молодость и красоту, философский камень, превращающий в золото неблагородные металлы. Бальзамо продавал все, не исключая своей жены. Последняя торговля приносила ему более значительный доход. Это происходило в 1770 и 1771 году. Авантюристу было тогда 28 лет…".*

С собой у Джузеппе имелась книга "Чудесные тайны" (" Secreti ammirabili") итальянского картографа и натуралиста XVI века Джироламо Рушелли, известного также под псевдонимом Алессио Пьемонтезе. Живым и доступным языком Пьемонтезе раскрывал читателям загадки природы, приводил рецепты целебных составов от всех болезней, рассказывал о свойствах минералов и веществ, об алхимических превращениях. Надо сказать, популярностью книга пользовалась необычайной, хотя наряду с простыми составами автор приводил немало составов экзотических, куда следовало добавить, к примеру, кровь удода или корешок мандрагоры. Долгое время Джузеппе не расставался с этой книгой, извлекая из нее полезные сведения как для составления бальзамов и эликсиров, так и для алхимических опытов.

На обратном пути, когда они прибыли в Экс-ан-Прованс и остановились в трактире "Три дельфина", их приметил проживавший в той же гостинице Джакомо Джироламо Казанова и впоследствии поведал об этой встрече в книге мемуаров "История моей жизни". Написанный уже после громкого процесса и осуждения Калиостро, рассказ этот изобилует неточностями, что подметили проницательные исследователи жизни Калиостро, да и вообще все, что выходило из-под пера знаменитого своими любовными приключениями авантюриста и при этом даровитого писателя, представляет собой щедро приукрашенную цветистым вымыслом полуправду, поэтому относиться к подобному "документальному свидетельству" следует с большой осторожностью. Может быть, никакой встречи Казановы с супругами Калиостро не было и вовсе, потому что хронологически тут неувязка: после своего турне в Испанию в 1768 году Казанова, как следует из его "Записок", три недели лечился в Экс-ан-Провансе в мае 1769 года, после чего уехал в Италию, где жил в Ливорно, Риме, Флоренции и Триесте, ожидая разрешения вернуться в родную Венецию, что ему было позволено

только в 1774 году, а вояж четы Калиостро по Испании и затем Португалии относится, как мы видели раньше, к 1770–1771 годам. Разве только предположить, что, совершив из Италии пешее паломничество в Сантьяго де Компостела близ границы с Португалией, супруги Калиостро далее проследовали через всю Францию в находящийся близ Марселя Экс-ан-Прованс, далее в Авиньон, оттуда — кружным путем через Женеву и Пьемонт — в Турин и находящийся еще в нескольких сотнях километров Рим, а оттуда опять вернулись в Испанию, чтобы провести там несколько месяцев, и в Португалию? Другие исследователи предполагают, напротив, что Калиостро с женой не совершали никакого паломничества в Сантьяго де Компостела. Но, тем не менее, рассказ Казановы заслуживает того, чтобы его привести: "*Однажды за обедом завели разговор о новоприбывших паломнике и паломнице, итальянцах, что шли пешкам из Галисии от святого Иакова, должно быть, знатных особах, ибо, вошед в город, они роздали нищим немало денег. Прелестная паломница, коей, сказывали, было лет восемнадцать, такая была уставшая, что сразу легла почивать".* Казанова во главе *"оравы"* заинтригованных постояльцев поспешил нанести визит незнакомцам, в которых со своим превосходным знанием людей предполагал найти *"фанатичных святош, а может, и пройдох",* и запечатлел их внешний облик так: "*Паломница сидела в креслах с выражением крайней усталости на челе, привлекая взоры своею юностью, печальной красотой и распятием желтого металла, дюймов в шесть, что держала в руках. Она отложила его при нашем появлении и встала, чтобы радушно нас приветствовать. Паломник, возившийся с ракушками, прицепленными к ее черной клеенчатой накидке, не пошевелился; указав глазами на жену, он, казалось, предлагал забыть о его скромной особе. Выглядел он лет на пять-шесть старше ее, ростом мал, крепко сбит, лицо запоминающееся, исполненное отваги, наглости, насмешки, плутовства, тогда как на лице жены его, напротив, были написаны благородство, скромность, наивность, мягкость и стыдливость. Оба они с трудом изъяснялись по-французски и вздохнули облегченно, когда я заговорил по-итальянски. Она назвалась римлянкой, что я без того понял по красивому ее выговору, а его я принял за сицилийца, хоть он и уверял меня, что неаполитанец. Судя по паспорту, выданному в Риме, фамилия его была Бальзамо, она же звалась Серафина Феличиани и имени своего не переменяла. Читатель встретит спустя десять лет Бальзамо, превратившегося в Калиостро.*

Она поведала, что возвращается в Рим вместе с мужем своим, довольная, что поклонилась святому Иакову Компостельскому и

Деве дель Пилар; туда они шли пешком и так же возвращаются обратно, живя одним подаянием, тщетно надеясь нищетою своею заслужить перед Господом, ибо много грехов на душе ее. "Но напрасно я всегда прошу один только медный грош, — сказана она, — мне всегда подают серебро и злато, и потому мы понуждены во исполнение обета раздавать, вошед в город, все деньги нищим, ведь оставить их у себя — значит не верить в бесконечную милость Господню".

Она призналась, что крепыш муж нисколько не страдал, тогда как она измучилась до чрезвычайности от того, что надо каждый день идти пешком, спать на скверных: постелях не раздеваясь, чтоб не подхватить какую-нибудь кожную болезнь, от которой так непросто избавиться. Похоже, она упомянула об этом для того лишь, чтоб возбудить в нас желание увидеть гладкую кожу ее, а не только руки, белизной коих мы покамест могли любоваться задаром. В лице был приметен один изъян: гнойливые ресницы портили нежный взгляд прекрасных голубых глаз. Она сказала, что намерена отдохнуть три дня, а затем отправиться в Рим через Турин, дабы поклониться святой плащанице. Она знала, что их в Европе несколько, но ее уверили, что подлинная хранится в Турине; именно ею Святая Вероника стерла пот с лица Спасителя, именно на ней запечатлелся его божественный лик.

Мы удалились, восторгаясь прекрасной паломницей, но не слишком уверившись в ее набожности. Что до меня, то, не вполне оправившись от болезни, я и не думал ее домогаться, но многие спутники мои с большой охотою предложили бы ей отужинать наедине. Наутро является пилигрим, чтоб осведомиться, желаю ли я подняться позавтракать с ними, или, может, лучше они спустятся; ответить "ни то, ни другое" я не мог и сказал, что буду рад видеть их у себя. За завтраком я спрашиваю, каков род его занятий, и паломник объявляет, что он рисовальщик. Талант его заключался не в придумывании черно-белых картин, а в копировании эстампов, но он уверил меня, что искусство его столь совершенно, что он перерисует пером любую гравюру с такой точностью, что никто не сможет отличить копию от подлинника.

— Я рад за вас. Умение это вас не озолотит, но на хлеб насущный без особых хлопот заработаете себе повсюду, где только пожелаете остановиться.

— Так все говорят и все ошибаются. Моим ремеслом не прокормишься. И в Риме и в Неаполе я за день работы получал всего полтестоне. Так можно с голоду помереть.

Тут он показывает изготовленные им веера, краше которых и вообразить нельзя. Они были нарисованы тушью, а казались

гравюрами. Чтоб окончательно убедить меня, он извлек копию Рембрандта, что была, коли возможно, краше оригинала. Талант его был несомненный, а меж тем он клялся, что ему на жизнь не хватает; но я ему не поверил. Он был из породы гениальных лентяев, что предпочитают бродяжничать, а не трудиться. Я предложил ему луидор за веер, но он отказался, прося принять его в дар и устроить для них за табльдотом сбор пожертвований, ибо послезавтра они хотели ехать. Я благодарил и обещал помочь.

Я собрал для них пятьдесят или шестьдесят экю, за коими пришла сама паломница, когда мы еще сидели за столом. В молодой женщине не было и толики любострастия, напротив, все в ней дышало добродетелью. Ее попросили написать свое имя на лотерейном билете, но она отговорилась, сказав, что в Риме девочек не учат грамоте, если желают воспитать их честными и порядочными. Все засмеялись, а я нет, мне было жалко и больно глядеть на ее унижение, но с той поры я уверился, что она из крестьян.

Наутро она пришла в мою комнату просить рекомендательное письмо в Авиньон; я в один присест написал два, одно к г-ну Одифре, банкиру, а другое к хозяину трактира Сент-Омер. Ввечеру, после ужина, она вернула мне первое из них, сказав, что муж ее рассудил, что оно им ни к чему. И тут она предлагает как следует на письмо посмотреть, то ли она возвращает; я верчу его в руках и говорю, что, конечно, то самое, какие тут сомнения. Но она, рассмеявшись, сообщает, что я ошибаюсь, что это копия. Я отказываюсь верить. Она зовет мужа, и он, спустившись с письмом моим, разоблачает удивительную сию подделку; это ведь не сложней будет, чем гравюру перерисовать. Я долго восторгался его умением, присовокупив, что он может извлечь из него немалую выгоду; но действовать надлежит с превеликой осторожностью, а то можно и головы лишиться.

Назавтра чета уехала. Читатель узнает в свой черед, то бишь через десять лет, где и как я вновь повстречал этого человека, принявшего имя графа Пеллегрини, и добрую Серафину, его жену и преданного друга. Ныне, когда я пишу эти строки, он находится в тюрьме, откуда ему уже не выйти, а супруга, быть может, обрела счастье в монастыре. Мне говорили, что он умер".

Как упоминает Казанова, через несколько лет после первой встречи они увиделись еще раз. Но смерть помешала Казанове закончить "Записки", и его перо не запечатлело эту встречу, которая, как пишут биографы Казановы, состоялась в 1778 году в Венеции, куда граф Пеллегрини, он же граф Алессандро Калиостро, и Лоренца, она же графиня Серафима Калиостро, прибыли проездом из Неаполя. Надо заметить, что принятое

графом имя "Пеллегрини" происходит от итальянского слова "паломник", и еще — Монте Пеллегрини называется гора близ Палермо. Супруги Калиостро поразили своих поклонников роскошью платья, дорогими перстнями, разъезжали в собственной карете и остановились в лучшей гостинице, в то время как Казанова донашивал некогда лучший, но с тех пор успевший вытереться на локтях фрак и столь же потертые бархатные кюлоты; работал же бывший авантюрист штатным осведомителем инквизиции. Тем не менее оба мужчины быстро нашли общий язык, и в течение нескольких дней Казанова возил знаменитую пару по каналам, показывая красоты своего родного и любимого города (за право вернуться в который ему пришлось стать доносчиком). Говорят, престарелый Казанова пытался выведать у Калиостро его тайны — то ли масонские, то ли чародейские, дабы потом — по долгу службы! — донести на него инквизиции. Но в тот раз узнать тайны не удалось, так что осведомителю ничего не оставалось, как в очередной раз сочинить отсебятину.

Что же касается "паломничества" супругов Калиостро в Сантьяго де Компостела, о нем и нескольких последующих годах странствий Калиостро по Европе нет никаких достоверных документальных данных, а есть только сплетни, слухи и предания. Согласно этим "данным" весьма сомнительного толка, в этом "паломничестве" супруги пережили еще несколько приключений, последовательность и хронология которых, впрочем, не может быть точно установлена и разными авторами составляется весьма произвольно. Например, французский беллетрист Л. Фигье в своей книге "История чудес в новейшие времена" (Figuier L. Histoire du Merveilleux dans les temps modernes) рассказал, что в этот период в Марселе Бальзамо удалось завязать знакомство с некой знатной особой изрядного возраста, страстной почитательницей тайных наук. Богатый воздыхатель увядающей красотки разделял с нею любовь к алхимии, и Джузеппе пообещал омолодить обоих с помощью некоего чудодейственного жизненного эликсира. Под предлогом необходимости приобретения дорогостоящего оборудования для варки снадобья супруги почти месяц тянули из легковерной графини деньги, а когда в Марсель прибыл брат Лоренцы, красавчик Паоло, задумали устроить его брак с одной из племянниц почтенной графини. Не встретив поддержки ни с одной, ни с другой стороны, замысел провалился, и тогда супруги сообщили, что должны вместе с Паоло отправиться на поиски необходимых для омоложения зелий, и, получив от пожилых поклонников солидные средства, в карете графини отбыли в

Испанию, где не без выгоды продали экипаж. В Испании молодой человек надеялся отыскать принцессу Трапезундскую, которой, как ему предсказали, суждено было стать его женой. Не встретив суженую, Паоло вернулся в Италию, а Бальзамо, запомнив его рассказы о знатности и красоте принцессы, в своей легендарной биографии намекнет, что матерью его является принцесса Трапезундская… Впрочем, может быть, марсельский эпизод относится ко временам на четыре-пять лет позже и не связан с паломничеством четы Калиостро в Испанию.

Собор Сантьяго де Компостела. Современный вид

Путешествуя по югу Испании, супруги прибыли в Барселону, где стали выдавать себя за разорившихся аристократов, заключивших тайный брак против воли родителей, и Бальзамо пытался отыскать поклонников алхимии и заработать на них, как это удалось ему в Кадисе, но не слишком удачно. После четырехмесячного пребывания в Барселоне официальные власти города заподозрили в отношении четы Бальзамо неладное и потребовали документы, которых не было, поэтому супруги покинули город и отправились в Мадрид. Имеются показания Лоренцы на допросе у комиссара Фонтена (1 февраля 1773 года), где относящиеся к этому периоду события изложены несколько иначе. По ее словам, Бальзамо, будучи искусным рисовальщиком, стал получать заказы от местной знати и даже от вице-короля

Каталонии. Когда же вице-король однажды увидел Лоренцу, то воспылал к ней непозволительными чувствами и решил убрать счастливого соперника. А так как свидетельства о браке у супругов с собой не было, то Джузеппе легко можно было обвинить в прелюбодействе и посадить в крепость. Лоренце удалось упросить вице-короля не трогать ее супруга, а сама она с помощью поклонников срочно выписала из Рима бумагу, подтверждавшую заключение брака. Предъявив искомый документ, супруги почли за лучшее покинуть Барселону.

Прибыв в Мадрид, Бальзамо понял, что для спокойной жизни, а главное, для его магических сеансов ("Чудесные тайны" он по-прежнему возил с собой) необходимо заручиться поддержкой какого-нибудь знатного вельможи, что сделать можно было исключительно с помощью неотразимых чар Лоренцы. В Мадриде супруги пробыли примерно год. В своем "Мемориале" Калиостро подчеркивал, что в Мадриде его представили герцогу Альбе и его сыну Девескарду, графу Прелата, герцогу де Мединацели, иначе говоря, наиболее знатным вельможам испанской столицы. Если верить утверждениям Калиостро, то они щедро оплачивали его труд рисовальщика. По мнению ряда биографов, заказы являлись ширмой для знакомства и дальнейших амурных отношений с Лоренцей. Впрочем, Бальзамо тоже удалось найти кое-каких клиентов: некий алхимик вручил ему крупную сумму в обмен на обещание достать редкостные травы для эликсира молодости, а одному сеньору он пообещал изготовить несколько слитков золота — разумеется, не бесплатно. В результате этих ли, других ли сомнительных делишек супругов изгнали из испанской столицы.

Чтобы избежать возможных преследований, Бальзамо решил отправиться в Португалию, в Лиссабон. К этому времени он научился уверенно выступать в роли алхимика, адепта тайных наук, мага, вступающего в контакт с потусторонними силами и духами умерших. Случай свел его с богатейшим банкиром Португалии Ансельмом да Круж Собрал, который без памяти влюбился в Лоренцу. Банкир подвернулся очень кстати: он осыпал Лоренцу золотом, а супруг вкладывал это золото в бразильские изумруды и топазы. Но вскоре честолюбивый Бальзамо почувствовал себя уязвленным. Красота супруги и толпы знатных поклонников вокруг нее стали делом обычным, а вот его собственная "деятельность" продвигалась кое-как, не принося ни стабильного дохода, ни желанного блеска. Это побудило Бальзамо уже через четыре месяца покинуть Португалию. Воспользовавшись знакомством с некоей знатной англичанкой, от которой он почерпнул кое-какие знания

английского языка, Джузеппе решил отправиться в далекий Туманный Альбион, где намеревался подороже продать драгоценные камни и где, как он надеялся, его оккультные знания и умения раскроются в полной мере.

Глава четвертая
ПЕРВЫЙ ВОЯЖ В ЛОНДОН И СТРАНСТВИЯ ПО ЕВРОПЕ

Я, Джузеппе Калиостро — магистр и верховный иерарх всего сущего, взываю к силам бесплотным, к великим таинствам огня, воды и камня, для коих мир наш есть лишь игралище теней. Я отдаюсь их власти и заклинаю перенести мою бестелесную субстанцию из времени нынешнего в грядущее, дабы узрел я лики потомков, живущих много лет тому вперед.

Заклинание графа Калиостро

Далее в биографии нашего героя следует период, события которого описаны в основном недоброжелателями и гонителями мага, в числе каковых время от времени оказывались и представители властей. И далеко не все эти события нашли отражение в официальных протоколах, а если даже это и так, то вытащены эти факты были на свет божий по прошествии изрядного числа лет, когда у Калиостро была уже совсем иная репутация, с целью эту репутацию разрушить или, на худой конец, подмочить. Так, последующие события жизни Бальзамо Калиостро в период с 1771 по 1777 год, то есть в промежутке между двумя его приездами в Лондон, прослеживаются писавшими о нем в основном по изложению французского памфлетиста де Моранда, который раскопал нелицеприятные факты из ранней биографии мага специально, чтобы очернить и опорочить его.

Описывая жизнь Джузеппе Бальзамо той поры, когда он еще не прославился под звучным именем графа Калиостро. В. Зотов пишет: "Он… *3-го августа 1771 года приехал в Лондон, где провел больше года под своим настоящим именем, Джузеппе Бальзамо, в большой нужде и борьбе с тяжелыми обстоятельствами. Он привез из Испании несколько драгоценныл камней: топазов и других, и поручил продажу их своему приятелю, сицилианцу Вивона, а тот украл вырученные за кати деньги и бежал с ними. Какие средства*

употребляя Калиостро для добывания денег, видно из того, что он заманил к себе одного квакера и, сведя его со своею женою, грозил обвинить его в прелюбодействе, если тот не заплатит сорока гиней. Квакер заплатил деньги, чтобы избежать скандала. Калиостро рисовал также картинки легкого содержания, которые жена его носила продавать по тавернам, но все это приносило ему так мало, что его посадили в тюрьму за неплатеж хозяину квартиры и выпустили только, когда один великодушный англичанин уплатил за него долг. Познакомившись с его женою в церкви и узнав о его печальном положении, англичанин принял его в свой дом, поручил ему разрисовать комнаты стенною живописью и не претендовал, когда тот не сумел этого сделать. Бальзамо отплатил по-своему за благодеяние, соблазнив одну из родственниц благодетеля. Выгнанный со стыдом, он решился отправиться в Париж". Зотов указывает источник, откуда были почерпнуты описания этих "лондонских проделок" Калиостро периода его первого посещения английской столицы, — это оцененная им как "любопытная" брошюра "Ma correspondance avec le comte de Cagliostro", изданная в 1786 году в Гамбурге в ответ на сочинение самого графа "Lettre du comte de Cagliostro au peuple anglais. Pour servir de suite a ses memoires" для опровержения его уверений, что он якобы впервые прибыл в Лондон в 1786 году.

Современные исследователи биографии Калиостро, следуя указаниям Моранда, разыскали официальные документы английской и французской полиции и по возможности полнее и объективнее восстановили события, дав им, конечно, собственные, далеко не всегда объективные, трактовки. Некоторым даже удалось превзойти Моранда в стремлении собрать как можно больше компрометирующих фактов о чародее Калиостро.

В ряде источников сообщается (без оценки степени правдивости приводимых сведений, впрочем), что Калиостро, решив обучить английскому свою супругу, нанял для сих уроков некую молодую англичанку, которую впоследствии соблазнил, и после сцены ревности супруги был вынужден от уроков отказаться. Вследствие этого ни сам Калиостро, ни его супруга английским языком не овладели, поэтому нуждались в помощи соотечественников. Одним из их числа и был ловкий сицилиец, именовавший себя маркизом де Вивона, который, взявшись помочь новому знакомцу выгодно продать привезенные из Португалии драгоценные камни, в результате бессовестно обманул его и присвоил вырученные деньги. Тогда Вивона посоветовал Джузеппе воспользоваться странным английским законом, согласно которому муж, заставший жену в

предосудительной позе с другим мужчиной, получал право на половину состояния оскорбителя супружеской чести. Поклонников у прекрасной Лоренцы хватало, и жертвой стал влюбленный в нее квакер из Пенсильвании. Чтобы замять дело, когда он был пойман с поличным наедине с женой иностранца самим этим иностранцем и его соотечественниками-свидетелями, несостоявшийся любовник откупился от оскорбленного супруга суммой в 100 фунтов.

Об этом "приключении, рассказ о котором не делает чести ее деликатности", Лоренца поведала на допросе у комиссара французской полиции Фонтена немного позже, когда вновь была обвинена мужем в супружеской неверности, но теперь уже не в инсценированной, а действительно имевшей место. Протокол ее допроса является единственным достоверным письменным свидетельством, в котором документально зафиксированы — хоть и с ее слов, разумеется — сведения о жизни супругов Калиостро в период с апреля 1768-го по начало 1773 года.

В Лондоне супругов преследовали финансовые неудачи. Ремесло рисовальщика давало скудный заработок, да еще и не все заказчики соглашались платить, так что Джузеппе пришлось обращаться с иском в суд. И хотя суд решил дело в его пользу, сицилиец отказался оплатить судебные издержки, а это вышло ему боком, когда у него вновь начались неприятности с английским правосудием. Согласно рассказу Лоренцы, дело было так: Джузеппе серьезно занемог на целый месяц, и ей пришлось жить в долг; когда же муж выздоровел, его арестовали и посадили в долговую тюрьму. И когда Лоренца со слезами молилась в католической часовне, ее увидел лорд Хейлз и великодушно предложил помочь красавице иностранке: дал ей денег, чтобы она вернула долги и выкупила мужа. А потом предложил ее мужу — бедному художнику заработок: поручил расписать стены своего загородного дома в Кентербери. Бальзамо принял предложение, но не только не сумел справиться с поручением, но еще и отплатил благодетелю черной неблагодарностью, соблазнив его родственницу (или даже дочь). Поэтому в сентябре 1772 года супруги были вынуждены спешно покинуть Англию, купив на последние деньги билет на пакетбот до французского Кале.

Последующие события, приведшие в результате к допросу Лоренцы французской полицией, мы воспроизведем в живом изложении Зотова: "*Заплатив за проезд через Ламанш, Бальзамо нуждался на пакетботе в самом необходимом. Но там же случай свел его с французом Дюплезир, управляющим имениями одного маркиза. Плененный любезностью "маленькой графини", Дюплезир помогал в дороге авантюристу и, по прибытии в Кале, предложил*

отвезти супругов в Париж в своей карете. Но так как в ней было всего два места, то супруг должен был поместиться на козлах и таким образом въехал в Париж, где гостеприимный француз предложил супругам квартиру и стол в своем доме. Бальзамо не пришлось, однако, долго пользоваться ни тем, ни другим. Какой-то танцмейстер давал бал и пригласил к себе авантюриста, разыгрывавшего роль графа и важной особы. Граф благосклонно принял предложение, хотя к осуществлению его встретилось маленькое препятствие: у его сиятельства не было порядочного платья, чтобы явиться на бал. Такое обстоятельство не могло остановить находчивого Бальзамо. Он послал за торговцем готовым платьем, взял у него напрокат три лучшие пары, условился заплатить назначенную сумму за то платье, которое он наденет, был на балу, а на другое утро послал за торговцем и, возвратив ему все пары платья, объявил, что не берет ни одного, так как они не довольно свежи и роскошны. Но торговец узнал, что одно из платьев было надето, и требовал уплаты. Граф прогнал его, но тот поднял шум на улице, и скандал произошел такой, что Дюплезир, давно уже тяготившийся поступками авантюриста, попросил его совсем очистить квартиру во избежание скандалов. Бальзамо должен был исполнить это требование, но при этом случилось еще обстоятельство, усложнившее и без того неприятные сцены: когда жилец Дюплезира вздумал выбираться на другую квартиру со своею супругой — супруга его исчезла, неизвестно куда. Озадаченный супруг отправился заявить об этом в полицию и объявил, что подозревает в похищении жены — своего домохозяина, Дюплезира.

Ясно, что он давно был убежден в их связи, но считал ненужным открывать глаза до тех пор, пока ему было это выгодно. При заявлении в полиции Бальзамо так плохо объяснялся по-французски, что комиссар должен был потребовать переводчика.

Прошло однако более месяца, прежде чем полиция отыскала беглянку в уединенном домике, живущую у одной прачки, где ее содержал Дюплезир. Мстительный итальянец настоял, чтобы его жену заперли в тюрьму Сент-Пелажи, где она пробыла три месяца в строгом заключении. Любопытно, что после этого эпизода супруги опять соединились и стали жить по-прежнему, по-видимому, в совершенном согласии. Надумалась ли на досуге графиня, что ей все-таки выгоднее держаться своего мужа, хотя и дурно с нею обращавшегося, но смотревшего снисходительно на ее грешки, убедился ли сам Калиостро, что без помощи хорошенькой и ловкой женщины он не может так удачно обманывать доверчивую публику, — как бы то ни было, но между ними снова водворилась

полная гармония. Бальзамо должен был, впрочем, вскоре же оставить Париж по требованию полиции, которой принес жалобу один банкир, обманутый авантюристом, продавшим ему за 500 луидоров напиток, возвращающий молодость и едва не отравивший покупателя".

Современные исследователи, пишущие о Калиостро, добавляют некоторые подробности по поводу приключения с адвокатом парижского парламента и управляющим маркиза де При господином Дюплесси (это более правильная транслитерация фамилии человека, которого Зотов именует на старинный лад Дюплезир). Желая доставить удовольствие новому другу, у которого такая очаровательная жена, Дюплесси пригласил супругов погостить у него в доме в Париже, и целых четыре месяца Бальзамо с женой жили благодаря милости господина Дюплесси. Когда же наконец Джузеппе решил применить свои таланты художника и рисовальщика, он быстро нашел несколько заказов, среди которых оказался и заказ на портрет начальника парижской полиции Сарти-на. Пока Джузеппе рисовал, Лоренца развлекалась в обществе Дюплесси: театры, балы, загородные прогулки; поклонник даже нашел Лоренце учителя танцев и оплачивал уроки. Дальше — больше: Дюплесси принялся уговаривать Лоренцу покинуть нелюбезного ревнивца-сицилийца. Он сулил ей достойное содержание и даже готов был отвезти ее в Рим, к родителям. Но честно признался, что жениться на ней, к сожалению, не может, ибо уже женат. И Лоренца готова была поддаться на уговоры… Бальзамо почувствовал что-то неладное, снял небольшую квартирку на улице Вьез-Огюстен и объявил о переезде. Но господин Дюплесси уговорил Лоренцу бежать от мужа и укрыться на тайной квартире, которую он будет для нее снимать, пока брошенному мужу не надоест разыскивать беглянку. Однако, как сказано в полицейском протоколе, *"в январе 1773 года некий итальянец, именовавший себя Джузеппе Бальзамо и претендовавший на звание человека благородного, представил господину де Сартину, бывшему в то время начальником полиции, записку, в коей просил оного Сартина заставить господина Дюплесси, управляющего господина маркиза де При, вернуть указанному Бальзамо его вещи, кои, по словам Бальзамо, сей Дюплесси неправедным образом удерживал, а также указать искомому Бальзамо место, где скрывается его жена, которую Дюплесси соблазнил и похитил. Далее господин Бальзамо сообщал, что, прибыв в Париж четыре месяца назад, они с женой поселились у господина Дюплесси, с которым Бальзамо случайно познакомился по дороге из Англии во Францию. Поначалу сей Дюплесси обходился с ними весьма достойным образом, но потом*

воспылал чувством к вышеуказанной супруге Бальзамо, но та оказала ему сопротивление и ухаживаний его не приняла. Когда же супруг выразил оному Дюплесси свое неудовольствие, Дюплесси выгнал их обоих из своего дома и не пожелал отдать им вещи, кои они с собой привезли. А еще Бальзамо заявлял, что Дюплесси не только соблазнил его супругу, но и убедил ее тайно покинуть дом мужа. И теперь супруга его сбежала, и вот уже несколько дней он, Бальзамо, не может отыскать ее убежища.

Когда местопребывание мадам Бальзамо было найдено, оный Бальзамо попросил заточить свою супругу в Сент-Пелажи, о чем 26-го числа сего месяца и был отдан соответствующий приказ, исполненный 2-го числа месяца следующего".

Согласно этому протоколу, Джузеппе Бальзамо направил записку Сартину с просьбой отыскать неверную супругу, арестовать и заключить в исправительную тюрьму для падших созданий. Сартин просьбе внял и отправил подчиненных на поиски. Боясь угодить в Бисетр, служивший одновременно и тюрьмой, и приютом для буйнопомешанных, на допросе в полиции Дюплесси назвал адрес, куда он переселил мадам Бальзамо: улица Сент-Оноре, возле рынка Кенз-Ван, в доме вдовы Терон, в комнатах, что снимает мадам Дусер. При атом он уточнил, что его слуга Мора отвел гуда Лоренцу с полного ее согласия. А также не преминул сообщить, что Бальзамо задолжал ему 200 ливров за бальные наряды для своей жены.

Сартин распорядился задержать Лоренцу, и 3 февраля 1773 года инспектор Бюо, арестовавший супругу Бальзамо на квартире мадам Дусер, доставил ее в участок, где ее допрашивал комиссар Фонтен. Дал показания полицейскому комиссару и сам подавший прошение о розыске сбежавшей жены Бальзамо. Давая показания, он не преминул поведать о своих необыкновенных талантах и даже рассказал, как можно отравить недруга, чтобы никто не распознал, от чего наступила смерть. Для этого, по его словам, в корм свинье надобно постепенно добавлять мышьяк, отчего мясо ее вскоре станет ядовитым; тот, кто съест кусок такой свинины, скончается от болей в желудке, но никто не поймет, что несчастный был отравлен. Через много лет, когда после дела об ожерелье французской королевы Марии-Антуанетты Калиостро бежит в Англию, бульварный журналист де Моранд вытащит на свет эти признания и предъявит их в качестве еще одного доказательства идентичности Бальзамо и Калиостро.

Но сколь бы положительны по отношению к супругу ни были показания Лоренцы, как бы она ни настаивала на том, что не поддалась на уговоры Дюплесси, Бальзамо прошение не забрал, и Лоренцу отправили в Сент-Пелажи, где она провела четыре

месяца. После этого, посчитав наказание для изменницы достаточным, Бальзамо попросил освободить Лоренцу. Супруги помирились и были вместе все последующие семнадцать лет странствий.

В Париже Бальзамо задерживаться не стал. Куда отбыла чета Бальзамо из Парижа и где провела больше года, неизвестно. Вновь в поле зрения биографов она оказалась в конце 1774-го — начале 1775 года, когда под именем маркиза и маркизы Пеллегрини прибыла в Неаполь. Было бы большим упрощением полагать, что это новое принятое Джузеппе Бальзамо имя просто, как пишет его современный биограф Елена Морозова, *"носило ностальгический отпечаток — оно напоминало и о горном массиве Монте-Пеллегрино, что высится над бухтой Палермо, и о strada dei Pellegrini (дороге Паломников) в Риме, вблизи которой стоял дом родителей Лоренцы, и о паломничестве, которое супруги совершили*". Если считать графа Калиостро, как большинство писавших о нем, всего лишь знаменитым шарлатаном и авантюристом XVIII столетия, пусть даже и самым ярким среди них, а всю его жизнь — чередой неблаговидных делишек и мошенничеств, чтобы одурачивать простодушных и доверчивых людей и жить за их счет, заодно теша свое неуемное честолюбие и гордыню, то такого объяснения будет вполне достаточно. А если все-таки доверять свидетельствам носителей оккультных знаний, считавших Калиостро одним из самых выдающихся адептов, то можно предложить и другое объяснение не только этому (и другим) условному имени графа, но и усмотреть в его кажущихся случайными или объясняемыми весьма прозаическими причинами маршрутах по Европе и другим странам и континентам некую глубинную цель, потаенный смысл. Вот что можно прочитать в одном из материалов украинского мага ведической традиции, получившего при посвящении имя Раокрием (в обычной жизни известен как Мехеда Игорь Владимирович, родившийся в 1968 году в городе Хмельницкий): *"Согласно преданиям эзотерических орденов, основанных на базе христианского вероучения, в мире существует 4 основные стихии и посвященные им Пути. Они обозначаются 4 символами, встречающимися на мастях гадальных карт и карт Таро.*

Эти символы нарисованы на стенах храма Святого Николая, находящегося в Турции. Символ пики — стихия воздуха, кресты — огонь, червы — вода, бубны — земля. В картах Таро им соответствуют: пики — мечи, кресты — посохи, червы — чаши, бубны — кубки. В сакральной географии им соответствуют четыре стороны света: пике — восток, кресту — юг, черве — запад, бубне — север. В ведических традициях, где стихий 10,

каждый знак обозначает 2 стихии (земную и космическую). Символ воздуха — время, огня — плазма, воды — самосознание (разумного пространства, великой пустоты), земли — эфира.

Этим 4 стихиям соответствуют 4 Пути (или Лабиринта). Напомним, что Лабиринт — ось, организующая потусторонние миры в упорядоченную структуру и находящаяся на изнанке нашей видимой Вселенной. Проход души по Лабиринту вызывает ее рост, развитие, расширение, осознание и открытие способностей. Каждый паломнический Путь каждой религии есть проекция Лабиринта на поверхность Земли в форме Пути. Проход паломнического Пути физическим телом вызывает проход души в иных мирах через Лабиринт к его центру, где на душу снисходит Сила Свыше.

Паломнические Пути существуют тысячи лет и плавно переходят от одного духовного учения к другому. Доказательством тому служит недавняя находка испанских археологов, нашедших при раскопках символы Пути в Сантьяго де Компостела, аналогичные используемым современными паломниками, датируемые возрастом в 36500 лет.

Первый Путь — Пиковый. Это Путь к городу Сантьяго де Компостела в Испании, на берегу Атлантического океана. Его начинают в разных местах Франции, Испании и Португалии, но больше всего паломников отправляются в Путь из французского города Сен-Жан-Пьер-де-Пор. Считается, что на этом Пути паломник находит сам себя, то есть встречается с собственным духом, с глубинами самого себя, и понимает цель жизни свою и смысл существования Вселенной. Паломник осознает, что он может сделать полезного для себя, для Бога и для человечества в этой жизни. Это путь Воздуха, проявляющий Дух и порядок из хаоса, небытия и беспорядка.

Второй Путь — Крестовый. Путь Огня. Проход Пути воспламеняет проявленный на пиковом пути Дух, заряжает силой экстаза, вдохновения, помогает "гореть и творить". Крестовый Путь проходит по территории арабских стран и Израиля, его конечной точкой является Храм Гроба Господня в Иерусалиме.

Третий Путь — Бубновый. Путь Земли. Он дает человеку, проявившему дух и воспламенившему его, возможность воплотить свои замыслы на Земле. Силу, власть и богатство. Власть надо всем, но в первую очередь — над самим собой. Путь власти проходит через территорию Италии от Амальфи и Ортоны до собора Святого Петра в Риме, в Ватикане.

Четвертый Путь — Воды — считается скрытым. Он открывается только тем, кто прошел первые три Пути. Однако большинство знающих мистиков считают (и об этом же говорят

некоторые древние легенды), что Путем Воды является Путь Сантьяго, пройденный в обратном направлении (из Сантьяго к Сен-Жан-Пьер-де-Пор). Этот путь дает способность сотворчества с Божеством и открывает весь последующий духовный путь человека — через века и вселенные.

Приведенный порядок путей (пика-креста-бубна-черва), если его нанести по сторонам света, образует знак молнии (восток-юг-север-запад) — огненного меча в руках херувима, охраняющего райский сад. Им можно разрубить незнание и открыть дорогу к познанию Всевышнего…. Второй Путь, которым представилась возможность пройти, был Путь Земной Власти, или Бубновый Путь… по Италии, который называют Путем Святого Апостола Фомы. Он имеет протяженность около 400 км и проходит по Италии через такие точки и города: храмы Рима — Неаполь — Амальфи — Салерно — Бари — Ланчано — Ортона — Лорето — Анкона — Римини — Болонья — Венеция — Флоренция — Рим — Ватикан — собор Святого Петра".

Не правда ли, указанные вехи этих священных путей напоминают те места, которые посещали супруги Джузеппе Бальзамо и Лоренца Феличиани, совершая паломничество или путешествуя?

В Неаполе Бальзамо встретился с дядюшкой Антонио Браконьери, тем самым, который в детстве определял его в учение и который представил ему Лоренцу. Дядюшка Антонио настоял, чтобы племянник съездил в Палермо и навестил семью. Он был уверен, что по прошествии нескольких лет никто бы не признал в хорошо одетом важном господине ловкого молодого человека, промышлявшего занятиями на грани дозволенного и вынужденного когда-то бежать из родного города, опасаясь преследований полиции.

Однако некогда одураченный и обворованный юнцом Джузеппе ювелир Марано сразу узнал своего обидчика и донес на него. Бальзамо схватили и посадили в тюрьму — надолго, как надеялся нанятый Марано адвокат. Помогла мужу верная Лоренца. Она настолько очаровала князя Пьетраперциа, что тот не только заставил власти выпустить Джузеппе, но и принудил Марано забрать иск. Джузеппе решил более не искушать судьбу и, заняв у семьи четырнадцать унций на неотложные расходы, вместе с Лоренцей срочно отбыл в Мессину. Семья — сестра и мать — долго будет помнить о долге Джузеппе и даже впоследствии попросит Гете напомнить о нем знаменитости…

Как и ранее, несколько лет назад, путь Джузеппе лежал через Мальту Он был уверен, что там его не забыли, и оказался прав: на Мальте его встретил старый товарищ, кавалер д'Аквино,

сообщивший печальное известие, что гроссмейстера Пинто более нет в живых. Новым гроссмейстером стал Эммануил де Роган-Польдюк, родственник кардинала Рогана, того самого, кто впоследствии печально прославится в деле об ожерелье королевы. Как утверждают многие, новый гроссмейстер принял Бальзамо с распростертыми объятиями и даже пригласил к себе на ужин.

На Мальте Джузеппе вновь усердно предался занятиям алхимией, присовокупив к ним приготовление лекарств. Возможно, там он впервые всерьез попытался заняться лечением больных. И принял решение, что тех, кто не может платить, он станет лечить бесплатно. Ведь в случае успешного исцеления состоятельные пациенты сами щедро отблагодарят целителя.

На Мальте от кавалера д'Аквино Джузеппе ближе узнал об "учении древнего любомудрия и богомудрия, или науке свободных каменщиков". Это основанное в 1717 году и быстро ставшее популярным в XVIII веке учение привлекало и вельмож, и авантюристов, и буржуа, и ремесленников. Кто искал в нем смысла жизни и самостоятельного пути к вере и к постижению Высшего, а кто — средства свести знакомства с сильными мира сего и завязать полезные связи, ибо братья в масонстве равны "не зависимости от происхождения и богатства.

Кавалер д'Аквино принадлежал к масонской ложе, основанной на Мальте еще в 1738 году, и некоторые биографы Калиостро предполагают, что именно он там, на Мальте, привел Бальзамо в масоны. В таком случае дружеские отношения между плебеем Бальзамо и кавалером д'Аквино, братом вице-короля Сицилии, представителем одного из семи знатнейших родов Неаполитанского королевства, получают некое объяснение. Однако, скорее всего, вступление Бальзамо в братство вольных каменщиков произошло несколькими годами позже, в Лондоне.

Предполагается, что гроссмейстер Мальтийского ордена дал новому знакомому несколько поручений, а чтобы он мог их выполнить, снабдил его солидной суммой. К этому времени дела могущественного ордена шли неважно. Военная надобность в нем отпала, жаждущих вступить в ряды мальтийских рыцарей становилось все меньше, а освобождение от налогов, которым пользовались владения мальтийцев в разных государствах, все чаще вызывало недовольство правительств этих государств, и орденской казне постоянно грозило оскудение. Возможно, поэтому энергичный Бальзамо показался гроссмейстеру вполне подходящей кандидатурой для агента влияния. Выполнил ли данные ему поручения Джузеппе, неизвестно, однако в Англию он прибыл с весьма солидным кошельком.

Но не исключено, что деньги для путешествия Бальзамо

раздобыл в Испании, куда он направился сразу после Мальты. Помимо Испании супруги Бальзамо, возможно, посетили также юг Франции, и везде Джузеппе обучал желающих алхимическим премудростям, составлял эликсиры, вызывал духов и предсказывал будущее.

Глава пятая
ВТОРОЙ ВОЯЖ В ЛОНДОН И РОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОГО КОПТА

Его называли самозванцем и шарлатаном, его чудеса объявлялись фокусами, а его благородство подозревали в скрытой корысти.

Мэнли Палмер Хом

В 1776 году чета уехала в Лондон, один из главных центров европейского масонства, и там, сменив свое плебейское имя Бальзамо на аристократическое Калиостро, к которому к тому же он присовокупил графский титул, Джузеппе решил применить на практике добытые им оккультные и алхимические секреты. То ли июльским, то ли — по другим сведениям — декабрьским днем 1776 года дорожная карета с лакеями на запятках остановилась возле дома № 4 на Уэркоум-стрит (или Уайткомб-стрит) в Лондоне. В этот пустующий особняк, принадлежавший некоей мисс или миссис Джулиэтт, въехал новый постоялец с супругой: граф Алессандро Калиостро, он же итальянский полковник Пеллегрини на испанской службе, согласно имевшимся у него документам.

Как пишет публицист и исследователь Юрий Михайлович Каграманов в своем небольшом очерке 1979 года "Граф Калиостро (Из истории идеологии и культуры второй половины XVIII века)", "*примерно с этого времени биография Калиостро уже может быть прослежена по более или менее достоверным документальным источникам. Согласно официальным записям, 12 апреля 1777 г. он вступил в масонскую ложу "Эсперанса", не обладавшую большим влиянием и состоящую в основном из выходцев из романских стран. Примерно в это же время он становится счастливым обладателем загадочной рукописи под названием "Описание обрядов египетского масонства", содержащей устав новой, небывалой доселе ложи, основанной на заветах Еноха и пророка Илии. К сожалению, оригинал был уничтожен вместе с другими принадлежавшими Калиостро бумагами после его ареста римской Инквизицией, если речь не идет, впрочем, о том же самом тексте, получившем впоследствии известность как "Пресвятая Триософия"* (этот труд был впервые опубликован в переводе на русский язык под заглавием "Святейшая Триософия" в 1998 году

— его начальные страницы процитированы в первой главе). В другом месте своей заметки исследователь продолжает "*Лондонский "дебют" Калиостро окружен особенно густым туманом. Повествования об этом отрезке его карьеры вращаются вокруг двух сюжетов: во-первых, драгоценных камней и металлов и, во-вторых, лотереи. Ему будто бы удавалось угадывать заранее выигрышные номера лотереи, каковые он благоволил сообщать приближенным к нему или просто случившимся около него людям. Сам Калиостро представлял дело таким образом, что толпившиеся вокруг него корыстолюбцы только мешали его алхимически-каббалистическим изысканиям, умоляя его обращаться к сугубо практическим их приложениям. Достоверно во всех этих историях то, что они окончились судебным разбирательством: Калиостро был обвинен в магии и колдовстве, а также и в мошенничестве. Целая череда тяжб в общем завершилась в его пользу, и все же он предпочел не задерживаться более в Англии*".

В изложении В. Зотова Бальзамо предстает попытавшимся одурачить честных и порядочных людей, но неудачливым авантюристом, который с трудом сумел выпутаться из неприятностей: *"В 1776 году он явился опять в Лондоне и начал свои подвиги с того, что распустил слух, будто он владеет тайною, посредством некоторых каббалистических операций угадывать нумера, выходящие в лото и в лотерею. Нашлись весьма образованные люди, поверившие этому: в числе их были мистер Скотт и мисс Фрей. Сношения между ними кончились, однако, процессом. Они обвинили Бальзамо в том, что он похитил у них драгоценный браслет с бриллиантами, под предлогом, что возьмет у них этот браслет для того, чтобы посредством таинственных химических манипуляций увеличить вдвое вделанные в него бриллианты. Бальзамо был арестован, браслет у него найден, но он уверял, что получил драгоценность в подарок за то, что сообщил мисс Фрей цифры нумеров, выигравших ей в лотерею значительные суммы. Та в свою очередь представила свидетелей, подтверждавших ее показания. И Бальзамо, выпущенный между тем на свободу, со вносом залога, видя, что дело его принимает дурной оборот, бежал в Брюссель. В своих записках он, конечно, оправдывает себя в этом процессе и обвиняет не только противников, но свидетелей и судей*".

В своей основанной на многочисленных иностранных источниках биографии Калиостро Елена Морозова сообщает любопытные детали этого лондонского визита графа. По ее сведениям, сняв квартиру "в *доме номер четыре по Вайт-комб-стрит, возле Лестер-сквер, Бальзамо попросил домохозяйку миссис*

Джулиет найти ему секретаря, который бы одновременно исполнял обязанности переводчика, а его супруге — компаньонку. Хозяйка без промедления представила Лоренце некую миссис Блевари, уроженку Португалии, проживавшую в этом же доме; для Джузеппе она отыскала итальянца Доменико Аурелио Вителлины". Под пером Михаила Кузмина в его романе "Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро" встреча супругов Калиостро с этими персонажами приобрела весьма курьезные и комические черты: *"Видя, что приезжие достаточно богаты и что Лоренца скучает и, может быть, желая пристроить своих знакомых, она предложит Калиостро взять себе секретаря и компаньонку супруге. У мисс Жульеты как раз была в виду подходящая пара: г-жа Блевари и синьор Вителлины. Первая была разорившейся португалкой, второй — проигравшимся любителем химии.*

— Как раз для вас! — ораторствовала мисс Жульета. Мистрисс Блевари знает Лондон как свои пять пальцев и видела лучшие дни; это настоящая леди! Она вас не унизит своим обществом. Мистер Вителлины честнейший малый; он беден, это правда, но со всяким может случиться несчастье. Он хорошо пишет и, как и граф, интересуется химией. Он будет ван полезен, уверяю вас. Это доброе дело, поверьте. К тому же они ваши соотечественники.

Добрая мисс Жульета и португалку причислила к дочерям Италии. Хозяйка совершенно напрасно тратила свое красноречие, потому что граф и графиня ровно ничего не имели против ее протеже, и на следующее утро Лоренца, выйдя в залу, увидела сидевшими у дверей две странные фигуры. Графиня всплеснула руками и, воскликнув: "Вот так уроды!" не отвечая на низкие поклоны, бросилась за мужем.

Знавшая лучшие дни мистрисс Блевари оказалась маленьким, толстым, существом с усами, как у жандарма, черным, как нечищеный сапог, одетым в красную робу, зеленую шляпу и лиловые чулки. Ее толстые кривые ноги висели, не доходя до полу; от пудры, которая обильно осыпалась на ее выступающую грудь и почти так же выдающуюся спину, лицо ее казалось еще чернее и усы задорнее, пальцы были в кольцах с крупными цветными стеклами. Около нее еле сидела задыхающаяся толстая моська, высуня язык, раскорячив ноги и все время чихая. По другую сторону двери осторожно, согнувшись в три раза, сидел старик в зеленых очках и с зеленым козырьком над глазами. Он нюхал табак и тоже поминутно чихал, стараясь делать это не в раз с моськой.

Лоренца, введя Калиостро, снова всплеснула руками и села на диван от смеха. Уроды встали и низко поклонились. Графиня, преодолев смех, подбежала к мистрисс Блевари и быстро

заговорила:

— Никогда не снимайте этого платья, дорогая синьора, никогда. Мы так будем ездить по городу, и ваша душка мосенька с нами! Как ее зовут? Психея? Прекрасно! Мне будет казаться, что всегда карнавал! Иногда и синьор Вителлини будет нас сопровождать (тут любитель химии и Психея разом чихнули). Мы весь Лондон сведем с ума!

И она стала крутить португалку. Моська не двигалась вслед за ними, только чихала всякий раз, когда они кружились около нее. На следующее утро Вителлини перевез свой чемодан, а Блевари свой сак, где была испанская шаль, кастаньеты, две бутылки хереса, молитвенник и три рубашки, и семейство графа увеличилось двумя персонами, не считая Психеи".

Приезжий сначала назвался полковником Пеллегрини, но после вступления в масонскую ложу именовал себя графом Алессандро Калиостро. Ему минуло тридцать три года. Калиостро считал это мистическим знаком и был уверен, что здесь, в Лондоне, начинается его высокая миссия. Он представлялся чародеем, повелителем духов, алхимиком и каб-балистом, владевшим секретом изготовления золота и драгоценных камней, а также провидцем, которому открыты тайны будущего и прошлого. Кудесник оборудовал в задних комнатах своей квартиры на втором этаже особняка алхимическую лабораторию, уставленную диковинными сосудами, ступками для растирания, треножниками, змеевиками, перегонными кубами, сферами на ножках, черепами и прочими непременными атрибутами магии, заваленную загадочными ингредиентами для опытов, толстыми учеными фолиантами и трудами по каббалистике, окна которой были всегда завешаны плотными шторами, а в плавильной печи пылал негасимый огонь, и проводил там целые дни. Вскоре густой дым, валивший из трубы над домом, привлек внимание соседей, и пошли самые невероятные слухи о новых обитателях ранее пустовавшего жилища. Любопытствующие повалили валом, особенно когда прознали о необыкновенных талантах заезжего иностранца и его принадлежности к масонской ложе, где он достиг высоких ступеней посвящения. Он действительно с помощью неких астрологических таблиц и хитроумных расчетов сообщил несколько выигрышных номеров лотереи, и те, кто ими воспользовался, неплохо заработали. Не обошлось и без мошенников: рекомендованные итальянцем Вителлини мистер Скотт и его якобы жена мисс Мэри Фрай различными уловками сумели вытянуть у супругов немалые суммы, а затем в надежде присвоить чудодейственные алхимические препараты и секретные таблицы навели на семейство "магов и чернокнижников"

полицию. Как настоящие провокаторы, Скотт и Фрай сначала под видом подарка и благодарности за угаданные в лотерею номера подбросили плохо переносившей лондонскую сырость Лоренце в шкатулке с лекарственными травами от кашля бриллиантовое ожерелье (или браслет?), затем заявили в полицию, что супруги Калиостро похитили у них драгоценности и не вернули взятые в долг деньги, а во время обыска, прокравшись в квартиру за спинами полицейских, подосланные Скоттом сообщники обчистили шкаф, где хранились самые ценные порошки, снадобья и бумаги графа, а также злополучная шкатулка. Графу пришлось несколько раз давать залог, чтобы его освободили из-под ареста, и в результате он угодил в долговую тюрьму, несмотря на заступничество начальника полицейского участка Саундерса, которому Калиостро презентовал трость с массивным бриллиантом в серебряном набалдашнике (которую он, впрочем, как утверждали злые языки, сам умыкнул у кого-то в Кадисе, или взялся перевезти владельцу в Лондон, да так и не передал по назначению, или не заплатил мастеру, у которого она была заказана…). Из тюрьмы спустя несколько месяцев его по поручению братьев-масонов вызволил ирландец О'Рейли, который нанял адвоката Слиндона, сумевшего добиться оправдания Калиостро — скорее всего, тот самый трактирщик, у которого собирались члены масонской ложи "Надежда" (именно так переводится "Эсперанса" на русский язык), куда вступил Калиостро в Лондоне.

Оказавшись на свободе в ноябре 1777 года, Калиостро остался без средств, без хранивших алхимические секреты фолиантов и таблиц, без магических порошков и снадобий. Рассеянно бродя по лавкам лондонских букинистов в поисках старинных трактатов по оккультным наукам, он случайно наткнулся на рукопись, принадлежавшую ранее ирландскому католическому священнику по имени Джордж Кофтон (или Костой, Гостон, Копстон — его фамилия была неразборчиво написана на связке бумаг, в которой находился и этот манускрипт). Труд сей, написанный, как предполагают большинство исследователей жизни Калиостро, скорее всего, по-французски, содержал в себе подробный устав, ритуал и таинства Египетского масонства, а также рецепт омоложения. Это была редкая удача, благодаря находке честолюбивый Калиостро мог сделаться основателем новой масонской школы и встать во главе целой сети лож в качестве магистра и Великого Копта (или Великого Кофты — по-французски Gran Cofto). Новая масонская система допускает учреждение женских лож, а его супруга Лоренца с новым именем Серафина прекрасно подойдет на роль

магистрессы.

И Калиостро понял, что его час пробил. Во главе новой масонской школы он понесет свет высокой истины многочисленным ученикам и последователям. И полный радостных надежд, граф отправился в новый вояж по городам и весям Европы, объявившись по другую сторону Ла-Манша весной 1778 года уже в новой роли — в качестве верховного адепта нового учения.

В чем же состояла суть учрежденной Великим Кофтой масонской системы? Поскольку приобщенные к тайнам посвященные масоны не разглашают своего учения, большинство профанов имеют о нем весьма искаженные и примитивные представления. Как нельзя лучше эти упрощенные понятия об учении, представлявшем собою "смесь средневековой магии и современного пиэтизма", изложил В. Зотов: "Яо *этой теософской системе, развившейся из учения гностиков, мир находился под властью духов высшей или низшей организации, имеющих свою иерархию. Кроме этого полчища небесных сил, существуют другие, служащие злому началу и находящиеся в вечной борьбе с ангелами из-за душ человеческих. Посредством известных каббалистических и алхимических операций, формул и операции с крестом, треугольником и кругом, некоторые добродетельные, избранные провидением люди получили власть над этими духами, высших или низших ступеней, и могли, с их помощью, вызывать умерших, получали дар ясновидения и могли приготовлять первоначальное вещество, materiaprima, из которого произошли все предметы на земле, — последнее давалось, впрочем, в удел только лицам, достигшим высшей степени духовного совершенства. Они одни только могли превращать ртуть в твердое вещество, из которого получалось сначала серебро, потом золото. В него превращались и все прочие неблагородные металлы, с помощью materiaprima. К таким людям причислял себя Калиостро…*"

В чем же, по Зотову, состояла цель овладения *"древним египетским масонством, основанным Енохом и Илиею*", которое проповедовал его верховный адепт — Великий Кофта? И как следовало достичь этой цели? *"Последователям своим обещал он достижение физического и морального совершенства; но достигнуть его мужчина мог только после 50-ти лет, женщина — после 36-ти. Готовиться к возрождению надо было сорокадневным постом в уединении, начиная с майского полнолуния и принимая травы и капли, указанные Великим Кофтою. На 32-й день надо было пустить себе кровь: тогда начинались конвульсии, лихорадка, обмороки, выпадали волоса и зубы, сводило кожу — но все это появлялось вновь после принятия ванны с растворам materiaprima.*

Лет через 50 следовало повторять эту операцию, и тогда человек мог жить 5557 лет. Сам Калиостро уверял, что он жил еще во время Всемирного потопа и спасся вместе с Ноем в его ковчеге".

Несомненно, краткое изложение Зотова основано на описании деятельности Калиостро у Элифаса Леви в его трактате "История магии", книга VI "Магия и революция", глава II "Чудотворцы восемнадцатого столетия", где рецепт омоложения Великого Кофтье приведен более подробно: "*Теперь обратимся к секрету физического перерождения, которого можно достичь, согласно оккультному предписанию Великого Копта, уединением на сорок дней, которое надо предпринимать каждые пятьдесят лет, начиная с майского полнолуния, в обществе только одного человека, исполненного веры. Сорок дней надо соблюдать пост, выпивая майскую росу, собранную с ростков пшеницы куском чистого белого полотна, и съедая молодые нежные травы. Еда должна начинаться со стакана росы и заканчиваться куском хлеба. На семнадцатый день надо сделать легкое кровопускание. После этого следует приготовить бальзам Азота и принимать его утром и вечером, начиная с дозы в шесть капель и увеличивая ежедневно на две капли, до конца тридцать второго дня. На рассвете следующего дня нужно снова сделать легкое кровопускание и затем лечь в постель до конца сорокового дня.*

При первом пробуждении после кровопускания взять первую гранулу универсального лекарства. За трехчасовым обмороком последуют конвульсии, потливость и расстройство желудка, что потребует смены постели и белья. Здесь необходимо съесть кусок нежирного мяса с рисом, потом принять валериану, вербену, бальзам. На следующий день принять вторую гранулу универсального лекарства в сочетании с серным золотом. На следующий день принять теплую ванну. На тридцать шестой день выпить стакан египетского вина, а на тридцать седьмой день принять третью и последнюю гранулу. Последует продолжительный сон, во время которого обновятся волосы, зубы, ногти и кожа. На тридцать восьмой день принять еще одну теплую ванну с ароматическими травами из числа тех, которые употреблялись в пищу. На тридцать девятый день принять десять капель эликсира Ахарата в двух ложках красного вина. Процедуры заканчиваются на сороковой день, и старый человек будет возвращен в молодость".

Ахарат — это тайное имя Калиостро, которое Элифас Леви разъясняет для непосвященных: "*Имя Ахарат, которое носил Калиостро, записанное каббалистически: AH, AR,AT, означает тройной союз: AT — союз принципа и начала, AR — союз жизни и вечности и AH — союз конца и абсолютного синтеза*".

Кто не захочет жить бесконечно долго, как библейский Мафусаил, обретая при этом молодость через каждые пятьдесят лет? Если же процедура омоложения, паче чаяния, не принесет желаемого результата, это могло бы объясняться тем, что испытуемый не соблюдал со всем тщанием предписанных рекомендаций, не очистил надлежащим образом не только тело, но и душу, и не достиг тем самым требуемого для возрождения к новой жизни и молодости духовного совершенства.

Восторженные поклонники и доверчивые последователи не замедлили сыскаться. Сначала в Бельгии, в Брюсселе, куда первонаперво прибыли граф Калиостро и Серафина, и Льеже, затем в Голландии, в Амстердаме и в Гааге, где им удалось основать первую адоптивную ложу Египетского масонства, куда принимали и мужчин, и женщин, и в княжествах Германии, особенно склонной к мистицизму и вере в чудеса.

В течение всего 1778 года чета Калиостро колесила по немецким землям, побывав во Франкфурте-на-Майне. Нюрнберге. Берлине, Лейпциге, Кёнигсберге и других малых и больших городах. В те годы в Германии подвизалось множество духовидцев, чревовещателей и оккультистов, а также в изобилии действовали масонские ложи разных школ и направлений, занимавшиеся поисками философского камня и высшего смысла бытия, и другие тайные общества и секты. Среди последних упомянем масонский орден "Строгое наблюдение" (иногда его название переводят как "Строгое послушание") барона фон Хунда и ложу иллюминатов. Много позже враги Калиостро припишут ему тесную связь и с теми, и с другими, более того, будут утверждать, что Калиостро является учеником (или даже слугой-камердинером) графа Сен-Жермена, который будто бы во время встречи в Гольштейне провел обряд посвящения Калиостро и его супруги Лоренцы, будут постоянно приписывать Калиостро "заслуги" Сен-Жермена, а то и просто отождествлять их друг с другом. Все эти утверждения не выдерживают критики. Сен-Жермен и Калиостро встречались только в воображении самозваного "маркиза" де Люше, написавшего памфлет о якобы имевшей место встрече двух адептов в Алтоне (ныне это пригород Гамбурга, а в те времена столица княжества Гольштейн). Позднее он и сам вскользь и неохотно в этом признался: "о *такой встрече нет никаких рекордов, и такое приключение имело место лишь в романе, но, надо полагать, роман основан на реальных фактах*". Этот самый де Люше с 1777 года и до 1785 года состоял на службе в качестве камергера, библиотекаря и устроителя представлений в Касселе у Фридриха II, ландграфа Гессен-Кассельского. Ландграф был отцом князя Карла Гессенского, во

владениях которого проживал граф Сен-Жермен с октября 1778 года и до самой своей смерти в Эккернфёрде 27 февраля 1784 года.

Анонимный — вышедший без указания имени автора — труд "маркиза" де Люше "Правдивые мемуары о жизни графа Калиостро", где он решил изобразить встречу графа Сен-Жермена и Калиостро, появился в Берлине в 1785 году, когда имя Калиостро было у всех на устах в связи с делом об "оже релье де Рогана". "Массовик-затейник" из Касселя нащупал "золотую жилу": благодаря его измышлениям очень многие поверили в эту встречу, а теперь, "за давностью веков", и вовсе считается, что это истинная правда, запечатленная пером современника. Вот этот рассказ, приведенный французским исследователем эзотеризма Патриком Ривьером в его книге "Тайны и мистерии оккультизма: Сен-Жермен и Калиостро": *"Встреча была назначена глубокой ночью на два часа. Когда пришло время, граф Калиостро и его супруга, облачившись в белые туники, опоясанные кушаками цвета утренней зари, прибыли в замок. Подъемный мост опустился, и шестиногий человек в длинном сером рубище провел их в плохо освещенную залу. Вдруг две большие двери распахнулись, и их взорам открылся храм, сияющий тысячей свечей. На алтаре сидел граф Сен-Жермен; у его ног два прислужника держали в руках золотые курильницы, откуда струились тонкие, но не приторнодурманящие ароматы. На груди бога (?) горела ослепительным блеском пластина с бриллиантами. Какой-то белый полупрозрачный силуэт держал в руках сосуд, на котором можно было прочесть "Эликсир бессмертия". Чуть дальше величественная фигура прогуливалась перед огромным зеркалом, над которым виднелась надпись "Хранилище заблудших душ".*

Гробовое молчание царило внутри этой священной ограды; и в то же время слышался голос, потом еще голоса, которые вопрошали: "Кто вы? Откуда вы? Чего хотите вы? "

Тогда граф Калиостро и графиня пали ниц, и, после продолжительного молчания, Калиостро, встав, произнес: "Я пришел, дабы воззвать к богу (?) верующих, к сыну природы, к отцу истины; я пришел с просьбой открыть мне одну из 14 700 тайн, которыми он обладает, я пришел, чтобы стать его рабом, его апостолом, его мучеником.

Бог ничего не ответил; но после долгого молчания раздался голос, который спросил: "Чего хочет подруга твоих долгих странствий? "

Лоренца ответила: "Повиноваться и служить".

И тогда на смену сиянию света пришел сумрак, шум сменил тишину, страх — доверие, смятение — надежду, и пронзительный

угрожающий голос произнес: 'Горе тому, кто не выдержит испытаний! "

Супругов разлучили, чтобы подвергнуть каждого соответствующим испытаниям. Испытания Лоренцы походили на те искушения, которым она подвергла позднее своих тридцать шесть учеников в храме на Зеленой улице. Лоренца была заперта в кабинете наедине с худым, бледным, кривляющимся человеком, который принялся рассказывать ей о своих удачах и читать ей письма великих королей. А закончил он тем, что попросил у нее бриллианты, которые украшали ее голову: Лоренца их поспешно отдала. Тогда на смену первому явился второй мужчина; у него было очень красивое лицо, выразительные глаза и речь, полная соблазна. Но Лоренца была насмешлива и проявила восхитительную нечувствительность к его чарам. Потерпев поражение, новый экзаменатор удалился, оставив ей пергаментное "свидетельство о стойкости"

Тогда она была препровождена в просторное подземелье, где стала зрительницей ужасающего спектакля: двое мужчин, сидящих на цепи, женщины, которых били хлыстом, палачи, которые рубили головы, приговоренные, которые пили свою смерть из кубков с ядом, раскаленные клейма, позорные столбы. "Мы, — сказал голос, — жертвы собственных добродетелей. Вот как люди, счастью которых мы посвятили свои жизни, платят нам за наши таланты и благодеяния".

Но ни это зрелище, ни эти слова не привели Лоренцу в смятение, и это было ее второе испытание.

Испытания Калиостро были исключительно морального плана, и он с честью вышел из них.

Приведенные обратно в храм, супруги были уведомлены, что будут допущены к божественным таинствам. Там некий человек в длинном плаще первым взял слово и сказал: "Знайте, что великий секрет нашего искусства управлять людьми и что единственное средство достижения этого состоит в том, чтобы никогда не говорить им правду. Не следуйте требованиям здравого смысла, не считайтесь с доводами рассудка, смело совершайте самые невероятные нелепости. И когда вы почувствуете, что все основные ваши принципы поколеблены, остановитесь, отступите и пускайтесь путешествовать по свету; вы убедитесь, что самые нелепые сумасбродства становятся там объектом поклонения… Могилой святого Медара заменена тень святого Петра, лохань Месмера заняла место купели мудреца из Назарета; помните, что первейшая движущая сила природы, политики и общества — воспроизведение себе подобных, что заветная мечта смертных — стать бессмертными, узнать будущее — в то время как они и

настоящего толком не знают — и быть духовными, хотя сами они и все, что их окружает, суть материя".

Это свидетельство, каким бы фантастичным оно ни казалось на первый взгляд, и вопреки тому, что его историческая невозможность была доказана доктором Марком Авеном, не так уж абсурдно. Даже если не воспринимать буквально утверждения маркиза де Люше, ненависть которого к графу Сен-Жермену хорошо известна, не очевидно ли, что речь здесь идет о ритуальном "посвящении", носящем несомненно "символический " характер?"

Исследователь прав: строгие факты показывают, что эта встреча не могла состояться в указанном месте (Алтона, герцогство Гольштейн) и в указанное время (конец 1778 — начало 1779 года). Мы вполне убедились в этом при подробном исследовании биографии графа Сен-Жермена. А духовная "преемственность" двух знаменитых чудотворцев и ритуальное посвящение символического характера, в другом месте и при других обстоятельствах, оставшихся тайною, — вполне возможны.

Граф Сен-Жермен. Гравюра Н. Тома с предполагаемого портрета П. Ротари

То ли в тот период странствий по немецким землям, то ли несколькими годами позже, произошло знакомство Калиостро с иллюминатами — ставившей своей целью просветление человечества и достижение всеобщего счастья сектой, основанной

Адамом Вейсгауптом в Баварии в 1770 году и запрещенной в 1785 году за пропаганду революционных идей и свержение тирании. Когда Калиостро в конце жизни предстанет перед судом инквизиции, ему в числе прочих предъявят и обвинения в связях с иллюминатами, агентом которых он якобы был. А в романе "Жозеф Бальзамо, или Записки врача" Александр Дюма, всегда весьма вольно обращавшийся с историей, и вовсе изобразил Калиостро главой тайного международного ордена, получавшего от этого ордена неограниченные средства. Одним из доказательств причастности масона Калиостро к заговорщикам-иллюминатам стал найденный в его вещах крест с надписью LPD, которую обвинители расшифровали как Lilia pedibus destine — "Попирайте лилии ногами", что было истолковано как призыв к свержению Бурбонов, чьим династическим символом были лилии. Однако, описывая знаменитую печать Калиостро, возле которой стояли эти буквы, Элифас Леви приводит совершенно иное объяснение: *"Буквы L.P.D., сопровождающие эту фигуру, обозначают Lumière, Proportion, Densité — "Свет, Пропорция, Сплоченность"; Loi, Principe et Droit — "Закон, Принцип, Право", а также кредо божественного Парацельса: Libertas, Debitum, Potentia — "Свобода, Обязанность, Сила". Масоны изменили порядок букв на L.D.P. (Liberté de Penser) — свободу мысли. Для непосвященных эти буквы толковались как "Свобода Доступа " (Liberté de Passer)".*

Эти три буквы стояли возле печати Калиостро на патентах для учреждаемых им масонских лож Египетского ритуала. Да и сама печать Калиостро весьма многозначна. Она изображает изогнувшуюся и вставшую ка хвост змею; во рту змея держит яблоко, а туловище ее пронзено стрелой. В одной из историй о пребывании Калиостро в Нюрнберге рассказывалось, что к нему явился некий господин, который, увидев это изображение, похоже, решил, что перед ним находится один из невидимых владык мира, и пал ниц. Потом, поднявшись, он с поклоном почтительно преподнес магистру кольцо с огромным бриллиантом. Изогнувшаяся змея очень напоминает букву S, а пронзившая ее стрела — I, что было понято как первые буквы от Supérieur Inconnu (Неведомый Высший, или один из "Вознесенных мастеров", тех самых тайных высших иерархов, духовных направителей храмовников-тамплиеров, безусловное повиновение которым признавали масоны чина "Строгого наблюдения", провозгласившие себя духовными преемниками учения Храма).

Несомненно, посетитель Калиостро в Нюрнберге был масоном одной из высших степеней этого ордена и правильно понял значение печати благородного иностранца, скрывавшего свое подлинное имя. Тот же Элифас Леви дает истолкование

символов на печати Калиостро и их тесной взаимосвязи с его деятельностью, а также с тайным именем его и его Учителя, которое мы уже приводили ранее.

А ведь каббалисту Леви об истинном значении этого масона и оккультиста ведомо больше, чем современникам Калиостро, считавшим его шарлатаном и авантюристом…

Патрик Ривьер опубликовал некий полученный им при загадочных обстоятельствах документ, подписанный тремя великими деятелями движения мистиков XVIII столетия, который мы приводим с авторским предисловием и сносками: *".масонский документ, который никогда не был опубликован, но, тем не менее, является подлинным документом, на котором стоят личные подписи графа Сен-Жермена и графа Калиостро, предваряемые автографом Луи-Клода де Сен-Мартена, отца мартинизма и духовного сына Мартинеса Паскуалиса в начале мартинесизма и его "Elus-Cohens" (общины Избранных Коэнов).*

Этот документ, неопровержимо доказывающий общность взглядов и даже сотрудничество этих трех великих мистиков XVIII века, пришел к нам из Лондона и был первоначально составлен на английском языке. Он был передан нам "одним дождливым днем" другом, пожелавшим сохранить свое инкогнито, которому мы всецело доверяем и к которому мы относимся с тем братским уважением, которого он, несомненно, заслуживает.

Мы очень опечалены тем, что не смогли получить факсимиле этого фундаментального документа и должны были, к сожалению, удовольствоваться бледной перепечатанной копией, впоследствии переведенной.

СКРИЖАЛЬ ТРЕХ УЧИТЕЛЕЙ

"Но они не поняли слова сего, и оно было закрыто от них, так что они не постигли его; а спросить Его о сем слове боя-лись".

Лк. 9:45

* * *

* * *

****

****

******

* * *

* * *

ВО ИМЯ ТОГО, КТО НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ НАЗВАН

Мир, мир (покой, порядок) в треугольнике пирамиды, в трех точках, которые мы различили, узнали и открыли.

Мир (покой, порядок) огней трех учителей прошлого в трех священных цветах.

Мы познаем себя в красном, что скрепляет брак белого с

черным, который никто не может расторгнуть до скончания времени, скрытый во времени. Крылья пеликана раскрыты. Наши учителя разорвали свою грудь для нас, своих учеников. Мир тем, кого мы зовем учителями.

Мир братьям.

Роза цветет теперь на кресте.

1) Гермес Трисмегист.

Свободны братья и свободны учителя в своем бесконечном замысле. Свободны в Мече, в маске и в руке.

Когда вас просили разрушать, все было предохранено. Дети и наследники Орла и Змеи, Стрелы и Змеи знают, как распознать друг друга, когда они выходят за пределы своих оград.

Теперь они выходят и встречаются под открытым небом, в живом воплощении учителей прошлого, и, объединяясь, они создают свет.

Храм был разрушен, потому что он бессмертен. Он не имеет потолка" а сегодня он не имеет и стен. Это истинно и для Скрижали Солнца.

Храм повсюду, и наши шаги будут все более легки.

Выбери время и имя. Выбери человека. Примени силу, которой ты обладаешь. Узнай Знак и Слово. Будь свободным, как были свободны учителя.

Только установи Слово в Молчание.

Ищи его в самом себе. Оно будет всегда одним и тем же, как Творение Солнца. Когда вы встречаетесь, из временного храма воскрешается тот Храм, который существовал. И никогда не разбивайте цепь. Вы ваши собственные свидетели.

2) Гермес Трисмегист.

Исчерпай себя, и ты будешь обогащен.

Оставь отпечатки своих ног на своей тропе, ведущей всегда с Юга на Север, как велит ветер. Не оборачивайся.

И это четыре части Мира.

Первый Свет.

Цепь Света.

Свет в кулаке.

Первый Свет, который ты даешь.

Будь свободен, когда ты делаешь это. Слушай призыв того, кто этого желает.

Будь свободен в выборе. И разведи огонь присяги для свободы существования.

3) Гермес Трисмегист.

Ищи гробницы. У наших учителей иг не было, у нас их не будет, у вас их тоже не будет. Живи. Ищи их.

ВО ИМЯ ТОГО, КТО НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ НАЗВАН

* * *

* * *

* * *

****

****

****

* * *

* * *

(Собственноручные подписи)

ЛУИ КЛОД ДЕ СЕН-МАРТЕН S. 1.1. O

ГРАФ ДЕ СЕН-ЖЕРМЕН R + C

ГРАФ ДЕ КАЛИОСТРО G. C."

Нам, профанам, не дано понять аллегорий, из которых состоит этот документ. Важнее другое: все три знаменитых духовных учителя-масона XVIII века, подписавших этот документ, были соратниками в деле духовного просвещения и действовали в русле единой традиции древней Священной мудрости.

Впрочем, скорее всего, этот документ (если он действительно существует и является подлинным) должен был бы быть создан позднее 1778 года и к событию, имевшему большое значение в истории движения. С учетом высшего ранга представительства на этом событии, речь может идти о всеобщем масонском конвенте в Вильгельмсбаде в июле 1782 года либо о второй конференции филалетов в Париже в апреле 1785 года. Но до этих международных форумов еще несколько лет, а пока Калиостро направляется из Германии дальше на север Европы, в небольшое герцогство Курляндию.

Глава шестая
УСПЕХ В МИТАВЕ

Как Южный ветер, как ослепительный свет полдня, я пришел к вам на холодный и гуманный Север, повсюду на своем пути оставляя частицу самого себя, растрачивая себя, убывая с каждым шагом, но оставляя вам немного света, немного тепла, немного силы; так буду я идти, покуда не приду к концу своего поприща, в час, когда роза расцветет на кресте.

Граф Калиостро о себе в речи к своим приверженцам

Сам Калиостро не пытался выдавать себя за графа Сен-Жермена, не хвастал знакомством с ним и не набивался в ученики к прославленному графу. Это делали за Калиостро распространяемые о нем домыслы и слухи, распускаемые завистниками, врагами и недоброжелателями. Бороться с молвой граф, по-видимому, считал ниже своего достоинства. *"Так как часто не только свою миссию, но и происхождение, и имя граф Калиостро скрывал, то в некоторых местах его принимали недоверчиво и совсем не за того, кем он был. Так, например, в Кенигсберге барон Корф счел его за подосланного иезуита и так возбудил против него все общество, что граф принужден был покинуть город. Говорили, будто он — С.-Жермэн, чего он не опровергав сам же себя он именовал иногда графом Фениксом и графом Тара, будто умышленно усиливая мрак и путаницу вокруг своей личности",* — это цитата из повести Михаила Кузмина "Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро". Эта замечательная, но содержащая в весьма обильном количестве художественный вымысел повесть основана, без сомнения, прежде всего на очерке Зотова, в котором имеются и другие подробности об этом периоде, которые Кузмин опустил.

Как пишет Зотов, *"анонимная брошюра "Mémoire authentique pour sentir à l'histoire du comte de Cagliostro (Strasbourg, 1786)" рассказывает много чудес, совершенных авантюристом в Германии…. Не везде, однако, встречали его с почетом и*

любопытством. На родине Канта, в Кенигсберге, приняли его холодно и недоверчиво, о чем свидетельствует тамошний епископ Боровский в своей брошюре (Кенигсберг, 1790). Министр и канцлер Корф утверждал, что это — переодетый лакей. Его считали даже эмиссаром иезуитов. По словам Боровского, он терял много оттого, что не умел говорить проповедей, которые так любил простой народ". Имеется в виду, по-видимому, издание "Mémoire authentique pour servir à l'histoire du comte de Cagliostro au sujet de l'affaire du cardinal de Rohan, éveque et prince de Strasbourg" — "Подлинные записки, дабы служить к истории графа Калиостро, о деле кардинала де Рогана, епископа и принца Страсбургского", вышедшие в Страсбурге вскоре после завершения процесса по громкому "делу об ожерелье королевы", в котором Калиостро был привлечен к суду в качестве обвиняемого, но полностью оправдан.

Митавский (Елгавский) дворец. Современный вид

В самом конце февраля 1779 года (кое-где указана даже точная дата — 29 февраля, однако это очевидная несуразица: нечетный год не может быть високосным!) граф и Лоренца прибыли в столицу герцогства Курляндского город Митаву. Калиостро имел рекомендательное письмо к генерал-поручику русской армии Иоганну Фридриху (или по-русски Ивану Федоровичу) фон Медему от родственника его первой жены фон Корфа. Отличившийся в Семилетней войне и затем Русско-

турецкой войне 1768–1774 годов представитель древнейшего рода Курляндии, потомок бывшего в XIII веке магистром Ливонского ордена Конрада фон Мандерна — основателя Митавы, барон Медем вместе с братом, маршалом Отто фон Медемом, принадлежал к лучшим семействам Митавы. У Иоганна Фридриха от трех жен было несколько детей, но на всю Курляндию были знамениты прежде всего две его дочери — "прекрасная Доротея и умная Элиза", то есть старшая Елизавета Шарлотта Констанция, в замужестве фон дер Рекке, и младшая Анна Шарлотта Доротея, которой к тому времени было 18 лет, и она была помолвлена с 55-летним герцогом Курляндии Петром Бироном, наследовавшим своему отцу, фавориту императрицы Анны Ианновны Эрнсту Иоганну Бирону. Свадьба прекрасной Анны Доротеи фон Медем и Петра Бирона состоялась в ноябре 1779 года, уже после отъезда супругов Калиостро из Митавы; тогда же тестю был пожалован графский титул: "*грамотой римского императора Иосифа Нот 5-го ноября 1779 года польский и саксонский камергер, староста Ошмянский, Иоганн Фридрих фон Медем возведен с нисходящим его потомством в графское Священной Римской империи достоинство*". Элиза, старшая дочь барона фон Медема, совсем юной, в семнадцать лет, была выдана замуж за барона Георга фон дер Рекке, бравого армейского служаку много старше ее. Несмотря на рождение дочери Фредерики, брак не задался, и спустя четыре года баронесса вернулась в родительский дом. Малышка вскоре умерла, а еще через год в Страсбурге умер двадцатилетний Фридрих, любимый кузен Элизы. Все эти несчастья произвели на девушку глубокое впечатление, и она стала интересоваться всем необъяснимым и сверхъестественным, ударилась в мистицизм. Встреча с Калиостро пришлась как нельзя кстати. Элиза стала ею восторженной почитательницей, но оставалась таковою недолго и горько разочаровалась в обожаемом учителе. Позднее знавшая несколько европейских языков и поддерживавшая обширную переписку со многими странами Элиза станет поэтессой и писательницей. Впоследствии, в 1787 году, именно она первой напишет разоблачительную книгу о пребывании Калиостро в Митаве, а невзлюбившая "авантурьера" императрица Екатерина прикажет срочно перевести ее опубликованное в Берлине по-немецки сочинение на русский язык и выпустить в свет в Петербурге; через несколько лет, после присоединения Курляндии к Российской империи в 1795 году, императрица пригласит Элизу в Петербург и потом пожалует ей имение в Курляндии. В молодые годы Элиза будет вести насыщенную и яркую светскую жизнь при дворе и в имениях своей сестры

Доротеи, герцогини Курляндской, путешествовать с ней и подолгу жить за границей, а уже в пятьдесят найдет спутника жизни-единомышленника — немецкого поэта Христофора Августа Тидге. Она проживет долгую жизнь и будет пользоваться уважением и любовью людей искусства, поэтов и литераторов. Посетив ее, уже далеко не молодую, в Дрездене, Вильгельм Кюхельбекер оставит о ней восторженный отзыв в своих "Отрывках из путешествия": *"Элиза фон дер Реке, урожденная графиня Медем, величественная, высокая женщина, она некогда была из первых красавиц в Европе; ныне, на 65-м году жизни, Элиза еще пленяет своею добротою, своим умом, своим воображением, — фон дер Реке была другом славнейших особ, обессмертивших последние годы Екатеринина века: великая императрица уважала и любила ее, уважат особенно, потому что ненавидела гибельное суеверие, которое Каглиостро и подобные обманщики начали распространять уже в последние два десятилетия минувшего века"*.

Барон фон Медем быстро ввел прибывшего иностранного гостя в высший свет своего города, представив его бургомистру фон дер Ховену, графине Кейзерлинг, самому герцогу Курляндскому. Новоприбывшим были отведены покои в насчитывавшем свыше 300 комнат Митавском дворце, построенном для отца герцога знаменитым зодчим Бартоломео Растрелли. Русский историк Н.М. Карамзин, побывав в Митаве в 1789 году (спустя десять лет после Калиостро), в своих "Письмах русского путешественника" оставил об этом городе и дворце не слишком лестный отзыв: *"Мы въехали в Курляндию… Скоро открылась Митава. Вид сего города некрасив, но для меня был привлекателен! "Вот первый иностранный город". — думал я, и глаза мои искали чего-нибудь отменного, нового. На берегу реки Аа, через которую мы переехали на плоту, стоит дворец герцога курляндского, не малый дом, впрочем, по своей наружности весьма не великолепный. Стекла почти везде выбиты или вынуты; и видно, что внутри комнат переделывают. Герцог живет в летнем замке, недалеко от Митавы. Берег реки покрыт лесом, которым сам герцог исключительно торгует и который составляет для него немалый доход. Стоявшие на карауле солдаты казались инвалидами. Что принадлежит до города, то он велик, но нехорош. Домы почти все маленькие и довольно неопрятны; улицы узки и худо вымощены; садов и пустырей много"*.

В своих записках о Калиостро Элиза Шарлотта фон дер Рекке пишет, что семейству Медем Калиостро якобы отрекомендовался как Фредерико Гвальди или Фридрих Гвалдо, служитель Великого Копта. Тут вышла какая-то путаница или недопонимание, а может быть, и нарочитое искажение, поскольку пером Элизы водили

разочарование и обида, поэтому она могла намеренно отступить от истины. Подготавливая братьев-масонов к постижению азов Египетского масонства, Калиостро пользовался основами герметической философии, почерпнутыми из "Герметической философии" Федерико Гвальди. Вскоре по прибытии в Митаву Калиостро задумал учредить там масонскую ложу нового Египетского ритуала, благо хватало достойных кандидатов, чтобы занять высшие ступени в новой ложе, — барон Иоганн Фридрих фон Медем, его брат ландмаршал Отто фон Медем и обербургграф фон Ховен еще в 1741 году приняли масонское посвящение и были истовыми масонами. Кроме того, была учреждена адоптивная ложа для дам, магистрессой которой стала Серафина Магистр безраздельно владел не только вниманием, но, казалось, и душами своих слушателей и почитателей. "*С каким искусством умел Калиостр пользоваться случаями, заводить людские ожидания и, питая надеждою души их, властвовать над ними!*" — писала Элиза в своих мемуарах. Новоиспеченные члены обеих лож восхищенно внимали загадочным речам магистра о трансцендентальных материях, тайнах египетских пирамид, подвластных ему духах и стихиях, науке управления элементами, преображении человеческой природы и многом другом. Но братья, имевшие какой-никакой алхимический опыт, жаждали еще и практических знаний, и демонстрации умений кудесника. Сестры алкаш секретов непреходящей молодости и чудодейственных снадобий для поддержания красоты. Все хотели увидеть своими глазами, как проявляется дар провидения, гаранты ясновидения и яснослышания, которыми владел маг. А его "духовная дочь" Элиза более всего желала встретиться с духом горячо любимого брата, безвременно отошедшего в мир иной.

В необычайные способности магистра общаться с потусторонними силами лучше всего помогли поверить медиумические сеансы, для которых Калиостро попросил предоставить в его распоряжение "голубков" — невинных малолетних детей лет 5–7, через которых будут говорить ангелы и духи. Несколько таких сеансов Элиза описала в своих воспоминаниях, заметив, впрочем, что накануне сеансов Калиостро наставлял "голубков", что им говорить, а перед сеансом поил их каким-то сладким одурманивающим напитком. В описании ритуала упомянуто, что маг мазал "голубкам" лобик душистым "маслом мудрости", вероятно, содержащим опий, а также использовал другие приемы, чтобы ввести детей в состояние гипнотического транса: водил руками над головой медиума, долго и монотонно читал нараспев многократно повторяющиеся тексты псалмов, повторял непонятные

"волшебные" слова-заклинания, которые присутствующие слышали как "гелион, мелион, тетраграмматон", совершал сам и просил ребенка совершать некие ритмические движения и др. А затем задавал "голубку" наводящие вопросы и пояснял присутствующим даваемые медиумом ответы. Иногда "голубки" смотрели в стеклянный шар или графин с водой и видели появляющиеся в нем картинки, которые магистр растолковывал. В своей повести Михаил Кузмин живо изобразил один из таких сеансов в Митаве, для которого "голубком" был выбран сын бургомистра фон Ховена:

"Калиостро положил руки на голову маленького Оскара и поднял глаза к небу, словно в мысленной молитве. Затем произнес странным голосом, совсем не тем, что говорил до сих пор:

— Дитя мое, вот книжка с картинками, ты увидишь там маму. Говори все, что заметишь.

При этом он обе руки сложил тетрадкой и поместил их ладонями к глазам малютки. Тот вздыхал и молчал, его лоб покрылся испариной. Было так тихо, что было слышно, как потрескивают восковые свечи на карточном столе и тихонько ворочается собака.

— Говори! — повторил Калиостро еле слышно.

— Мама… мама шьет, и сестрица Труда шьет. Мама уходит, кладет шитье, подвигает скамеечку под диван… сестрица одна… ай, ай! Что это с сестрицей? Как она побледнела… держит руку у сердца. Вот опять мама, она целует Труду, помогает ей встать… А вот пришел Фридрих… он в шапке… кладет ее на сундук… обнимает маму… Труда улыбается… Фридрих очень красный…

Ребенок умолк. Все оставались неподвижно на местах, чаш тикали. Лицо мальчика перестало быть напряженным, и он заснул спокойно. В двери постучали.

В письме г-жи Ховен было написано:

"В семь часов я шила с Гертрудой, потом вышла по хозяйству. Вернувшись в комнату, я увидела, что с дочерью сердечный припадок, она была страшно бледна и рукою держалась за сердце. Я очень испугалась, стала ее целовать, стараясь перевести в спальню. Тут совершенно неожиданно для нас вошел Фридрих, который вернулся из имения раньше срока и которого мы считали за десять верст от Митавы. Дочери стало легче, так что она даже стала улыбаться. Тут пришел ваш посланный, и вот я пишу"".

Еще больше убедил общество в сверхъестественных способностях Калиостро случай с кладом в Вилце — поместье Медемов. Это произошло в апреле 1779 года. Сначала Калиостро точно описал и даже нарисовал на бумаге изумленному барону

Медему господский дом и огромный дубовый пень на поляне в лесу неподалеку от него, под которым в подземелье много веков назад были спрятаны бесценные рукописи с тайными знаниями, которые необходимо уберечь от злых духов, дабы спасти от разрушения поместье и Митаву, что непременно случится, если злые силы завладеют кладом. Но пусть лучше рассказ продолжит В. Зотов: *",Другой опыт магического знания Калиостро касался открытия кладов. Он объявил, что ему дано знать свыше о существовании места, где зарыты важные магические рукописи и драгоценности. Место клада было указано в имении графа Медема, недалеко от Митавы. Там жил, по словам Калиостро, 600 лет тому назад великий магик и спрятал свои сокровища для блага человечества, но они должны достаться только добродетельным людям, хотя их давно уже тщетно отыскивают некромантики. Калиостро надеялся, что ему удастся открыть их, как ни опасна эта попытка и хотя клад стерегут злые духи. Но если он достанется приверженцам черной магии — мир ожидают неисчислимые бедствия. Потому все должны были соединить свои молитвы с молитвами Калиостро, чтобы ему даны были силы противудействовать злым духам. Он описал подробно место и лес, где зарыт клад, несмотря на то, что никогда не видел их. Чтобы убедить всех в существовании клада, Калиостро опять прибегнул к помощи мальчика, который, под его влиянием, начал говорить, что видит землю открытою и в ней много золота, серебра и бумаг. Через несколько недель после этой сцены он объявил, что теперь успел сковать злого духа, охранявшего клад, и через несколько времени приступит к открытию его. Этого, однако, не дождались доверчивые митавцы, так как до окончания этого срока Калиостро уехал в Петербург"*.

Зотов описывает и другой *"весьма нехитрый опыт очень скромной магии*" Калиостро. На этот раз сеанс проходил в доме графа Медема. Чародей был одет чрезвычайно причудливо и вычурно, зала тоже была обставлена и богато декорирована к особому случаю. Тот же мальчик-"голубок", сидя в другой комнате за запертыми дверями и отвечая на вопросы чародея, поведал: *"Я вижу прекрасного юношу, который мне в последний раз открыл землю в лесу…*" Потом малолетний медиум по просьбе мага попросил прекрасного юношу-духа показать ему брата кузины фон дер Рекке, затем "*маленькую хорошенькую девочку, похожую на графиню Калиостро, и которую граф показывал ему во время последних заклинаний. Через несколько секунд мальчик сообщил, что девочка явилась. Калиостро приказал ему обнять и поцеловать девочку и по-просить, чтобы она показала ему лес. Послышался из другой комнаты звук поцелуя, потом мальчик сообщил, что видит*

лес и в нем срубленное дерево; далее открылась земля, и мальчик увидел в ней пять подсвечников, золото, серебро, много бумаг, красный порошок и железные инструменты; потом по приказанию Калиостро все исчезло".

Тщательно подготавливавшиеся сеансы дорого давались самому заклинателю и отнимали у него немалые физические силы. По словам того же Зотова, в конце сеанса Калиостро *"с конвульсивным движением растворил дверь и, выведя мальчика из другой комнаты, упал в обморок*". Это не похоже на "фокусы шарлатана", как величает Зотов сеансы Калиостро, а свидетельство того, что кудесник отдавался своей "работе" всерьез.

Однако главная сила мага, по мнению Зотова, была в другом: *"Не поступки, а слова Калиостро должны были производить влияние на его современников. Несмотря на свое невежество, он обладал действительно замечательною способностью по целым часам приковывать к себе внимание слушателей своими речами, полными философских и мистических сентенций, библейских текстов, громких фраз, метафор и сравнений, по-видимому глубокомысленных, и это блестящее красноречие в первый раз ошеломляло беседовавших с ним"*. Элиза фон дер Рекке воспроизводит в своей книге дословный образец таких речей Калиостро, где налицо все приметы и черты его ораторского стиля, перечисленные Зотовым: *"Священное Писание наполнено изображениями глубокой магии. Юдифь спасла Бетулию смертию Олоферна! Истинная премудрость тогда ею обладала, ибо она уже достигла совершенства души, понеже она уверена была, что повеления ея начальников были для нее в высочайшей степени священны, ибо они ничего такого повелевать не могут, что бы не послужило к скорейшему производству благих намерений великого зиждителя мира.*

Живя в Митаве, Калиостро пользовался щедрым гостеприимством своих последователей и восторженных поклонников. Например, Элиза сообщает, что бургомистр фон дер Ховен подарил ему 800 червонцев и дорогой бриллиантовый перстень, который Калиостро принял с благодарностью. Но его целью был не главный город захолустной Курляндии, а столица громадной российской державы. Граф не скрывал от жителей Митавы своих намерений и обещал многое сделать для Курляндии при дворе российской императрицы. Ему безоговорочно верили, а курляндские патриоты даже мечтали видеть его своим герцогом — вместо Петра Бирона. Как пишет Зотов, *"главною целью его пребывания в Митаве было, посредством масонских лож, в которых членами была курляндская*

аристократия, имевшая большие связи в Петербурге, открыть себе доступ и рекомендацию в высший круг петербургского общества и к самой императрице. Для достижения этой цели он придумал взять с собою в столицу России преданную ему госпожу Реке, где она будет основательницею особой масонской ложи, в которую Калиостро хотел привлечь и Екатерину II. На русский двор могло, конечно, произвести влияние — появление в столице Калиостро в сопровождении одной из представительниц высшего курляндского общества…"

Однако в отношениях с ученицей пылкий Калиостро допустил оплошность. Некоторые полагают, что речь шла о сексуальных домогательствах. По-видимому, баронесса фон дер Рекке неверно истолковала слова мага о том, что он имеет такую власть над женщинами, что любая из них будет счастлива ему отдаться. Это возмутило и оттолкнуло молодую женщину, имевшую неудачный опыт замужества. Следствием стало то, что поначалу горячо верившая в его могущество экзальтированная Элиза отказалась последовать за учителем, и в июне 1779 года он принужден был отбыть в Северную Пальмиру без нее.

Глава седьмая
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: КРУШЕНИЕ НАДЕЖД

…Много у нас в Петербурге наделал шуму известный граф Феникс, или, как его называют, — Калиостро. У княгини Волконской вылечил больной жемчуг, у генерала Бибикова увеличил рубин в перстне на одиннадцать каратов и, кроме того, изничтожил внутри его пузырек воздуха; Костичу, игроку, показал в пуншевой чаше знаменитую талию, и Костич на другой же день выиграл свыше ста тысяч; камер-фрейлине Головиной вывел из медальона тень ее покойного мужа, и он с ней говорил и брал ее за руку, после чего бедная старушка совсем с ума стронулась… Словом, всех чудес не перечесть… Императрица даже склонилась, чтобы призвать его во дворец, но тут случилось препотешное приключение: князь Потемкин воспылал свирепой страстью к жене графа Феникса, родом чешке, — сам я ее не видел, но рассказывают — красотка. Потемкин передавал графу много денег, и ковров, и вещиц; увидав же, что деньгами от него не откупишься, замыслил красавицу похитить у себя на балу. Но в этот же день граф Феникс вместе с женой скрылся из Петербурга в неизвестном направлении, и полиция их понапрасну по сей день ищет…

А.Н. Толстой. Граф Калиостро

О Калиострове пребывании в Петербурге я ничего верного сказать не знаю. По слуху же, однако, известно, что хотя он и там разными чудесными выдумками мог на несколько времени обмануть некоторых особ, но в главном своем намерении ошибся.

Элиза фон дер Рекку

В тогдашней просвещенной Европе Российская империя Екатерины Великой была в большой моде. Калиостро ехал в Санкт-Петербург полный честолюбивых планов и самых смелых надежд. Он рассчитывал на благосклонный прием русских масонов-аристократов и желал сделаться их духовным водителем, основав ложу Египетского ритуала, в числе сановных и вельможных членов которой чаял видеть и саму императрицу. Он жаждал окунуться в светскую жизнь и снискать признание высшего общества, в которое он будет принят на равных. Как целитель и алхимик, познавший сокровенные тайны природы, он надеялся на громкую славу, широкий круг богатых пациентов, поклонение учеников и последователей. Залогом исполнения задуманного должны были стать, во-первых, рекомендательные письма от бургомистра фон дер Ховена и других митавских аристократов, а во-вторых, патент на имя испанского полковника графа Феникса — не беда, что поддельный. Графиня же Серафина, чтобы не отстать от высокородного мужа, должна была именоваться урожденною княжною Санта Кроче.

С лета 1779-го до апреля 1780 года Калиостро находился в Петербурге, где всеми средствами пытался найти доступ ко двору императрицы Екатерины И. Прибывший из Митавы в июне 1779 года "граф Калиострос, гишпанский полковник" (так было пропечатано в "Прибавлениях" к газете "Санкт-Петербургские ведомости") поселился с супругой на Дворцовой набережной в доме генерал-поручика Миллера и стал делать визиты. Первый, кого он посетил, был барон Карл Генрих фон Гейкинг, масон и майор императорской гвардии. Когда Калиостро пожаловал с визитом в его дом, барона не оказалось дома, и на следующий день он отдал визит полковнику испанской службы графу Фениксу. Но насмешливый барон уже при первой встрече разоблачил его как "*человека низкого происхождения и весьма малого образования*", а также "*бессовестнейшего и невежественнейшего шарлатана"* и ловкого обманщика, о чем впоследствии рассказал в своих мемуарах: "*Около этого времени в*

Петербург прибыл известный Калиостро, прямо из Митавы, где он всем вскружил голову… Помощью какого наваждения этот человек расположил к себе во время пребывания в Митаве большинство курляндского дворянства? Граф Медем, его дочь госпожа фон дер Реке, фон дер Ховен и многие другие считали его высшим существом. Эта нравственная слепота необъяснима…"

Сначала барон без труда распознал по дурному французскому уроженца Италии и перешел на его родной язык. Весьма скептически отнесся он к хвастливым разглагольствованиям Калиостро, назвав их "*вздором, не хуже клоуна ярмарочной труппы*". Затем Гейкинг — к немалому замешательству мага — спокойно заметил, что магическая звезда, предъявленная гостю как знак высокого посвящения в высшие знания, была всего лишь "*звезда ордена Станислава, с которой был снят шифр короля, а на место его была вставлена красная роза"*. Барон без всякого трепета взглянул на каббалистические иероглифы на листках бумаги, которыми потрясал перед его носом экспансивный профессор тайных наук, и пообещал без труда раздобыть к завтрашнего дню еще десяток таких же, "из *которых вы так же, как и я, ровно ничего не поймете*". Из беседы за обедом барон вынес твердое убеждение в том, что у Калиостро "ни *одной здравой мысли не было ни о физике, ни о химии"*. После высокопарного заявления духовидца о том, что земные богатства у него есть, но он их презирает, а счастье свое находит в духовном могуществе, которое имеет над существами, на предложение показать ему кого-нибудь из умерших родственников Гейкинг с насмешливым хладнокровием попросил вызвать дух покойного дяди, но с одним условием — что выстрелит в него из пистолета, поскольку бесплотному духу это никоим образом не сможет причинить вреда. Барона ничуть не смутили исступление и пароксизмы внезапного гнева заезжего кудесника, от которых предостерегала гостя испуганная Серафина, — Гейкинг расхохотался и заявил, что *"все это может пугать лишь детей"*. А на обещание взбешенного мага привести его в дрожь флегматично отвечал, что заставить его дрожать может разве что лихорадка.

Испанский поверенный в делах маркиз Нормандео, посыльный от которого прибыл к Калиостро аккурат тогда, когда у него был с визитом барон Гейкинг, по словам барона, *"обошелся с ним как с проходимцем и запретил называться испанским графом и полковником испанской службы*".

Но первая неудача не смутила Калиостро. Он решил начать подвизаться как врач. Благо представился случай, когда он навестил земляка — итальянского тенора Джованни Локателли. А

тот как раз жаловался на хрипоту и недомогание. Калиостровы полоскания и снадобья помогли певцу вновь обрести звонкий голос и бодрость. С подачи Локателли молва о врачебном искусстве Калиостро разнеслась по гостиным столичной знати.

В своей повести о Калиостро Михаил Кузмин красочно описал успехи Калиостро на поприще исцеления больных в Санкт-Петербурге: *"Понемногу он стал исцелять некоторые болезни, то пользуясь известными лекарствами, то составляя снадобья сам, то наложением рук без всяких медикаментов, то приказывая нездоровью, как слуге, покинуть больного. Он вылечил барона Строганова от нервного расстройства, Елагина, Бутурлину и многих других. Наконец, он избавил от неизлечимого рака асессора Ивана Исленева, чем особенно прославился в русской столице. Потому что Исленев после выздоровления впал в какое-то восторженное слабоумие, запил и целыми днями бродил по улицам, прославляя приезжего чудотворца, а за ним следом бегала жена его, ища повсюду своего пьяного мужа.*

Слава Калиостро распространялась по разным слоям общества; после господ к нему повалила челядь: лакеи, повара, кучера, форейторы и горничные. С бедных он ничего не брал и даже снабжал их деньгами и платьем".

И эта благотворительность — не вымысел писателя. Лично знавший Калиостро дипломат барон Гляйхен писал о нем в своих мемуарах: "*Правда, его тон, ухватки, манеры обнаруживали в нем шарлатана, преисполненного заносчивости, претензий и наглости, но надобно принять в соображение, что он был итальянец, врач, великий мастер масонской ложи и профессор тайных наук. Обыкновенно его разговор был приятный и поучительный, поступки его отличались благотворительностью и благородством, лечение же его никому не делало никакого вреда, а, напротив, бывали случаи удивительного исцеления. Платы с больных он не брал никогда*".

Для ведения врачебной практики Калиостро оборудовал целый приемный покой, который вскоре наполнился страждущими всех сословий, и многим он действительно помогал. Говорили, что он привел в чувство даже одного бесноватого. Михаил Кузмин не обошел эту историю стороной в своем повествовании:

"В числе пациентов Калиостро был бесноватый, Василий Желугин, которого родственники посадили на цепь, так как он всех бил смертным боем, уверяя, что он — Бог Саваоф. Жил он где-то на Васильевском острове. Первый раз, когда графа ввели к больному, тот зарычал на него и бросил глиняной чашкой, в которой давали ему еду. Чашка разбилась о стену, а Калиостро,

быстро подойдя к бесноватому, так сильно ударил его по щеке, что тот свалился на пол, потом, вскочив, забормотал:

— Что это такое? Зачем он дерется? Уберите его сейчас же.

Вторая оплеуха опять свалила его с ног.

— Да что же такое? Что он все дерется?

Калиостро схватил его за волосы и еще раз повалил.

— Да кто есть-то?

— Я? Марс.

— Марс?

— Да, Марс.

— С Марсова поля? А я Бог Саваоф.

Калиостро опять его ударил.

— Да ты не дерись, а давай говорить толком.

— Кто это? — спросил граф, указывая больному на его родственников.

— Мои рабы.

— А я кто?

— Дурак.

Опять оплеуха. Больной был бос, с одной рубахе и подштанниках, так что можно было опасаться, что он зашибется, но Калиостро имел свой план.

— Кто я?

— Марс с Марсова поля.

— Поедем кататься.

— А ты меня бить не будешь?

— Не буду.

— То-то, а то ведь я рассержусь.

У графа были заготовлены две лодки. В одну он сел с больным, который не хотел ни за что одеваться и был поверх белья укутан в бараний тулуп, в другой поместились слуги для ожидаемого графом случая. Доехав до середины Невы, Калиостро вдруг схватил бесноватого и хотел бросить его в воду, зная, что неожиданный испуг и купанье приносят пользу при подобных болезнях, но Василий Желугин оказался очень сильным и достаточно сообразительным. Он так крепко вцепился в своего спасителя, что они вместе бухнули в Неву. Калиостро кое-как освободился от цепких рук безумного и выплыл, отдуваясь, а Желугина выловили баграми, посадили в другую лодку и укутали шубой. Гребцы изо всей силы загребли к берегу, где уже собралась целая толпа, глазевшая на странное зрелище. Бальной стучал зубами и твердил:

— Какой сердитый, вот так сердитый! Чего же сердиться-то? Я не Бог, не Бог, не Бог, ей-богу, не Бог. Я Васька Желугин, вот кто я такой! А вы и не знали.

— А это кто? — спросил граф на берегу, указывая на

родителей Желугина.

— Папаша и мамаша! — ответил тот, ухмыляясь.

— Вы можете его взять домой, рассудок к нему вернулся, — молвил Калиостро.

Граф, желая отереть воду, струившуюся по его лицу, сунул руку в карман и не нащупал там табакерки, подаренной ему Государыней.

Васька, видя озабоченное лицо Калиостро, засмеялся.

— Табакерочку ищете? А я ее подобрал! — И откуда-то, как фокусник, вытащил золотую коробочку.

— Где же ты ее подобрал?

— У вашей милости в кармане и подобрал.

Граф обвел глазами присутствующих и молвил:

— Рассудок к несчастному вернулся.

— Понятно вернулся, раз табакерку своровал! — раздались голоса.

Тут ударила пушка с крепости. Больной закрестился, залопотал: "Не Бог, не Бог!" — и хотел выскочить из шубы и пуститься бежать в мокром белье, но его удержали".

Так или иначе, врачебная деятельность Калиостро шла в целом успешно. По воспоминаниям современника,*"самые неистовые враги не могут его более упрекнуть, как только тремя умершими*". Неназванные "неистовые враги" Калиостро были профессиональные врачи, и самый яростный критик — лейб-медик императрицы Джон Самуэл Роджерсон, именовавшийся в России просто Иваном Самойловичем. Он утверждал, что новоявленный кудесник — просто мошенник, и заявлял повсюду: "Эмпирик и ученик школы Гермеса не устоит перед выпускником медицинского факультета Эдинбурга".

Уже тогда многие считали, что нападки врачей на Калиостро продиктованы исключительно меркантильными интересами: стремлением устранить опасного конкурента. Как раз в эту пору гремела слава такого лекаря-самоучки — Василия Ерофеича Воронова, изобретателя русского "эликсира жизни" — крепкой водки, настоенной на ароматных травах, которая в народе так и звалась "ерофеичем". И профессиональные врачи были вынуждены терпеть Ерофеича и подобных ему целителей, в том числе заграничных. В газете "Санкт-Петербургские ведомости" в это время заезжие эскулапы давали рекламные объявления, например: "*братья Пелье, французские глазные лекаря, искусство свое ежедневно подтверждают, возвращая зрение множеству слепых*"; в других номерах газеты парижский зубной врач Шоберт обещал чудесное излечение от разных болезней зубов, и в том числе *"от ударов воздуха",* и приглашал "*бедных немоществующих*

приходить к нему в дом по понедельникам, средам и субботам пополудни, где пользовать и лечить будет все могущие у них случиться гортанные болезни и снабжать их надлежащими лекарствами безденежно", а "*славный дамский портной Дофемон выдумал делать корпусы (корсеты)",* с помощью которых "*нашел средство уничтожать горбы у людей".*

Роджерсон вызвал Калиостро на дуэль. Взамен тот предложил лейб-медику дуэль профессиональную — соперники должны дать друг другу пилюли с ядом. Тот, кто сумеет подобрать противоядие, выиграет жизнь и профессиональное первенство. Разумеется, благоразумный соперник отказался от этих вздорных условий.

Нет сомнений, что Калиостро стократно возмещал свои расходы на благотворительность из карманов состоятельных клиентов. Да и то зачастую отказывался от денег, вынуждая богатых пациентов уговаривать его принять плату, и в конце концов соглашался принять мзду как "пожертвования". Слухи о чудесных исцелениях быстро превратили реальные цифры в сказочные "пятнадцать тысяч".

Один случай исцеления особенно поразил воображение современников.

У князя Гавриила Петровича Гагарина тяжело заболел сын-младенец, десяти месяцев от роду. Впрочем, по сведениям из брошюры "Le charlatan démasqué", опубликованной в 1786 году во Франкфурте-на-Майне, история эта произошла якобы с некоей богатой русской дамой, может быть, даже купчихой. Все врачи, один за другим, признавали свое бессилие перед болезнью. Князь обратился к Калиостро. Граф осмотрел ребенка, признал, что положение почти безнадежное, но согласился лечить его, при условии соблюдения строжайших правил. Во-первых, родители должны были отдать ребенка в дом Калиостро. Во-вторых, они не смогут видеть сына, пока граф им не разрешит. Родители согласились. Калиостро увез мальчика к себе.

Гагарины ежедневно приезжали на Дворцовую набережную, но Калиостро либо не принимал их, либо кратко отвечал: "Ребенку лучше". Так прошли две недели. Наконец граф объявил, что опасность миновала, и разрешил забрать ребенка домой. Родители были вне себя от счастья. Князь Гагарин предложил графу тысячу золотых империалов (десять тысяч рублей серебром, или почти двенадцать килограммов чистого золота), но Калиостро отказался наотрез. Тогда князь тайком оставил сверток с империалами в прихожей графа. По одним сведениям. Калиостро вернул золото князю, по другим — взял себе.

Но вскоре по городу поползли слухи. Говорили, что вначале

мать, рассмотрев хорошенько мальчика, усомнилась, точно ли это ее сын. И тут открылось, что больной на самом деле умер, а Калиостро подменил его другим ребенком. Иные уверяли даже, что девочкой! Будто бы Калиостро приперли к стенке, и он во всем признался. Когда же его спросили, где тело Павлуши Гагарина, злодей сказал, что пытался произвести опыт палингенезиса (оживления), во время которого труп сгорел…

В этой истории много неясного, а чем больше загадок, тем больше и домыслов. Точно можно утверждать лишь то, что Павлуша Гагарин, он же князь Павел Гавриилович, вырос крепким и здоровым, стал офицером, воевал и дослужился до генеральского чина.

П.Г. Гагарин. Гравюра XVIII в.

В. Зотов, ссылаясь на заслуживающие доверия иностранные источники, пишет, что было получено *"за это удивительное излечение две тысячи"*, не уточняя, впрочем, каких именно денег. Далее он пересказывает подробности этого нашумевшего дела из немецкой брошюры 1785 года "Ephemeriden der Freimaurei in Deutschland", которая утверждает, что безутешная мать "*принесла жалобу на такой наглый обман. В то же время лейб-медики императрицы представили ей, что шарлатан, продавая лекарства, возвращавшие молодость и продолжавшие жизнь до бесконечности, подрывает всякое доверие к медицине и приносит большой вред, как отдельным личностям, так и целому обществу. Тогда императрица приказала выслать Калиостро из Петербурга*".

Впрочем, причина высылки могла быть совсем иная, и связана она была с Лоренцей, супругой чародея и целителя. Но об этом ниже.

Постепенно у Калиостро нашлись покровители в высших кругах: управлявший императорскими театрами и великий магистр провинциальных русских масонов сановник Иван Перфильевич Елагин предоставил Калиостро для магических опытов свой дворец на острове, получившем впоследствии по его имени название Елагина острова; иностранные посланники барон Корберон, убежденный духовидец, и граф Мелисси-но: знатный вельможа и богач граф А.С. Строганов; наконец, сам светлейший князь Григорий Александрович Потемкин. А вот "северная Семирамида" до знакомства с Калиостро не снизошла.

Шевалье де Корберон, бывший в то время поверенным в делах Франции в России, масон, открыто покровительствовавший Калиостро, писал: "*Полагаю, Калиостро никакой не шарлатан; разумеется, исцелять ему удается не всех, но многих, и это благодаря своим познаниям в химии и физике; однако человек сей может представлять опасность, и, разумеется, я никогда не стану с ним связываться, ибо он обладает гибельными познаниями*".

Итак, Калиостро решил продемонстрировать сии "гибельные познания" публике. Начал он с сеансов черной и белой магии — и имел успех.

По желанию гостей Калиостро показывал им их будущее. Для этого в зал вносили стеклянный шар с кристально чистой водой. Калиостро совершал над сосудом различные пассы, вдруг вода в шаре замутнялась, образовывались сгущения, в которых впечатлительный человек мог разглядеть силуэты и лица. На самом деле это был несложный химический опыт, но двести с лишним лет назад он производил сильное впечатление на публику.

Затем Калиостро вызывал духов умерших людей по выбору присутствующих, беседовал с ними. Для общения с обитателями загробного мира граф привлекал специально подготовленных ассистентов-медиумов, чаще всего детей с голубыми глазами, их называли "голубками". Перед сеансом Калиостро поил "голубков" каким-то отваром, а затем вводил их в состоянии транса. Он общался с потусторонними силами не напрямую, а через посредство этих "чистых созданий". В этом гвоздевом номере программы Калиостро умело соединял иллюзионную технику, галлюциногенные препараты, чревовещание и гипноз.

Еще во время магических сеансов в Курляндии с Калиостро случались нервные срывы. Проявились они и в России. Он вдруг начинал препираться с духами, переходил на крик, топал ногами и размахивал мечом. В такие минуты Лоренца умоляла присутствующих не приближаться к мужу, дабы не навлечь на себя большой беды.

Калиостро охотно демонстрировал алхимические опыты: у неискушенных зрителей создавалось впечатление, что на их глазах простой кусок железа превращался в серебро и золото. Ничего волшебного на самом деле не происходило. К тому времени ученые-химики уже умели с помощью электричества осаждать соли металлов на поверхности железа, позднее этот метод был усовершенствован и получил название гальванотехники. Но выглядели эти манипуляции очень эффектно, особенно перед несведущей в науках светской публикой и в соответствующем "магическом" антураже.

По вечерам избранное общество собиралось в "египетской зале" елагинского дворца, где граф представал в облике Великого Копта. На нем были длинные шелковые одеяния, расшитые красными иероглифами, голову украшала затейливая повязка из золотой парчи, концы которой ниспадали. Это сооружение удерживал на голове венок из живых цветов, осыпанный драгоценными каменьями. Через плечо и грудь опускалась широкая лента изумрудного цвета, расшитая изображениями жуков-скарабеев. На красном шелковом поясе висел рыцарский меч с рукоятью в виде креста. В таком величественном виде Калиостро не говорил — он вещал, глаголил.

Число приверженцев Калиостро множилось. Петербургские масоны, члены английской и шведской лож, горели желанием перейти в "калиострову веру" — они считали Египетское масонство более высокой степенью посвящения.

Увлекся чарами Калиостро и сам всесильный фаворит императрицы князь Потемкин. А тут как раз подоспел случай испытать знания алхимика. Незадолго до того Потемкину сообщили, что на армейских складах стали таинственным образом исчезать оловянные пуговицы с мундиров. Прямо чудеса: нитки торчат, не порваны, не обрезаны, а самих пуговиц нет! Ничего подобного не случалось в других странах. Тогда еще не знали, что крепкие морозы в определенных условиях разрушают олово в прах. Это загадочное явление получило название "оловянной чумы". Вот Потемкин и спросил Калиостро: "Что делать, чтобы чудес с русскими пуговицами не происходило?" Калиостро подумал некоторое время и наконец предложил князю отливать пуговицы из сплава цинка и меди, то есть, проще говоря, посоветовал делать латунные пуговицы. Они и выглядят красивее, особенно надраенные кирпичным порошком. С тех пор на мундирах русских военных в продолжение целого столетия сияли "пуговицы Калиостро".

После этого блестяще выдержанного чародеем испытания Потемкин, сначала настроенный по отношению к магическим

способностям Калиостро скептически, согласился поучаствовать в некоторых его экспериментах. Пойти на этот опыт Потемкина уговорила Лоренца.

Рассказывают, что якобы Калиостро предложил князю ни больше ни меньше — увеличить втрое весь его золотой запас. После манипуляций Калиостро золото взвесили и подвергли анализу. Невероятно, но его и вправду стало в три раза больше. Калиостро внакладе не остался — получил в награду за труды треть всего золота.

Теперь Потемкин благоволил графу Калиостро, но это покровительство ему и навредило. Сотрудничество Потемкина с Калиостро перешло в нечто иное — светлейший князь увлекся загадочной графиней Калиостро. Императрица быстро поняла, что ее фаворит увлечен вовсе не науками, а прелестями госпожи Лоренцы. Ревнивая Екатерина немедленно отомстила, подстроив публичное разоблачение "мага" на одном из сеансов ясновидения. Самодержица повелела Калиостро *"елико возможно поспешно покинуть пределы Российской империи",* и чета была вынуждена в экстренном порядке покинуть Петербург.

Существует множество легенд, посвященных петербургскому периоду в жизни Калиостро и его отъезду из России. Многократно преувеличенные молвой рассказы о похождениях мага вдохновили А.Н. Толстого на написание повести "Граф Калиостро"; но его путешествие по российской глубинке, столь колоритно описанное в ней, в реальности никогда не имело места. Достаточно прочесть повесть Толстого, чтобы убедиться в том, что все события в старинной вотчине князей Тулуповых усадьбе Белый Ключ, что в Смоленской губернии, и герои, что в ней описаны, с начала и до конца являются художественным вымыслом. Портрет графа Феникса получился у Алексея Толстого как живой и как нельзя лучше соответствует представлениям охочей до чудес простодушной публики о знаменитом чудотворце: "*Кавалер был средних лет, плотный мужчина. Багрово-красное лицо его с крючковатым носом было погружено в кружева. Огромный, с локонами, парик, какие носили в начале столетия, был неряшливо напудрен. Синий жесткого шелка кафтан расшит золотыми мордами и цветами. Поверх надета зеленая шуба на голубых песцах. Золотом же были вышиты черные чулки. На пряжках бархатных башмаков сверкали брильянты, и на каждом пальце коротких волосатых рук переливалось по два, по три драгоценных перстня*".

А вот приведенная В. Зотовым цитата из появившегося в журнале "Berliner Monatschrifft" (1784 г., декабрьская книжка) дневника одного далекого от объективности путешественника с

портретом чародея "с натуры": *"Сегодня представляли меня знаменитому графу Калиостро. Такого оригинального, дерзкого, обо всем отзывающегося с презрением, высоко поднимающего нос шарлатана en gros мне еще никогда не приходилось встречать. Это маленький, толстый, широкоплечий, коренастый парень, с широкою, здоровою грудью, толстым затылком, круглою головою, с черными волосами, низким лбом, быстрыми, круглыми блестящими глазами, беспокойным взглядом, широким, слегка загнутым, носом, мясистыми, круглыми, всегда раскрытыми губами, красным, жирным, выдающимся подбородком, крепкими челюстями, маленькими, тонкими ушами, маленькими, пухлыми руками, красивыми, маленькими ногами, полнокровный, с темно-красноватым цветом лица, сильным, звучным голосом… При взгляде на него делается понятным, отчего этот наглый хвастун так смело эксплуатирует людскую глупость и слабость*".

Супруга чародея в повести Толстого рассказывала о себе, *"что родилась в деревне, близ Праги, что она круглая сирота, что зовут ее Августа, но настоящее имя ее Мария"*. В конце повести она убежит от мужа-тирана и колдуна, по просьбе молодого барина Алексея Федяшева оживившего с помощью черной магии портрет его троюродной сестрицы, покойной княгини Прасковьи Павловны Тулуповой, а сам Калиостро со слугой-арапом будет с позором, *"под свист и улюлюканье дворни*" увезен из усадьбы, связанный, на мужицкой телеге, к смоленскому городничему и отправлен дальше по Варшавскому шляху Вот какой получилась графиня под пером графа Толстого: *"Она была необыкновенно хороша собой. Светлые волосы ее были причесаны гладко и просто. Лицо ее, скорее лицо ребенка, чем женщины, казалось прозрачным, — так была нежна и чиста кожа; ресницы скромно опущены над синими глазами, изящный рот немного приоткрыт*".

Сравним с описанием настоящей супруги мага, римлянки родом, Лоренцы Пеллегрини, она же Серафима Калиостро, урожденная принцесса Санта Кроче, в воспоминаниях барона Гейкинга: "*Жена его по внешнему виду была особа перезрелая, красноватые глаза ее свидетельствовали о пролитых слезах, а осанка ея и речь, менее вульгарная, чем у мужа, выдавали одну из тех жалких комедианток, которых заставляют плясать против воли*".

Гейкинг так и остался недоброжелателем Калиостро. Другим его врагом сделался прусский посланник граф Герц, который, по словам В. Зотова, "*представил в суд ко взысканию долговое обязательство авантюриста на довольно значительную сумму, выданное им в Кадиксе прусскому консулу*". По некоторым сведениям, вексель на сумму, эквивалентную 5 тысячам рублей,

оказался поддельным. Как сказано в повести Кузмина, "*барон Гейкинг и граф Герц злословили и острили насчет Калиостро во всех салонах. Сам Потемкин стал как-то неровен и не так часто беседовал с учителем, предпочитая почти открыто выставлять Лоренцу как свою любовницу. Это грозило скандалом. Кавалер Карберон, Мелиссино и другие друзья советовали Калиостро уехать, тем более, что Адам Понинский зазывал графа в Польшу, а шведский король Густав тоже передавал свое приглашение, специально прислав в Петербург полковника Толля. Проборовшись с врачами почти год, Калиостро выехал из Петербурга в апреле 1780 года, причем полиции донесли, что граф выехал из всех застав. Везде его видели, и везде он оставил свою подпись. Куда он выехал с заплаканной Лоренцой, было неизвестно, но приехал он тем же апрелем в Варшаву*".

В. Зотов — с оговоркой, что "*ему нельзя вполне доверять*" — приводит почерпнутый из анонимного источника "*Mémoire authentique pourseruir* à *l'histoire du comte de Cagliostro (Strasbourg, 1786)* рассказ, объясняющий "*отчасти причину недолгого пребывания Калиостро в Петербурге и отъезда его из этого города, где ему не удалось осуществить свои планы и намерения*": *"Близкое знакомство Потемкина с женою Калиостро возбудило, по словам мемуаров, неудовольствие в одной высокой особе, и "принцесса" согласилась прервать связь с князем и уехать из столицы за известную сумму отступного. Авантюристка получила будто бы тридцать тысяч рублей, но при свидании с князем сообщила ему об этом, уверяя его, что разлука для нея была бы слишком тяжелой, предлагая возвратить сумму, присланную ей для выезда из столицы, лишь бы только не покидать ее так скоро. Всемогущий фаворит, польщенный такою бескорыстною привязанностью… к Петербургу, отвечал, что она может оставаться здесь сколько ей угодно, и возвратил тридцать тысяч, конечно из своей кассы. Но и протекция князя не помогла…"*

Г.А. Потемкин. Неизвестный художник

Екатерина II была разгневана на князя Таврического и не только не пожелала допустить Калиостро до своей монаршей особы, но и позже давала о нем уничтожающие отзывы всем своим иностранным корреспондентам. "*Я никогда его не видела, ни вблизи, ни издалека, да и не делала попытки увидеть, потому что не люблю шарлатанов*", — напишет через год после отъезда Калиостро императрица.

В письме Циммерману из Петергофа от 8 июля 1781 года она пишет о Калиостро весьма нелицеприятно: "Он *прибыл сюда, назвавшись полковником испанской службы и испанцем по рождению, распустив слух, что он колдун, мэтр колдун, который может показывать духов, и они ему подчиняются. Когда я это услышала, я сказала: прибыв сюда, этот человек совершил большую ошибку; нигде он не будет иметь менее успеха, чем в России; мы не сжигаем колдунов, за двадцать лет нашего правления было всего одно дело по обвинению в колдовстве, и тогда сенат потребовал доставить колдунов, и когда их привели, он признал их глупцами и полностью невиновными. Господин Калиостро, однако, прибыл в момент весьма благоприятный для него, в момент, когда несколько масонских лож, увлеченные принципами Сведенборга, хотели непременно видеть духов; они побежали к нему, ибо он утверждал, что владеет всеми секретами доктора Фалька, близкого друга Ришелье, который некогда посреди*

Вены заставил Ришелье принести жертву — черного козла; однако, на его несчастье, Калиостро не смог удовлетворить любопытство тех, кто хотел все пощупать там, где нечего ни смотреть, ни щупать. Тогда господин Калиостро начал свои чудесные секреты с исцелением: он утверждал, что извлек ртуть из ноги подагрика, но подлил ртути в таз, куда опустил ноги сего подагрика. Потом он сделал краски, которые ничего не красили, и химические действия, кои не действовали. Потом он долго ссорился с поверенный в делах Испании, который оспаривал его испанский титул и происхождение, а потом открылось, что он едва умел читать и писать. В конце концов, весь в долгах, он скрылся в погребе Елагина, где он столько шампанского выпил и английского пива, сколько мог; однажды, похоже, он превзошел пределы, т. к., выйдя из-за стола, вцепился в волоса секретаря; тот дал ему пощечину; началась драка. Елагин, утомленный этим братом подвальной крысы, и жалобами секретаря, и большим расходом вина и пива, убедил его вежливо сесть в кибитку, а не лететь по воздуху, как тот грозился, а чтобы кредиторы сей экипаж не задержали, он дал ему в сопровождающие инвалида, который с ним и госпожой графиней ехал до Митавы. Вот история Калиостро, в которой есть все, исключая чудесное.

В разгар судебного разбирательства по делу об ожерелье Марии-Антуанетты в Париже в 1785 году злопамятная Екатерина II писала своему европейскому корреспонденту доктору Циммерману, не стесняясь в выражениях: *"Читала мемуар Калиостро, что вы мне послали, и если бы не была убеждена, что это честный шарлатан, то мемуар его меня бы в этом убедил; но почему парижский Парламент не призовет арабского переводчика, чтобы убедиться, что он не говорит по-арабски? Это гнусный проходимец, коего надобно повесить; это бы остановило новую эпидемию веры в оккультные науки, коими сейчас весьма увлекаются в Германии, в Швеции и которые и здесь начинаются, но мы наведем порядок.*

В сноске, сделанной переводчиком писанной по-немецки книги Элизы Шарлотты фон дер Рекке о пребывании Калиостро в Митаве на русский язык, сказано: *"Между тем не удалось Калиостро исполнить в Петербурге своего главного намерения, а именно уверить Екатерину Великую о истине искусства своего. Сия несравненная государыня тотчас проникла обман. А то, что в так называемых "Записках Калиостровых" ("Memoires de Cagliostro") упоминается о его делах в Петербурге, не имеет никакого основания. Ежели нужно на это доказательство, что Екатерина Великая явная неприятельница всякой сумасбродной мечты, то могут в том уверить две искусным ее пером писанные комедии:*

"Обманщик" и "Обольщенный". В первой выводится на театре Калиостро под именем Калифалкжерстона. Новое тиснение сих двух по сочинительнице и по содержанию славных комедий сделает их еще известнее в Германии".

Мстительная Екатерина II спустя пять лет после изгнания итальянского мага из Петербурга самолично сочинила о нем комедию под названием "Обманщик", а сразу же после ее успеха на сцене — и вторую пьесу, где вывела "магистра тайных наук" в виде шарлатана Калифалкжерстона."… *Должна сказать вам, что появились две русские комедии, одна под названием "Обманщик", другая — "Обольщенный", первая изображает Калиостро в его настоящем виде, а вторая — поддающихся его обману. Публика наша в восторге от них, и они действительно очень забавны. Я говорю вам об этом для того, чтобы вы знали, как относятся у нас к иллюминатам; говорят, они пользуются удивительным успехом в Германии, я думаю, что это ради моды, так как французы без ума от них",* — напишет Екатерина 10 января 1786 года Циммерману о своих творениях. В ответном письме Циммерман рассыпался в похвалах. По его просьбе Екатерина отдала обе пьесы на перевод, и в 1786 году они были переведены на немецкий язык Арндтом и напечатаны в Германии, а "Обманщик" в 1787 году был даже издан в другом немецком переводе берлинским книгопродавцем и другом драматурга Лессинга Фридрихом Николаи, хотя, по суждению Зотова, *"комедия эта, конечно, очень наивна в литературном и неуклюжа в сценическом отношении.*

К первым двум комедиям вскоре добавилась третья — "Шаман Сибирский". Получилась трилогия, в первой заморский маг подчиняет себе обитателей одного столичного дома: в "Обольщенном" сатирически изображено окружение шарлатана, его ученики и подражатели; а в "Шамане" показано, как дремучий колдун из Сибири подчиняет себе уже не один дом, а всю столицу.

Просвещенная государыня не одобряла целителей-чудотворцев. Она не любила масонов, мартинистов, мистиков и иллюминатов, осуждала все эти учения и тайные общества как вредные затеи и считала, что в определенных условиях их приверженцы как потенциальные заговорщики могут представлять опасность для государства. К тому же к масонству тяготел наследник — великий князь Павел Петрович, которого с 1776 года обхаживали виднейшие масоны из Германии и Швеции, посылая к нему своих эмиссаров. Павел выбирал, в какую именно ложу вступить. Есть исторические свидетельства, позволяющие со всей определенностью утверждать, что Павел стал масоном во

время своего заграничного вояжа, и произошло это в Германии в июле 1782 года, накануне знакового в истории масонства Вильгельмсбадского конгресса.

Екатерина очень боялась заговора, поскольку сама пришла к власти в результате дворцового переворота. Отчасти поэтому она разоблачила и представила в жалком и смешном виде самого известного из масонов и иллюминатов — графа Калиостро. Таким образом, даже если у Калиостро и оставались еще в России тайные последователи, они были осмеяны, раздавлены и не смели заявлять о себе.

Глава восьмая
ФИАСКО В ВАРШАВЕ

…он [шарлатан] обычно похваляется, будто ему удалось открыть неизвестные ранее законы природы; он, однако, хранит их в тайне, утверждая, что добыл их с помощью оккультной физики… Если верить ему, он просвещеннее всех ученых обществ…

Анри Декрам. Дополнение к "Разоблаченной белой магии"

Чтобы не разрушить окончательно свою репутацию, граф Калиостро с супругой покинул Санкт-Петербург. Вопреки ранее данному обещанию, он не заехал в Митаву, где его напрасно ждали. Имея на руках рекомендательные письма к польским магнатам, граф направился в Варшаву, к видному масону и основателю ложи "Карл в трех шлемах" князю Адаму Понинскому. Эта ложа, где состоял членом сам король Станислав II Август, была не единственной в столице Польши. В 1779 году, стремясь заслужить благосклонность российской императрицы и спасти Польшу от нового раздела, местные масоны учредили названную в ее честь ложу "Екатерины под Северной звездой", но это могло вызвать у нелюбившей масонство государыни только неудовольствие. Варшавские братья и не догадывались, что истинным автором выпущенной в Петербурге в 1780 году (хотя в выходных данных стояло: Кёльн, 1750) книги "Тайна противонелепого общества", осмеивавшей масонство, была сама Екатерина…

Прагматичные и тщеславные поляки желали получить от пребывания Калиостро ощутимую пользу поэтому и вступали в основанную им ложу Египетского ритуала. Адам Понинский предоставил в распоряжение Калиостро несколько комнат в своей загородной резиденции Воля, чтобы оборудовать там полноценную алхимическую лабораторию, и дал в помощники графа Августа Фредерика Мощинского, сведущего химика-любителя и отъявленного скептика. Мощинский вел дневник, куда скрупулезно записывал все, что делал великий маг и духовный наставник, которого он желал таким образом

разоблачить. Что ему и удалось сделать в сочинении "Каллиостр, познанный в Варшаве, или Достоверное описание химических и магических его действий, производимых в сем столичном городе в 1780 году. Изданное очевидным свидетелем графом М.". Есть однако мнение, что этот труд на самом деле оставил вовсе не Мощинский, ему эти "лавры" лишь приписаны.

Чтобы завоевать расположение варшавских масонов и знати, Калиостро пошел по проторенному пути. Как ранее в Митаве и в Петербурге, он принялся за целительство, а еще стал демонстрировать свои сверхъестественные способности и власть над духами, устраивая медиумические сеансы. Некоторые опыты были удачны: *"В первый же свой выход в ложе Калиостро всех поразил следующей демонстрацией. Велев всем присутствующим подписаться на пергаменте, он сжег его у всех на глазах и потом тайными формулами заставил тот же свиток упасть с неба нетронутым, с полными, даже не закоптившимися подписями. Несколько светских предсказаний упрочили его известность*".

Однако это цитата из повести Кузмина о чудесной жизни графа Калиостро, авторы других жизнеописаний отмечают скорее провалы. В. Зотов пишет о сеансах мага иное: *"И здесь повторил он свои магические опыты в том же виде, как в Митаве, перед дверью, завешанною черным сукном, с помощью восьмилетней девочки, которой он наливал в руку масло, заставлял ее целоваться с ангелами, которые являлись ей, писал имя одного из присутствующих при опыте на бумажке, сожигал ее и через несколько времени получал это же имя, написанное на другой бумажке с масонскими знаками, которую ребенок просовывал ему из-под двери другой комнаты. Но в Варшаве были не так легковерны, как в Митаве. Мощинский и другой паи принялись расспрашивать девочку и выпытали от ребенка, что все ответы его были заранее подсказаны ему шарлатаном и только заучены девочкою. Калиостро, узнав об этом, начал производить свои опыты уже не с ребенком, который легко может проболтаться, а с шестнадцатилетнею девушкою. Дело было устроено так ловко, что сан Мощинский поколебался в недоверии к фокуснику. Но через несколько дней к нему явилась эта помощница Калиостро и объявила о том, что вместе с ним надувала зрителей. Открытие это она сделана, чтобы отмстить ему за оскорбительное обращение с нею. Мощинский сообщил об этом почитателям Калиостро, но они ничему не хотели верить. Кроме вызывания духов, Калиостро упражнялся еще в разъяснении таинств египетской магии, сочинял рецепты для растопления янтаря, для составления жемчуга и кораллов, давал даже медицинские рецепты, но средства, прописываемые им, или не находились в*

аптеках, или не производили никакого действия…"

По словам Зотова, язвительный Мощинский описал еще одну сцену шарлатанства, в которой маг был посрамлен: "*Калиостро выкинул еще более смелую штуку, обещая показать своим приверженцам верховного владыку египетской магии, своего учителя, великого Кофту, живущего в Египте уже тысячу лет. На подмостках, устроенных в глубине залы, при слабом освещении двух свечей, показался старик с белой бородой, в восточном тюрбане и длинной белой одежде. Глухим, тихим голосом спросил он одного из присутствовавших при этой сцене: кого видит он пред собою? — и тот, рассерженный такою глупою комедиею, отвечал, что видит Калиостро в маске с подвязанною бородой. Старик в негодовании погасил свечи и скрылся во мраке".*

Принимая братьев в свою ложу, Калиостро напутствовал их, что прежде всего следует стремиться не к земным богатствам, почестям и власти, а к духовному совершенству, и призывал усердно трудиться для достижения высшего небесного блаженства, для чего проявлять мудрость и показывать достойное поведение. Но его красноречие пропадало втуне. Новые последователи были алчны, легкомысленны и нетерпеливы, хотели же как раз того, от чего предостерегал их наставник. Как нельзя лучше этот настрой уловил Михаил Кузмин: "*Варшавяне требовали золота, каббалистических бриллиантов, светящихся камней и поразительных успехов в разных областях, кончая успехом у женщин. Адам Понинский был капризный и великодушный человек, но, зараженный духом среды, часто поражал Калиостро грубостью и недуховностью своих желаний и требований*".

И маг решился воочию явить недоверчивым братьям-масонам и недоброжелателям, как обладание духовной силой позволяет получить власть над природой и по собственной воле обращать неблагородные металлы в золото и серебро. И назначил общее собрание для всех любопытствующих в алхимической лаборатории, оборудованной для него в имении князя Понинского под Варшавой. Суть таинства сводилась к следующему: предварительно подготовленная подручным ртуть, или "меркурий" средневековых адептов Великого Делания, при помощи выделенной из особым образом очищенной воды *"сущности",* которую магистр именовал "*чистою землею или второю матернею*", а также некоего красного философского порошка — "бродила", и некоторой последовательности операций была обращена в серебро. Подручным был Мощинский, который затем пунктуально записал ход действа: манипуляции, технологию, инструменты, сосуды и использованные ингредиенты с указанием их внешнего вида и точного количества, а также

получившийся результат — слиток серебра, "*тяжестью 29 лотов три осьмых, который сверху был гладок, но снизу до трети наполнен маленькими скважинами*". Это был успех! Братья были покорены.

Сам король Станислав Август Понятовский милостиво согласился дать аудиенцию знаменитому иностранному магу, во время которой живо интересовался алхимическими вопросами. Но радость алхимика была недолгой. Ее омрачил несносный Мощинский.

Зорко следивший за Калиостро, облаченным в широкий глухой фартук и проводившим свой опыт в полутемной лаборатории при свете пламени печи, Мощинский, хорошо понимавший суть этого "простого фокуса", заподозрил, что маг незаметно спрятал врученный ему подручным тигель под фартук и подменил его другим, заранее припасенным, в котором содержался уже готовый слиток. Тем более что до этого граф несколько дней не допускал помощника в лабораторию, на полу которой якобы были изображены секретные, опасные для рассудка непосвященного формулы и чертежи, а еще "*под предлогом разговора с духами Калиостро накануне заперся на ночь в лаборатории, где и упражнялся в плавлении великом, ибо ящик с углем уменьшил свое содержимое*". Подозрения подтвердились, когда спустя несколько дней в саду дворца Ионинского в выгребной яме были случайно найдены "*осколки тигля с остатками химических соединений ртути*".

Станислав Август Понятовский. Художник И.-Б. Лампи Старший

Мощинский рассказал о своих открытиях Адаму Понинскому и убедил его в том, что Калиостро обманщик. Братья пребывали в растерянности. А тут еще король, опасаясь неудовольствия не жаловавшей мага Екатерины, бывшей своей любовницы, некогда посадившей его на польский трон и от которой он в какой-то степени зависел, отказал кудеснику от двора. Чтобы снять с себя обвинения и вернуть милость короля и доверие масонов, оскорбленный Калиостро пообещал возвратить слиток в исходное состояние, то есть путем многократных растираний, перемешиваний с другими ингредиентами, выпариваний, подливания различных жидкостей и перегонок то ли превратить его в философский порошок, то ли получить философский камень, то ли вообще обратить в золото… Однако общество, собравшееся в лаборатории и наблюдавшее за ходом эксперимента восемь дней, так и не дождалось обещанного чуда. Чудотворец был вынужден бросить опыт и объявить его неудачным.

Разочарованные и обманутые поклонники Калиостро потребовали у него немедленно вернуть деньги, ценные подарки и подношения, которые за спиной ничего не подозревающего мужа вкрадчиво просила и благосклонно принимала на его "возвышенные труды" Серафина. Магу ничего не оставалось, как только возвратить долг, и немалый — по некоторым сведениям, сумма доходила до 8 тысяч дукатов. Впрочем, враги Калиостро утверждали, что столько отступных ему посулили, если он покинет Варшаву, но маг гордо отказался. Как бы то ни было, не пробыв в столице Польши и двух месяцев, в начале сентября 1780 года Калиостро и Серафина вновь пустились в путь, на этот раз на запад.

Глава девятая
ТРИ СЧАСТЛИВЫХ ГОДА В СТРАСБУРГЕ

Ласкаюсь надеждой, что не замедлят выписать из Страсбурга занимающихся магнетизмом и в те земли, где показывается столь постоянная склонность к подобным шарлатанам; могу уверить наперед, что они будут подешевле и удобнее обмануты, нежели Калиостром с товарищи…

Екатерина II в письме к Циммерману

Из Варшавы Калиостро с супругой проследовали во Франкфурт-на Майне, где прожили некоторое время. Из этого немецкого города они вскоре, в начале сентября 1780 года, перебрались в Страсбург, где осели на три года. Вначале Калиостро появился в городе незаметно, даже инкогнито, и снял комнату в скромной гостинице. Утверждают, что это была та самая комната, где покончил с собой кузен Элизы фон дер Рекке, по которому она так скорбела.

Но большинство писавших о Калиостро приводили красочные рассказы о его торжественном въезде в Страсбург. Якобы на Кельском мосту через Рейн, по которому карета графа должна была въехать в город, собралась огромная толпа ожидающих его зевак. Описания противоречивы, и детали прибытия графа расходятся. То ли он прибыл в лаковой черной с золотом карете, запряженной шестеркой черных коней, то ли это была карета *"красная, с пестро намалеванным гербом, изображавшим в одном углу лазурного поля золотую куропатку*", в сопровождении не менее двух десятков лакеев в ярких ливреях с золотыми позументами, за которыми конюхи вели под уздцы лошадей, с трудом тянувших тяжело нагруженные повозки с имуществом, то ли за открытой коляской графа следовал кортеж из других экипажей и всадников. Графа и графиню засыпали цветами, и на протяжении всего пути следования толпа махала платками и шляпами и восторженно кричала: "Да здравствует благодетель человечества! Да здравствует божественный Калиостро!"

Торжественный въезд Калиостро в город чуть не испортило одно досадное происшествие. Вдруг какой-то человек бросился к карете с криками: "Где мои шестьдесят унций золота! Верни их мне!" В крикливом старике Калиостро с испугом узнал… бывшего ростовщика Марано из Неаполя, которого он так ловко одурачил в молодые годы, обещав клад. Но маг не выдал своего замешательства, а его негодующие поклонники поспешили оттащить дерзкого беднягу, посмевшего оскорбить их кумира. Марано отвели в участок, а карета с графом и графиней Калиостро в сопровождении свиты продолжила свое триумфальное движение по Страсбургу Пока процессия медленно следовала по городским улицам, из окон высовывались любопытствующие и присоединяли свои приветствия к хору встречавших. А у лечебницы уже ждала толпа страждущих, числом не менее двухсот. Граф вышел из кареты, взял под руку Серафину и в сопровождении свиты вошел в лечебницу. Больные потянулись следом. Там в огромном помещении он якобы провел сеанс исцеления и, подойдя к каждому, вылечил всех больных до единого — добрым словом, заклинаниями, чарами и наложением рук. Назавтра весть о чудесном исцелении облетела всю округу, и больные рекой хлынули к новому врачу.

Главная цель, которую ставил себе Калиостро, — это занятие врачеванием. Первые успехи на поприще целительства пришли к нему в Петербурге и Варшаве, здесь, в Страсбурге, граф намеревался расширить эту деятельность, используя методы египетской медицины и свои секретные бальзамы на ароматических травах — знаменитые "капли Калиостро".

Методы и лекарства графа не походили на обычные, бывшие в ходу у тогдашних врачей традиционные методы лечения, сегодня его лечение мы отнесли бы скорее к альтернативной медицине.

Калиостро загодя поручил наемным агентам подобрать помещение для лечебницы, где он мог бы вести прием больных. Слухи о скором прибытии заграничного светила распространились по городу, его приезда ждали с нетерпением, количество желающих получить врачебную помощь графа было так велико, что первоначальное помещение на Оружейной площади оказалось мало, и графу пришлось снять дом попросторнее и побогаче. Графская чета поселилась в доме с 60 окнами, по прозвищу "дом-фонарь", со статуей Мадонны на углу и совсем рядом с дворцом кардинала Рогана, князя-епископа Страсбурга. Как пишет Юрий Каграманов, "*паломники тысячами стекаются к тому месту, где нашел себе временное пристанище "кудесник": жаждущие испросить житейского совета или узнать*

секрет "философского камня", больные и увечные, просто любопытные, люди разных национальностей, всех сословий, "всяких рангов, всяких лет". Калиостро принимает всех, таинственно-значительный, картинно-импозантный, зачастую облаченный в фиолетовую шелковую мантию на манер индийских магов, в какой-то диковинный восточный головной убор. За свои "номера" он никогда ни у кого не берет платы (но снисходительно принимает подношения, иногда по-королевски щедрые)".

Калиостро держит открытый дом и салон, хозяйкой которого выступает очаровательная Серафина. На обеды и ужины собирается избранное общество из самых именитых горожан. Для них маг проводит свои удивительные сеансы, которые устраиваются в поражающей воображение гостиной. Убранство ее, как утверждали позже злые языки, с точностью скопировано с одной из гостиных петербургского дворца светлейшего князя Потемкина-Таврического. Но простодушные жители Страсбурга этого не подозревают и очарованы таинственным египетским антуражем зала.

Калиостро проводит магические сеансы в соответствующем облачении Великого Кофты, с успехом надевавшемся им в Санкт-Петербурге: "в *черной хламиде, расшитой алыми иероглифами, со множеством косичек на голове, обвязанной золотой жреческой повязкой, украшенной крупными драгоценными камнями, в ожерелье из золотых скарабеев, с висящим на поясе красным мечом с крестообразной рукояткой*", а чтобы казаться выше, невысокий полноватый граф надевает под длинное, достающее до пола одеяние котурны. Одетые как египетские рабы прислужники выводят "голубков" — одетых в длинные белые туники с золотыми поясами детей от 7 до 10 лет, и начинается магическое действо, во время которого граф поражает воображение собравшихся своими сверхъестественными способностями — ясновидением, умением общаться с духами и миром ангелов. В Митаве, Санкт-Петербурге, Варшаве и немецких городах Калиостро отработал сценарий магических сеансов до совершенства, поэтому в Страсбурге они удавались на славу. Под воздействием специального эликсира и паров камфары введенные в медиумическое состояние "голубки", точнее духи, вещавшие их устами, читали сквозь хрустальный шар с водой ответы на устные вопросы и записки публики и делали предсказания о будущем. Так, одна присутствующая дама задала вопрос, сколько лет ее мужу. Дети-"голубки" смущенно молчали, а публика разразилась овациями: всем было известно, что дама была незамужней, и духи не могли через "голубков" дать ответа на заведомо бессмысленный вопрос. Другая дама спросила, что делает ее

мать, находящаяся сейчас в Париже. "Голубок" ответил, что она сидит в ложе театра между двумя пожилыми мужчинами. Проверить этот ответ было невозможно, и один из гостей решил устроить собственную проверку: потихоньку отправил сына домой узнать, чем занята его жена, и стал дожидаться его возвращения и возможности задать вопрос. А пока "голубки", глядя в сосуд с водой, давали ответы на письменные вопросы, переданные гостями графу Калиостро в запечатанном виде. Одной даме "голубок" ответил: "Вы его не получите!" Ее записку извлекли из заклеенного конверта и прочли вслух: "Получу ли я согласие короля на мою просьбу о том, чтобы моему сыну был дан полк?" Все восторженно захлопали, а безоговорочно поверившая предсказанию дама очень огорчилась.

Тем временем вернулся запыхавшийся сын недоверчивого господина, который поспешил тут же задать заготовленный вопрос. Вместо "голубков" ему звучным голосом провещал неведомый дух: "Ваша жена в настоящее время играет в карты с двумя соседками!" Все взоры обратились к молодому человеку, которого нетерпеливый отец спросил: "Говори же, что делает твоя мать?" "Я застал ее играющей в карты в нашими соседками, госпожой Дюперу и госпожой де ла Маделонет", — ответил сын.

Эти магические сеансы посещают знатные горожане в салоне Калиостро вечерами с пяти до восьми, во всякое другое время дня Калиостро лечит больных. Причем любого сословия, и платы за лечение не берет, принимает только добровольные пожертвования от состоятельных пациентов. Особенно у всех на слуху было несколько случаев. Калиостро за три месяца исцелил от черной меланхолии и мигреней восемь лет страдавшего ими драгунского капитана шевалье де Ланглуа, который потом написал в парижский журнал восторженный отзыв о лечении своего избавителя; поставил на ноги 29-летнюю дочь казначея Базельской республики, которая на протяжении десяти лет страдала гастритом и язвой и медленно угасала, ибо питалась только молоком; вылечил от гангрены (точнее, рожистого воспаления ноги) секретаря коменданта — маркиза де Ла Саля — господина Лемонье, которому страсбургские врачи отводили не более двух суток жизни, призванный же Калиостро дал больному несколько капель своего бальзама, от которого язвы вскоре затянулись, и Лемонье лишился только большого пальца на ноге, а нога осталась цела. На жителей произвело впечатление и спасение роженицы Катерины Гребель. Страсбургский доктор Остертаг отказался от безнадежного случая и попросил прислать к ней священника для последней исповеди. Священник отец Загелиус, явившийся к несчастной женщине, которая никак не

могла разрешиться от бремени, решил прибегнуть к последнему средству спасения и отправился к Калиостро. Прибывший магистр дал ей своего эликсира, подбодрил и обнадежил, и женщина вскорости родила здорового мальчика.

Наслышавшись о чудесных результатах Калиострова лечения, его услугами пожелал воспользоваться сам кардинал Луи Рене Эдуард Роган, князь-епископ Страсбургский. Прелат страдал жестокой астмой, а заезжий целитель избавил его от мучительных приступов удушья. Благодарный вельможа, человек доверчивый и увлекающийся, преисполнился уважения к Калиостро и приблизил его к себе, сделал своим другом и всегда оказывал ему почет и покровительство. Именно он настоял, чтобы Калиостро переехал в "дом-фонарь" со статуей Мадонны на одном из углов, находившийся подле его собственного дворца, и часто принимал Калиостро в своей епископской загородной резиденции в Саверне, где выделил магу целый флигель.

Роган настоял на том, чтобы Калиостро отправился с ним в Париж и провел там почти две недели, пока не вылечил страдавшего от сильнейшей простуды (или антонова огня) родственника кардинала — принца Субиза. Впрочем, тут мнения современников расходятся: некоторые утверждают, что принц не допустил мага до своей особы и излечился сам — с помощью красоток-актрис из Оперы, другие же пишут, что исцелили его именно "капли Калиостро".

О тесной близости кардинала и Калиостро оставила свидетельство в своих воспоминаниях баронесса Оберкирх, которая встретилась с магом в доме Рогана в Саверне: "… *мне довелось пробыть некоторое время в Страсбурге, куда мы прибыли в конце ноября и где в то время все были заняты знаменитым шарлатаном, который с невероятной ловкостью производил свои фокусы, по причине коих он и стал играть выдающуюся роль.…*

Кардинал де Роган. Гравюра XVIII в.

Тотчас после прибытия мы отправились засвидетельствовать свое почтение кардиналу Рогану, князю-епископу Страсбурга. В Саверне он обустроил одну из наиболее очаровательных резиденций мира… У него было 14 дворецких и 25 лакеев.

И вот, когда течет приятная беседа, дворецкий объявляет: "Его превосходительство граф Калиостро! "

Я уже слышала разговоры об этом авантюристе и теперь с удивлением обнаружила, сколь торжественно о нем докладывают. Но еще более я была удивлена, видя, какого почтительного приема он был удостоен. Он пребывал в Эльзасе с сентября, но о нем уже говорили, что он исцеляет все болезни. Так как денег за лечение он не брал, а, напротив, раздавал милостыню, он привлекал к себе толпы, хотя и не всех вылечивал. Полиция следила за ним весьма плотно, и оттого он вел себя начато вызывающе.

Кардинал вышел ему навстречу и повел его к нам… Вскоре с помощью кардинала завязалась общая беседа. Калиостро постоянно смотрел на меня, и муж сделал знак, что пора уходить. Я знака не видела, но видела, как Калиостро буравит меня взглядом. Неожиданно Калиостро прервал Рогана и, уставившись на меня, произнес: "Сударыня, у вас нет матери, вы почти не знали ее и у вас есть дочь Она ваша единственная дочь, ибо у вас больше не будет детей".

Я озиралась по сторонам, желая понять, как может Калиостро с такой бесцеремонностью вести себя в присутствии кардинала. "Отвечайте, сударыня", — произнес кардинал. "Сударь, мадам говорит только с теми, кто ей ровня", — ответил за меня

муж.

Повернувшись к мужу, Роган произнес: "К господину Калиостро нельзя относиться как к обычному человеку, ибо он ученый. Так что позвольте мадам ответить. — И, переведя взгляд на меня, попросил: — Умоляю, ответьте ему. Ведь он прав? " "Во всем, что касается прошлого", — отвечала я. "И во всем, что касается будущего, я тоже никогда не ошибаюсь", — зычным голосом сообщил Калиостро".

Баронесса оставила потомкам словесный портрет графа, заметив мимоходом о его чудачествах и их причине: "*Говорили, что он араб, однако акцент его был скорее итальянский или пьемонтский. Потом я узнала, что он из Неаполя. В то время, чтобы произвести впечатление на публику, надо было совершать чудачества. Он спал только в кресле и ел только сыр. Он не был красив, однако я никогда не видела столь примечательной физиономии. У него был глубокий, почти сверхъестественной глубины взгляд; я бы не смогла описать выражение его глаз: это были пламя и лед одновременно, он притягивал и отталкивал, внушал страх и непреодолимое любопытство. Были написаны два его портрета, разных, но весьма схожих с оригиналом… а вместе с тем оба похожи и одновременно ужасно не похожи. Он носил на рубашке и на пальцах огромные бриллианты восхитительной воды; если это не стразы, то это поистине королевские камни. Он уверял, что сам их создал. От таких заявлений издалека несло шарлатаном*".

С описанием баронессы перекликается еще одно свидетельство современника, лично знакомого с Калиостро, где его чудачества выглядят несколько иначе: *"Это доктор, глубоко изучивший каббалистику, особенно ту часть этой науки, которая руководит в сношениях с элементарными силами, душами мертвецов и с отсутствующими. Калиостро посвящен во все тайны розенкрейцеров и знает все доступные человеческому уму науки; он умеет превращать металлы из одного в другой и особенно в золото; это благодетельный сильф, излечивающий бедняка задаром и продающий долголетие богатым. Расстояние для него не существует, потому что он легко может переноситься в отдаленнейшие страны, употребляя на путешествие лишь несколько часов. Говорят, граф Калиостро обладает всеми чудесными тайнами великого адепта и открыл секрет приготовления жизненного эликсира. Вся его фигура носит не только отпечаток ума, но даже гения, а глаза проникают внутрь души. Он говорит почти на всех европейских и азиатских языках с удивительным всеувлекающим красноречием. Носит он почти постоянно восточное платье, спит не в постели, а в креслах два*

или три часа в сутки и ест весьма мало и почти только одни макароны. Любимый и уважаемый всеми, он посвящает большую часть своего времени на посещение и безвозмездное исцеление больных и на вспомоществование бедным. Он принес к нам истинную химию и медицину египтян и, не входя в сношения сученьими и врачами, с успехом лечит даром всякого, кто прибегает к нему… Тратит он весьма много денег и за все платит наличными".

В этих описаниях заметно, что их авторы отдали дань расхожим штампам и обывательским представлениям о типичных итальянцах. Раз сицилиец — значит, питается исключительно макаронами, ну, на худой конец, только сыром. Раз маг — значит, имеет демонический магнетический взгляд, проникающий в самую душу, завладевающий сердцем и порабощающий ум собеседника. Раз оккультист — значит, владеет восточными (а заодно и всеми европейскими) языками, одевается по-восточному и в обиходе ведет себя не как все обычные люди. Раз мудрец — значит, обладает философским камнем, ему известен секрет изготовления золота и бриллиантов, он баснословно богат. А отсюда уже недалеко до утверждений о возрасте в несколько сот или тысяч лет и умении переноситься на далекие расстояния силой мысли… Недаром о графе ходил такой анекдот: *"Однажды в Страсбурге знаменитый граф, прогуливаясь в роскошном костюме, украшенном огромными бриллиантами, остановился с возгласом изумления перед скульптурой, которая изображала сцену распятия Христа. На вопрос окружающих, что его так удивило, Калиостро небрежно заметил, что не может понять, как художник, который наверняка не видел Христа, достиг такого полнейшего сходства.*

— А вы сами были знакомы с Христом? — последовал вопрос.

— Я был с ним в самых дружеских отношениях, — ответил Калиостро. — Сколько раз мы бродили с ним по берегу Тивериадского озера! У него был бесконечно нежный голос.

И повернувшись к своему слуге, граф спросил:

— Ты помнишь вечер в Иерусалиме, когда распяли Иисуса?

— Нет, сударь, — ответил с глубоким поклоном слуга. — Вам ведь известно, что я нахожусь у вас на службе всего полторы тысячи лет…"

Впрочем, не только такие рассказы о баснословном возрасте чародея, но и познания Калиостро в восточных языках некоторые подвергали сомнениям. Однажды утверждения Калиостро о том, что он владеет арабским языком, были неожиданно опровергнуты профессором из Швеции, прибывшим в Страсбург. В. Зотов пишет: "8 *этом же городе встретился с ним профессор Норберг из Упсаля*

и заговорил с ним по-арабски, так как Калиостро уверял, что, прожив 20 лет в Египте и Аравии, знает отлично этот язык. Оказалось, однако, что знаменитый чародей не понял даже, на каком языке говорят с ним".

Зато у Калиостро-масона и мистика появился поклонник, а впоследствии верный друг и сподвижник в лице французского мецената и музыканта Жана Бенжамена Лаборда, а у Калиостро-врачевателя нашелся могущественный и богатый покровитель — швейцарский банкир из Базеля Якоб Саразен. Дело было так.

В 1770 году Саразен женился на дочери богатого базельского торговца Гертруде Батье, и та за девять лет брака родила ему пятерых детей. Но в 1779 году Гертруда почувствовала себя плохо: у нее пропали сон и аппетит, ее мучили приступы лихорадки и неукротимая жажда, а во время припадков ее с трудом удерживали четверо слуг. Ей становилось все хуже, и когда через два года врачи практически отказались ее лечить, Саразен решил обратиться к Калиостро. Путь в Страсбург был неблизкий, и прежде чем везти туда больную жену, банкир отправил на разведку своего друга Лафатера, богослова и автора "Физиогномики", давно интересовавшегося загадочной знаменитостью. Лафатер приехал в Страсбург в конце января 1781 года и на аудиенции услышал от мага: "Если из нас двоих больше знаете вы, то вам не нужен я, если больше знаю я, то мне не нужны вы". Лафатер не смутился и задал три вопроса, ставшие впоследствии знаменитыми: "Откуда проистекают ваши знания? Где вы их получили? В чем они заключаются?" Калиостро ответил кратким латинским изречением: "In verbis, in herbis, in lapidibus" (в словах, в травах, в камнях). Лафатер сразу угадал определяющие черты харак-тера магистра — заносчивость и вспыльчивость: *"О, если б он был прост сердцем и смиренен, как дитя, если б он понимал простоту Евангелия и высоту Господа! Кто сравнялся бы тогда с его величием! Калиостро часто говорит неправду и обещает то, чего не исполняет. И, однако, я не считаю его операции обманом, хотя он не представляет из себя того, что утверждает* — писал он позже. По просьбе Лафатера Калиостро согласился принять Гертруду Саразен на лечение, и в апреле 1781 года чета Саразен прибыла в Страсбург, где Якоб оставил супругу лечиться, а сам вернулся по неотложным делам в Базель. Когда же в мае Саразен снова отправился в Страсбург, супруга была практически здорова. По мнению современной медицины, Калиостро излечил мадам Саразен от хронической желтухи (болезни Боткина). Здоровье бывшей больной настолько окрепло, что в 1782 году она родила сына, названного Александром в честь Калиостро, а спустя немногим более года — дочь, названную

Серафиной. Саразен стал верным поклонником магистра и его безотказным банкиром, открыв ему кредит во всех крупных городах Европы. И эта связь между Саразеном и Калиостро не прерывалась до самого ареста мага.

Калиостро ревниво оберегал свои врачебные секреты, которые очень хотелось узнать конкурентам. Страсбургский доктор Остертаг возненавидел Калиостро после того, как тому удалось спасти роженицу. В тот раз эскулап написал в городской совет донос, в котором обвинил соперника в колдовстве и шарлатанстве. Но тогда священник отец Загелиус тоже написал совету письмо и подтвердил, что женщина родила без вмешательства потусторонних сил, а лишь благодаря врачебной помощи целителя Калиостро. Благодаря его заступничеству совет счел жалобу Остертага выпадом на почве личной вражды и оставил без рассмотрения. Тогда Остертаг подослал к целителю лазутчика, некоего Карло Сакки (некоторые пишут его фамилию иначе: Саки, Сака или Сакка), то ли больничного санитара, то ли зубодера в прошлом. Приехавший из Испании Сакки воспользовался тем, что несколько лет назад он якобы встречался с Калиостро в Валенсии и был им облагодетельствован, и попросился на службу к знаменитому магу в качестве помощника-аптекаря. Калиостро принял соискателя и поручил раздавать больным лекарства. Но мошенник эти бесплатные лекарства продавал и выручку забирал себе, при этом всячески понося работодателя как не знающего медицины шарлатана и человека порочного, посещавшего в бытность в Испании злачные места и лечившегося от дурной болезни. Когда же кто-то из вылеченных Калиостро открыл ему глаза на проделки аптекаря, разгневанный целитель выгнал его. В отместку разоблаченный мошенник, подсмотрев за время службы состав кое-каких Калиостровых снадобий, взялся втридорога продавать поддельный чудодейственный бальзам, называемый "Желтые капли графа Калиостро". Граф был вынужден напечатать в газетах предупреждение: "*Прослышав, что публике по дорогой цене предлагают капли, именуемые "Каплями графа Калиостро", господин Калиостро долгом своим почитает заявить, что лица, сии капли распространяющие, истинного их состава не познали, отчего господин Калиостро не полагает возможным нести ответственность за вредное их воздействие, кое вышеуказанные поддельные капли произвести могут. Создатели же таковых капель являются мошенниками, а "капли Калиостро" прописывает господин Калиостро лично, и никому иному сие право не дано*".

Но, тем не менее, некоторые настоящие рецепты Калиостро сохранились, и произошло это благодаря Якобу Саразену,

которому целитель сообщил их, а банкир записал в особую "Книжечку рецептов". Оттуда мы знаем, что чудодейственные бальзамы и эликсиры Калиостро представляли собой вытяжки растительных компонентов, в основном пряностей, и насчитывали в своем составе несколько десятков ингредиентов, настоянных на спирте или белом вине, смешанных с сахарным сиропом или карамельным сахаром и затем подвергнутых перегонке, фильтрации и пр. Так что можно припомнить хорошо известные сейчас "Бальзам Биттнера", немецкий "Ягермейстер", венгерский "Уникум", "Рижский бальзам" или бальзам "Вана Таллин" и другие горькие настойки на травах, целебная сила которых несомненна и вовсю используется современной медициной. Жаль только, что "работают" Калиостровы лекарства только будучи созданы своим автором, поскольку помимо физических компонентов он, безусловно, вкладывал в них частичку своей психической энергии и масонских оккультных знаний…

Неудача с Сакки еще больше озлобила Остертага, а вскоре число недоброжелателей Калиостро увеличилось за счет шевалье де Нарбонна. Этот молодой офицер подпал под чары прекрасной Серафины, но его ухаживания не увенчались успехом, а на одном из обедов, где он встретился с четой Калиостро, вышел скандал. По одним сведениям, де Нарбонн опрокинул соус на платье Серафины, по другим — бросил тарелку в голову ее мужа… М. Кузмин живо описал этот случай в своей повести:

"В Страсбурге Калиостро почти исключительно занимался медициной, возбуждая, конечно, зависть врачей, которая, однако, до середины 1780 года не смела высказываться. Особенно не любил Калиостро доктор Остертаг. Скоро ему нашлись союзники по ненависти к графу. Одним из них был виконт де Нарбонн, молодой человек, почти мальчик, очень красивый, служивший в местном полку, хвастливый, влюбчивый и упрямый. Он долго ухаживал за Лоренцой, она, по-видимому, оказывала ему внимание, но не в такой мере и не так очевидно, как ему хотелось бы. Однажды в августе на обеде у кардинала виконт сидел рядом с Лоренцой. Передавая ей соусник, он смотрел на ее лицо своими светлыми, как светлые фиалки, глазами, не замечая, что коричневый соус течет струей на розовое платье графини. Лоренца тоже этого не замечала, сама смотря с удовольствием и удивлением на розовое лицо, печальное и страстное, де Нарбонна. Г-жа Сарразен через стол закричала:

— Но послушайте, господа, вы думаете, что платье графини — роза, которую нужно поливать удобрением?

Оба вздрогнули, покраснели, и соусник окончательно упал на колени Лоренцы. Все вскочили, дамы бросились вытирать

пострадавшую, мужчины смеялись, граф нахмурился, а виконт проворчал, от смущения не вставая с места:

— Сколько шума и разговора из-за какого-то соусника!

Г-жа Сарразен воскликнула, поворачивая Лоренцу как куклу:

— Но ведь платье все испорчено, какая жалость!

— Можно купить новое! — не совсем соображая, что говорит, отвечал де Нарбонн.

— Я вам говорил, графиня, чтобы вы не садились рядом с этим господином! — заметил громко Калиостро.

Виконт вскочил, с треском отодвинув стул и гремя амуницией, шпорами, саблей, цепочками, будто встряхнули мешок с металлическим ломом.

— Вы нахал, сударь, я вас вызываю на дуэль! — закричал мальчик сорвавшимся голосом и покраснел как свекла.

— Я не фехтовальщик. Это ваше дело, — ответил граф спокойно, но побледнел и сжал кулаки.

— Тогда стреляйтесь на пистолетах!

— И этого не буду. Мое дело возвращать людям жизнь, а не отнимать ее.

— Трус.

Лоренца бросилась к графу, крича "Александр", но вдруг тарелка, брошенная виконтом, как диск, мягко поднялась и со звоном разбилась о голову Калиостро. Общий крик, летит стул, по углам чуть не дерутся, споря, кто прав, графа оттаскивают, он растрепан, лицо красно, костюм растерзан, де Нарбонн, громыхая, уходит, хлопает дверью, кардинал для чего-то снял парик, и на его лысину желтым кружком капнул воск с люстровых свечей Лоренца давно без чувств, испуганные кареты быстро разъезжаются в разные стороны. Мнение многих: вот что значит водиться с неизвестными графами и графинями, которые вам сваливаются "как снег на голову". Кардинал считается колпаком; Сарразены что же? — разбогатевшие еврейские выскочки, а виконт де Нарбонн — мальчик из хорошей семьи с манерами и традициями.

На следующее утро по городу были расклеены памфлеты на графа, графиню и кардинала. Было смешно, смеялись даже те, кто дружил с Калиостро, доктор Остертаг потирал руки. Выкопали какие-то слухи, сплетни, неудавшиеся леченья. Родильница и бабка предъявляли претензии к графу, его собственный слуга и помощник, Карл Сакка, рассказывал по кофейням о хозяине вещи, каких не выдумать бы фельетонистам. Калиостро сократил приемы, хотел уехать, но остался по просьбе друзей, думая этим подтвердить свою невинность. Более скромная жизнь только в кругу философических друзей не была особенно по душе Лоренце, и она была почти рада, когда граф покинул Страсбург. Популярность его

не уменьшалась, но шум и блеск его существования убавились; иностранцы не приезжали, некоторых он сам не допускал, жену держал взаперти, молодых людей не зазывал и вообще вел себя очень сдержанно. Виконт де Нарбонн, встречая на улицах Лоренцу, кланялся ей издали, краснел и потуплялся, а граф грозил ему палкой".

Круг философических друзей, упомянутый Кузминым, — это члены египетской масонской ложи, которую основал Калиостро в Страсбурге и которая быстро прирастала новыми членами. Кроме мужчин в масонскую ложу Изиды пожелали вступить и дамы, и Серафина с удовольствием взяла на себя уже знакомую роль магистрессы. Первое заседание ложи сплошь состояло из "посвящений" и "испытаний", на которых дамы особенно настаивали. Вступительный взнос в ложу был немалый, так что вступали в нее только состоятельные и благородные люди.

Происки доктора Остертага, скандал с де Нарбонием и памфлет, а затем несколько неудачных случаев в лечении, например смерть генерал-лейтенанта де Камбиса, снова заставили общество говорить о том, что Калиостро тарлатан. Чтобы заткнуть рот завистникам и недругам, магистр устроил публичный сеанс ясновидения, во время которого, но словам Жозефа Диса, егеря кардинала Рогана, предсказал революцию 1789 года — поведал о грядущих ужасах, о казни королевской семьи, об установлении республики и о грядущем Цезаре, который раздавит Республику. Но на публику это впечатления не произвело, пророчество вспомнили много позднее, когда наступили все эти события. Не помогли и рекомендательные письма в защиту Калиостро, написанные в марте 1783 года страсбургскому градоначальнику Жерару и коменданту маркизу де ля Салю такими уважаемыми людьми, как министр иностранных дел граф де Вержен, хранитель печатей маркиз Миромениль и маркиз де Сегюр. Профессор Мейнерс из Геттингенского университета начал собирать "компромат" на Калиостро и пришел к неутешительным выводам: *"Так как Калиостро одинаково плохо изъясняется на всех языках, он, видимо, провел много лет в путешествиях, и, видимо, невозможно установить его национальность, ибо он и сам ее забыл. […] Он побывал в России и других северных странах, где выдавал себя за чародея, но, когда мода на него прошла, вынужден был бежать. В Страсбурге втерся в доверие к кардиналу; может симулировать припадок. Очевидцы говорят о его неукротимости, а также, что смысла в нем немного. Когда его стали обвинять, что он задорого продает лекарства, а потом обнаружилось, что цену устанавливал не он, а аптекарь, он снизил цену и сменил аптекаря.*

Сам он денег за труды не берет, играет в основном с дамами и крупно проигрывает. Можно без преувеличения сказать, что тратит он не менее 20 000 ливров в год. Но откуда он их берет? Свидетели утверждают, что у него всегда полно и денег, и драгоценностей. Видимо, делает золото. Старается окутать себя тайной. Мне кажется, он связан с обществом, которое через него проводит свои цели, ибо обществу легко содержать своего эмиссара и давать значительные суммы незаметно. Иначе придется поверить, что он делает золото. С горечью и сожалением пишу я эти строки, ибо этот человек обманул не только знатных людей, всегда готовых пойти на удочку шарлатану, но даже ученых и медиков, кои его принимали".

В довершение всего главный друг и покровитель Калиостро, кардинал де Роган, переехал в Париж, и он тоже решил распрощаться с поначалу так хорошо его принявшим Страсбургом. Повод вскоре представился. *"Из Неаполя пришло известие, что кавалер Аквино умирает и хотел бы видеть старинного своего спутника. Все-таки в Страсбурге Калиостро пробыл около трех лет и был знаменит не меньше собора. "Наше солнышко уезжает!" — говорили горожане и поднимали детей, чтобы те видели, как быстро катилась размалеванная с гербами карета, с одной стороны которой кланялся красный граф, а с другой — кивала нарумяненная Лоренца*", — так, по мнению Михаила Кузмина, закончилось пребывание Калиостро и его супруги в Страсбурге, которое последующие биографы назовут самым спокойным и счастливым периодом в его бурной жизни.

Глава десятая
ИЗ НЕАПОЛЯ ВО ФРАНЦИЮ: МАСОНСКИЙ ТРИУМФ

Масонские труды отличаются исключительной духовностью, ибо цель их — заслужить честь быть принятым в храме Бога. Человек, созданный по образу и подобию Божьему, является самым совершенным Его творением. Пока человек сохранял невинность, он повелевал всеми живыми существами и даже ангелами, выступающими посредниками между Творцом и творениями. Однако, обуреваемый любопытством, человек согрешил и был исторгнут из духовного мира. Дабы вновь вернуться к чистой, невинной жизни, требуется славить Бога, исповедовать милосердие и отбросить предрассудки. Тому, кто воистину пожелает возродиться нравственно и физически, Бог пошлет помощника, который выведет его к свету…

Речь Калиостро на заседании масонской ложи в Бордо

От верных людей из Неаполя графу пришло известие, что его старинный друг, кавалер д'Аквино, тяжело болен и призывает его к себе. Торопясь застать покровителя в живых. Калиостро немедленно отправился в путь и пробыл в Неаполе три месяца, с июля по конец сентября 1783 года. Он поселился в палаццо д'Аквино и безотлучно находился у постели больного, пытаясь исцелить его своими снадобьями и методами египетской медицины. Но напрасно — 22 сентября кавалер д'Аквино скончался.

С самого приезда Калиостро старался как можно меньше появляться на людях, и не только чтобы избежать нежелательных

встреч с полицией Неаполитанского королевства, для которой он по-прежнему оставался преступником, сумевшим избежать наказания по делу Марано. Уход за тяжелобольным отнимал много сил и времени, поэтому Калиостро почти не выходил из дому Исключение он делал только для французского посольства, да и то начал бывать там только тогда, когда понял, что дни покровителя сочтены. В отсутствие посланника обязанности секретаря посольства исполнял масон Доминик Виван Денон, в будущем первый директор музея Лувр. Вероятно, Калиостро хотел заручиться поддержкой дипломатического представительства, потому что в глазах властей он был человеком неблагонадежным. Во-первых, против него свидетельствовало его прошлое и висящее на нем дело Марано. Во-вторых, в королевстве действовал запрет на деятельность масонских лож. Наконец, еще и супруга короля Неаполитанского Мария-Каролина, дочь Марии-Терезии и сестра Марии-Антуанетты, разделяла семейную неприязнь к принцу Рогану и, как следствие, ко всем его приближенным, а значит, Калиостро тоже попадал в их число.

Брат-масон принимал Калиостро с большим уважением. В благодарность магистр согласился тайно посмотреть нескольких больных, рекомендованных ему любезным секретарем. Свое восхищение "необыкновенным человеком" Виван Денон чистосердечно изложил в депеше министру иностранных дел Вержену, тому самому, который по просьбе кардинала Рогана направил страсбургскому градоначальнику рекомендательное письмо о Калиостро, но неожиданно для себя вместо поощрения получил от него порицание. Вержен написал своему подчиненному: "*Надеюсь, сударь, что так называемый граф Калиостро не сумел втянуть Вас в свои махинации. Полагаю, что в дальнейшем, находясь на службе короля, Вы станете оказывать прием исключительно тем, кто имеет рекомендации двора или посольства*". В приписке автор письма выражался еще прямее: "*Министр выражает свое недовольство господину Денону за прием, оказанный оным так называемому графу Калиостро*". Возмущенный Денон ответил министру, что, во-первых, у графа Калиостро имелись рекомендательные письма, подписанные всеми уважаемыми лицами, а во-вторых, он в любом случае оказал бы ему прием, коего заслуживает "человек необыкновенный"…

Есть, однако, отдельные мнения, что поездки Калиостро в Неаполь не было вовсе, а если таковая и имела место, то она никак не была связана с кавалером д'Аквино. Некоторые современные исследователи высказывают предположение (впрочем, бездоказательное) о связях уроженца Палермо

Джузеппе Бальзамо, он же граф Алессандро Калиостро, с зарождавшейся в то время сицилийской мафией, эмиссаром которой он якобы был и от которой получал за выполнение неких поручений немалые деньги. В самом деле, тогда легко находится объяснение тому, что Калиостро не был стеснен в средствах и мог позволить себе жить в роскоши и при этом безвозмездно лечить больных и заниматься благотворительностью. В одном современном материале о Египетском масонстве как "проекте" Калиостро, где отстаивается эта версия, формированию породившей этот феномен мафии как латентной структуры, то есть тайного общества со строгой иерархией, вождем, ритуалами, легендой, собственным тайным языком и пр., посвящено несколько глав. Приведем несколько отрывков: *"…исторические корпи мафии бесчисленны и невозможно назвать их все. Однако следует упомянуть две особенно сильные и живучие черты: народные герои и братства. История сохранила имя вождя, который положил начало знаменитой "Сицилийской вечерни" в 1282 году и руководил ею: это Жан де Прочида. В длинном списке народных героев Сицилии, который доходит до Сальваторе Джулпано, его без колебаний можно поставить в самом начале.*

Первые несомненные следы братств появились позже. Историки упоминают братство "Беати Паоли", основанное в Палермо, столице Сицилии. Оно объединяло около десяти дворян, называвших себя "просвещенными дворянами"; их задача заключалась в том, чтобы защищать интересы своей касты. Это братство соблюдало ритуалы, свойственные каждой секретной организации, и имело обыкновение собираться в гроте, находившемся поблизости от церкви Сан Рокко… Идеал, вдохновлявший этих народных героев, которых оккупанты называли бандитами, а сицилийский народ — "людьми чести", был очень сходен с идеалом, лежавшим в основе братств. Речь шла, прежде всего, о том, чтобы бороться против закона и власти захватчика, кто бы он ни был. Для этого все методы были хороши. От них требовалась лишь эффективность. Единственным правилом народных героев была знаменитая поговорка "Цель оправдывает средства". Народные герои точно также, как и братства, уже были проникнуты духом мафии.

Как видим, мафия — это, по сути, тоже братство, тоже латентная структура, построенная по тем же принципам и правилам.

Более внимательно посмотрим на "Беати Паоли", ибо место их рождения сердце Сицилии, сердце мафии — Палермо…

В народе существует мнение, что тайное "Общество мстителей" еще не исчезло на Сицилии и в других местах и

известно под названием "Беати Паоли". Некоторые недостойные люди даже хвалят это нечестивое учреждение. Его членов особенно много было в Палермо… Происхождение имени "Беати Паоли" ("Блаженные Павлы") неизвестно, возможно, что оно было принято сектой или потому, что основателя звали Павлом, или потому, что он принял это имя как имя святого, который до своего обращения был воином. Подражая ему, основатель был днем — "Блаженным Павлом", а ночью — во главе шайки убийц, подобно Павлу, преследовавшему христиан".

Автором этих строк является Луиджи Натоли, писавший пол псевдонимом Уильям Гэлт. В материале, откуда почерпнута приведенная длинная цитата, много любопытных соображений об истоках и сведений о дальнейшей истории масонского "проекта Калиостро", но об этом позже. Вернемся к истории жизни графа Калиостро.

Граф Калиостро. Гравюра XVIII в.

Из Неаполя Калиостро с женой едет в Бордо, намереваясь

проследовать дальше в Англию. Но Серафина воспротивилась намерению супруга, и они, прибыв в Бордо 8 ноября 1783 года, прожили все последующие 11 месяцев в этом городе. Сначала Калиостро остановился с супругой в императорской гостинице и хотел сохранить инкогнито. Но стоило им отправиться в театр, как знаменитый чародей был немедленно узнан знакомым из Страсбурга, графом де Бривазаком, а назавтра весть о его прибытии в город разнесли листки с доморощенными стишками:

"В Бордо приехал человек, что чудеса творит,

Спасу я вас от всех болезней, он людям говорит,

Откройте же глаза и уши, чтоб видеть и слышать вам его, Ведь это он, он, любимый граф Калиостро!"

Пришлось графу съезжать из гостиницы и снимать отдельный дом, чтобы принимать многочисленных желающих исцеления больных и неимущих, которым граф оказывал посильную финансовую помощь. Магистр установил приемные дни: понедельники и вторники — для граждан первого и второго классов, сиречь знати светской и духовной, субботы — для бедняков, ремесленников и селян.

В письмах к Якобу Саразену Калиостро расхваливал местный климат и дружелюбие жителей Бордо и сообщал, что у него появились новые знатные друзья, среди которых маршал де Муши, граф де Феме, герцог де Грийон, виконт де Амель и Рей де Моранд (родственник виднейшего лионского масона Виллермоза), ставший его добровольным секретарем. Они стали членами новообразованной ложи Египетского масонства, которую основал граф. Местные врачи, о невежественности которых секретарь магистра писал его базельскому корреспонденту, не потерпели конкуренции "шарлатана" и развернули против него кампанию. Кроме того, в этом городе Калиостро перенес тяжелую болезнь. Злые языки утверждали, что причиной недуга стали амурные похождения графа, который увлекся одной дамой, но был застигнут ее ревнивым мужем, муж в гневе вышвырнул мага в окно, и тот вследствие неудачного падения заболел. В. Зотов описал злоключения Калиостро в Бордо, где он *"прожил одиннадцать месяцев, сойдясь с одним аптекарем, которому поручил продавать свои секретные лекарства. Аптекаря этого собраты его хотели исключить из своего цеха, если он будет торговать подобными снадобьями, и союз поневоле должен был расстроиться. Большая неудача постигла также магика, вздумавшего ухаживать за одной дамой, муж которой так отделал этого любезника, что тот захворал разлитием желчи, и за то, появившись к своим друзьям после продолжительной болезни, уверил их, что провел все время в магическом сне и имел*

таинственные видения. В этой неудаче утешила его другая дама, вручившая ему 5000 франков с тем, чтобы он помог ей открыть клад в ея имении, о существовании которого ему сообщили подвластные духи". Клад вызволить не удалось, и принявший щедрое подношение граф поспешил покинуть Бордо и переехал в Лион.

Если Бордо был крупнейшим, вторым после Парижа центром масонства во Франции, то Лион имел славу столицы европейского эзотеризма. В этом городе количество масонских лож на одного жителя или квадратный километр площади просто зашкаливало.

Первым упоминанием франкмасонства во Франции считается полицейский рапорт от 16 февраля 1737 года, относящийся к "ordre de Frimaçons". Во Францию масонство пришло из Англии, и его появление в Париже связывалось с приездом смещенного с трона короля Англии Якова II. Однако вскоре в Лионе возникло течение противоположного направления. В этом городе парижское масонство, которое, благодаря поддержке католиков, стало деистским, а некоторые его течения и вовсе атеистическими, рассматривалось как поверхностное, многословное и политическое. Лионские франкмасоны занимались духовными материями.

Вдохновителем их был некто Мартинес Паскуалис, считавшийся испанцем или португальцем по происхождению, однако родившийся в Гренобле, вероятно, в 1727 году. Он стал известен в ложах как учитель, провозглашающий водительство "Неведомых Высших" — термин, напоминающий "Невидимую Коллегию", о своей принадлежности к которой веком ранее заявляли розенкрейцеры в своих манифестах. Он привлек к себе Луи-Клода де Сен-Мартена, молодого офицера, и Жана-Батиста Виллермоза, торговца шелком из Лиона, города, в котором эти мистики основали свою ложу — общину "ElusCohens". Не выходя полностью за пределы обычного масонства, они учили, что вначале был только Бог, а от него произошли духи. Некоторые из них вошли в материальные тела, так произошло, в свою очередь, и с человеком; человек должен был с помощью аскетической дисциплины и молитв воссоединиться с духом или Богом. Они считали, что все великие мировые религии содержали некоторые общие элементы божественной истины (тем самым предвосхищая современную теософию и суфизм) и что в официальном догматическом христианстве ключи были утеряны, поэтому для того, чтобы заполнить пробелы и верно интерпретировать христианское Писание, нужно было обращаться к другим традициям. Был разработан и принят некий ритуал, в конце

которого кандидат, очистив свою моральную природу, после медитаций и молитв должен был пройти через Великое Делание.

Жан-Батист Виллермоз родился 10 июля 1730 года в Лионе. Он был старшим из 12 детей, а одним из его младших братьев был Пьер-Жак Виллермоз, физик и химик, который работал над Энциклопедией Дидро и Д'Аламбера.

Жан-Батист Виллермоз был производителем шелка и серебра на рю де Катр-Шапо и как глава благотворительных организаций сыграл важную роль в европейском франкмасонстве своего времени. Он получил посвящение в возрасте 20 лет, а в 1753 году основал ложу "La Parfaite Amitié" ("Совершенная Дружба"), в которой был избран Досточтимым мастером в День Святого Иоанна, 24 июня 1753 года, то есть в 22 года. Будучи мистиком и горячо интересуясь тайной природой инициации, Виллермоз внес вклад в создание Великой ложи Регулярных мастеров в Лионе, которая в то время практиковала 7 высших степеней. Он стал ее Великим магистром в 1762 году, и сразу после этого добавил восьмую степень — "Шотландский Великий мастер, рыцарь Меча и Розы-Креста". В 1763 году Жан-Батист Виллермоз основал вместе со своим братом Пьером-Жаком ложу, названную "Суверенный капитул рыцарей Черного Орла Розы-Креста", предназначенную для алхимических исследований. В 1767 году в Версале Виллермоз был принят в первую степень ордена Избранных Коэнов. Позже, в 1768 году, он был инициирован в высшую степень рыцаря золотого и розового креста (Reaux-Croix) в ордене Мартинеса де Паскуалиса.

Когда в 1770 Виллермоз узнал, что тайное учение рыцарей Храма — тамплиеров, которое всегда считалось утерянным со времени роспуска ордена в 1307 году, в Германии до сих пор еще существовало и возглавлял его барон фон Хунд, он вошел в контакт с бароном фон Хундом и немецким орденом "Строгое (тамплиерское) наблюдение", присоединился к этому ордену с рыцарским именем Eques ab Егето и стал Канцлером Капитула в Лионе.

Скоро система "Строгого наблюдения" стала наиболее влиятельной в Европе. Она объявляла масонов наследниками средневекового рыцарства — ордена тамплиеров. Для нее была характерна многоступенчатость рыцарских степенен. Масоны "Строгого наблюдения" признавали безусловное повиновение "Неведомым Высшим", управляющим орденом (или "Вознесенным мастерам", которые, как позже утверждалось, были духовными направителями храмовников-тамплиеров), обязывались хранить глубочайшую тайну, избегать контактов с ложами, принадлежавшими к другим масонским системам.

После смерти Мартинеса де Паскуалиса в сентябре 1774 года Луи Клод де Сен-Мартен, друг и брат-Коэн Вил-лермоза, по его просьбе некоторое время продолжал жить в доме Виллермоза в Лионе, где он работал с 7 января 1774-го по 23 октября 1776 года над своей книгой "Лекции Лиона", представляющей собой всеобъемлющий обзор учения Избранных Коэнов в форме лекций, которую Сен-Мартен приписал "Неведомому философу".

По предложению графа Сен-Мартена и Виллермоза основанное в Лионе общество изменило свое название на "Благодетельные рыцари Святого Града". Именно под руководством Виллермоза Конвент Галлии, что проходил в Лионе в 1778 году, заявил, что признает степени "Благодетельных рыцарей Святого Града", и после этого Виллермоз стал Великим приором (настоятелем) провинции Овернь (которая в "Строгом наблюдении" простиралась на север до Нормандии и Пикардии, а на юге — в Италию).

Виллермоз стал главным теоретиком и разработчиком "Исправленного шотландского устава". В новом уставе были задействованы элементы Устава рыцарей-масонов Избранных Коэнов Вселенной и были убраны любые упоминания о тамплиерах.

В 1782 году Виллермоз написал, что существуют три типа масонов-алхимиков:

— те, кто считает, что целью масонства является создание философского камня;

— те, кто ищет Панацею;

— те, кто ищет искусства Великого Делания, благодаря которому человек может обрести мудрость и навыки раннего христианства (к которым относил и себя).

Главные надежды по "очищению", то есть исправлению, реформированию и объединению масонства, возлагались на всеобщий масонский конвент, который было решено созвать в Вильгельмсбаде в июле 1782 года.

На великом конвенте в Вильгельмсбаде присутствовали 33 избранных делегата, представлявших наиболее авторитетные масонские ложи Европы. Конвент должен был дать ответы на самые злободневные вопросы масонского движения: что представляет собой масонство как таковое, являются ли масоны непосредственными преемниками ордена тамплиеров, разгромленного еще в XIV веке, должно ли признавать "Неведомых Высших", какова должна быть роль ордена в жизни государства, как должны строиться масонский обряд и масонская иерархия. На все эти вопросы конвент дал ответы, и его решения не потеряли своего значения до сегодняшнего дня. После этого

конвента "Устав строгого наблюдения" прекратил свое существование, а "Исправленный шотландский устав" Виллермоза был утвержден и оформился окончательно.

Вот этого-то именитого масона пригласил к себе Калиостро сразу же по прибытии в Лион в октябре 1784 года, назвавшись графом Фениксом. Об этой встрече пишет в письме к одному из своих корреспондентов-масонов сам Виллермоз:

" *Через день после прибытия графа Феникса мне сообщили, что сей человек ждет меня у себя; и хотя имя это было мне подозрительно, я к нему отправился. По его манере разговаривать и вести себя я тотчас догадался, что передо мной известный граф Калиостро, и тот тотчас подтвердил мою догадку. Он сказал мне, что решил отказаться от занятий медициной, ибо из-за него он повсюду наживает себе врагов. Отныне он будет заниматься исключительно делами масонскими и наставлять масонов, кои пройдут у него отбор, ибо только он обладал знаниями единственно истинного Египетского масонства, кое масонство позволяло трудиться во славу Великого Бога, для собственного счастья и для счастья своего ближнего*".

Честолюбивый Виллермоз не потерпел конкурента в руководстве масонским движением в лице Калиостро, который сам претендовал на то, чтобы встать во главе движения и объединить европейское масонство на основе Египетского ритуала. Неудивительно, что после четырех встреч в течение одной недели и жарких теоретических споров о природе Христа и сути христианства, отношения двух лидеров окончились ссорой. Калиостро был вынужден распрощаться с мечтой о наставлении лично отобранных им лионских масонов и вернуться к излюбленному занятию — целительству. По слухам, именно в это время к нему тайно приезжал на консультацию престарелый герцог Ришелье, которому в то время исполнилось уже 88 лет, и Калиостро с помощью хитроумных механизмов показал старику в магическом зеркале его прошлое и будущее.

Впрочем, не все лионские масоны признавали верховенство Виллермоза. Одна из более чем двух десятков существовавших в этом городе лож, а именно мелкая и находившаяся в упадке ложа Sagesse (ложа Мудрости), пригласила Калиостро занять вакантное место верховного магистра, чем он с удовольствием воспользовался. Ложа была немедленно переименована в Побеждающую Мудрость (Sagesse Triomphante) и стала материнской ложей Египетского ритуала в Лионе. В своем составе новая ложа имела двенадцать членов-учредителей, тринадцатым был магистр. Новый Великий мастер ложи, суливший привести своих адептов к истинному свету, пообещал, что если на то будет

воля Господа, он передаст ученикам свою власть над духами. А еще он обещал им двойное перерождение — физическое и нравственное; физическому обновлению способствовало найденное Великим Кофтой первове-щество и эликсир вечной молодости, а нравственному перерождению — пятиугольник, амулет, возвращающий человека к первоначальной невинности, утраченной по причине грехопадения Адама.

В основу ритуала ложи легла некогда найденная Калиостро в Лондоне рукопись Кофтона, которую магистр основательно переработал. Елена Морозова пишет: *"По словам самою магистра, он удалил из ритуала суеверие и магию, иначе говоря, области нечистого знания. Единственную рукопись "Ритуала…" с собственной печатью зеленого воска граф передал ложе Побеждающей Мудрости. Манускрипт сей не сохранился, однако с него сделали две копии, по мнению Авена, весьма несовершенные, одна из которых утеряна, а другая передавалась из рук в руки и переписывалась, пока не попала к ученому М. Морисону; с его текста в 1845 году масон Гийерме тщательно снял еще одну копию, которая и была опубликована в наше время. Впрочем, пишут, что в Риме при аресте Калиостро "Ритуал…" нашли в его бумагах и "писан он на французском языке и так хорошо, что, верно, не сам Калиостро писал его. Надобно думать, что он изобрел только материю и поручил обработать оную какому-нибудь знающему человеку*"". А еще некоторые исследователи жизни Калиостро полагают, что Кофтона никогда не существовало, как и его рукописи. Исследуя подпись ученика Калиостро из Лиона Сен-Костара, одного из возможных редакторов либо переписчиков "Ритуала…", М. Авен предположил, что небрежный курсив этой подписи (S. Costar) вполне может читаться как G. Coston (Cofton), что стало причиной ошибки: рукопись магистра, переписанную его учеником, приняли за оригинальный труд неведомого Кофтона. Тем более вводит в заблуждение сходство этой фамилии с титулом "Великий Кофта", то есть "Великий Конт", глава египетских масонов. Здесь много неясностей и путаницы, точно только одно: "Ритуал Египетского масонства", кто бы ни был его автором, редактором или переписчиком, дошел до наших дней через длинную череду копий, издан и ныне доступен всем желающим.

На основе устных наставлений мастера его добровольный секретарь Рей де Моранд составил свод правил для отбора кандидатов в египетские масоны, заповеди для трех ступеней чистого масонства: учеников, мастеров и подмастерьев, иерархию и регламент трудов членов ордена, а также разработал и представил братьям устав ложи Побеждающей Мудрости. Был

составлен и патент на звание члена ложи со следующей вступительной формулой:

"*Слава. Мудрость. Вечность. Добродеяние. Благоденствие.*

Мы, Великий Кофта, учредитель и Великий Мастер высокого Египетского масонства во всех восточных и западных странах земли, объявляем всем тем, кто будет читать сие писание, что во время пребывания нашего в Лионе по желанию многих членов обыкновенного масонства, составлявших ложу Мудрости, и по власти, данной нам свыше, учредили мы на востоке сего города Египетскую ложу на вечные времена. Да будет оная главной ложей во всех восточных и западных землях под именем Побеждающей Мудрости; и жалуем Великим Мастером или Высокопочтенным брата NN, ритором NN, хранителем печати NN, главным надзирателем NN, и проч. Сим чиновникам даем мы право держать ложу, принимать учеников, товарищей и мастеров, иметь переписку со всеми масонами Египетского обряда, учреждать ложи и проч. Повелеваем им иметь попечение о строгом исполнении наших законов, нами подписанных и напечатанных; и каждого из братьев просим постоянно шествовать путем добродетели и добрыми поступками своими доказывать, что он знает цели нашего ордена. Сей патент подписали мы собственною рукою и запечатали печатью, данною нами сей матери-ложе, равно как и нашею масонскою светскою печатью. Дано на востоке Лиона". Но описанию В. Зотова, "*на рамке этого патента изображены резанные на меди эмблемы масонства: трехугольники, семиугольники, лопатки. Компасы, ватерпасы, молотки, мертвыя головы, кубы отвесы, наугольники, феникс, глобус, храм и др. предметы и между ними масонския сентенции: Odi profanum vulgus et arceo. Petite et accipietis. Querite et invenietis. Pulsate et aperieturvobis. In constanti lobore opes и проч. Между этими девизами замечательнее всего были крест с буквами L. P. D. вокруг него. Калиостро не хотел сказать на допросе, что означают эти буквы. Теперь известно, что это начальныя слова фразы: "Lilium pedibus destrue" (Попирай лилии ногами)"*.

Тут необходимы некоторые пояснения. Все пять приведенных фраз являются общеизвестными крылатыми выражениями. Три из них: *Petite et accipietis. Querite et invenietis. Pulsate et aperietur vobis* представляют собой цитаты из Священного Писания — гл. 7, ст. 7–8 Евангелия от Матфея: "Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам", или по-церковнославянски: "Просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ". Что касается первой фразы *Odi profanum vulgus et arceo*, то это цитата из "Од" Горация (III, 1,14), в переводе Н.С. Гинзбурга: "Противна чернь мне, чуждая тайн моих, Благоговейте молча…",

или другие варианты дословного перевода: "Презираю и прочь гоню невежественную толпу", или "Я ненавижу непосвященную чернь и держу себя вдали от нее", или "Ненавижу непросвещенную толпу и избегаю ее". Что же касается последней, то в ней в передаче Зотова допущены две ошибки, правильно этот девиз пишется так: *In constanti labore spes* и переводится как "В постоянном труде надежда".

Относительно трех букв вокруг креста, значение которых Калиостро не хотел раскрывать, вместо него это сделал Эли-фас Леви, и его пояснение мы уже однажды цитировали в своем месте, сделаем это еще раз: "*Буквы L.P.D.. сопровождающие эту фигуру, обзначают Свободу, Силу, Долг, а также Свет, Пропорцию, Сплоченность или Закон, Принцип, Право. Масоны изменили порядок букв на L.D.P. (Liberty de Penser) — свободу мысли. Для непосвященных эти буквы толковались как "Свобода Доступа" (Liberte de Passer). В сообщениях о преследовании Калиостро говорится, что его допрос вскрыл другое значение, латинское Lilia destrue pedibus: "Лилии попираются ногами". В поддержку этой версии можно привести масонскую медаль шестнадцатого или семнадцатого века, изображающую куст лилий, сраженных мечом, на котором написано: "Месть даст свой урожай* V Другие авторы жизнеописаний Калиостро, отталкиваясь от версии Леви, дополняют его расшифровки: *"Масоны изменили порядок букв на LDP, что обозначало Liberte de penser — "Свобода мыслить", а для непосвященных: Liberte de passer — "Свобода перейти", ибо, начертанные над изображением моста, они означали добровольный переход от Знания к Просветлению. А еще эти три буквы означали Lumiere, Proportion, Densite — "Свет, Пропорция, Сплоченность"; Loi, Principe et Droit — "Закон, Принцип, Право", а также кредо божественного Парацельса: Libertas, Debitum, Potentia — "Свобода, Обязанность, Сила""*.

Пишут, что этот патент был затем выгравирован в нескольких экземплярах на медных пластинах в обрамлении масонских символов и предназначался, по-видимому, для новых дочерних лож, которые должны были открываться в других городах. Пластины были найдены среди бумаг Калиостро при его аресте и конфискованы.

Негоциант Алкье предоставил помещения для проведения собраний и посвящений, члены ложи провели подписку и собрали средства на строительство храма Мудрости. Так как основатели ложи обладали внушительными состояниями (53 тысячи ливров годовой ренты — это было одно из непременных требований к кандидатам в члены ложи), они внесли по 600 ливров вступительного взноса и приступили к сооружению храма,

постройка коего обошлась в 130 тысяч ливров. Таким образом, было сделано все для существования и функционирования материнской ложи ордена Египетского масонства. Вот только присутствовать лично на торжественном открытии храма, где бюст "божественного Калиостро" работы Гудона был установлен в специальной комнате для мастеров, Великий Кофта не смог: 27 января 1785 года он спешно отбыл из Лиона в Париж, как обычно, заставив всех теряться в догадках о причинах столь внезапного отъезда.

Глава одиннадцатая
ПОКОРЕНИЕ ПАРИЖА

Калиостро говорил на какой-то смеси языков, наполовину французской, наполовину итальянской, перемежая речь цитатами на арабском. Он говорил один и успевал коснуться двух десятков тем, придавая им звучание и подробности, кои устраивали только его. И он постоянно спрашивал, понятно ли всем, и все кивали, дабы убедить его. Говорил он, прибегая к жестам, и повышал голос. Но мог он и прервать речь и начать отпускать комплименты хозяйке дома или начинал любезничать и иронизировать. Так вел он себя и за столом. Говорил же он о созвездиях, о небе, о великом аркане, о Мемфисе, о иерофанте, о трансцендентной химии, о гигантах, об огромных животных, о городе в центре Африки, что в десять раз больше Парижа и где у него свои корреспонденты; о невежестве нашем, ибо мы об этом не знали, он же знал все досконально…

Жак Клод Беньо из Бар-сюр. Об о Калиостро в период его пребывания в Париже в 1785 году

Магистр явился в Париже 30 января 1785 года. В первое время по любезному приглашению кардинала Рогана он остановился в его дворце на улице Вьей-дю-Тампль, где ему уже довелось прожить пару недель в период врачевания принца Субиза. Вскоре граф поселился неподалеку от кардинала на окраине Парижа, на улице Сен-Клод, район Марэ, в особняке (он стоит до сих пор и значится под номером 30), расположенном в

глубине глухого разросшегося сада.

Описание Калиострова дома приводит Юрий Каграманов: *"В верхнем этаже дома была оборудована лаборатория с непременной алхимической печью. Маг обычно работал здесь по ночам, а запоздалый прохожий, оглядываясь на светившие сквозь ветки деревьев окна, суеверно крестился. "Счастливцы", допущенные внутрь лаборатории, попадает в диковинную обстановку времен Парацельса и Фауста: батареи всевозможных эликсиров и бальзамов, пятиугольники и треугольники с мистическими знаками, чучела змей, какие-то вонючие снадобья, тут же буссоль и "дерево Дианы" (амальгама серебра и ртути, которой приписывалось целебное действие), светящиеся камни, о которые будто бы можно зажечь свечи, многочисленные "черные" книги и первая из них — "Изумрудная скрижаль" Гермеса Трисмегиста. Посреди всех этих редкостей высился огромный атанор (алхимическая печь), в жарком пламени которого при наличии воображения можно было увидеть таинственную пляшущую фигурку саламандры — девы-покровительницы алхимиков.*

В нижнем этаже был зал для масонских собраний. Здесь преобладал небесно-астральный декор, развешаны были мечи и шпаги, расставлены молотки, кубы и наугольники, а также статуэтки Изиды и быка Аписа — приметы "египетского ритуала". Сюда стекались "вольные каменщики" — преимущественно в дорогих каретах, украшенных аристократическими гербами. Отсюда разносилось по округе вместе с ароматом за морских благовоний благостное пение, патетические анданте масонских гимнов и славословий.

Самые необычные вещи случались за стенами сей уединенной обители. Газеты сообщили, например, о фантастическом ужине на 13 персон, данном на улице Сен-Клод; сегодня мы назовем это сеансом массового гипноза. Шесть приглашенных гостей, среди которых были кардинал Роган и кто-то из родных братьев короля, то ли граф Прованский, то ли граф д'Артуа, "встретились " за столом с шестью знаменитыми покойниками, в частности Вольтером, Монтескье и Дидро (тринадцатым сотрапезником был Калиостро). Передавались даже подробности словесной пикировки, состоявшейся будто бы между двумя сторонами".

Парижское общество к сеансам массового гипноза и сомнамбулизма было уже подготовлено. Перед самым приездом Калиостро Париж покинул проживавший в этом городе с 1778 года Франц Антон Месмер, врачеватель из Германии, создатель собственной теории "животного магнетизма". Он учил, что в каждом теле присутствует особый элемент, некий универсальный флюид, который отвечает за здоровье организма; будучи

направлен в больной орган, флюид исцеляет болезнь его, распределенный же равномерно, флюид лечит расстроенные нервы. Притянуть флюид в нужное место в организме врач брался с помощью магнита. Неудивительно, что на сеансах месмерова магнетизма, несмотря на высокую цену входного билета, не было недостатка в желающих исцелиться с помощью магнита, главным образом публика состояла из нервических субъектов и преимущественно дам. Полный курс "на дому", то есть на пансионе у целителя, стоил немалую сумму в 10 луидоров.

Современный американский историк Р. Дарнтон, исследовавший на французском материале роль науки в культуре того времени, пишет, что "*читающая публика была тогда опьянена возможностями науки и в то же время сбита с толку. Не будучи в силах отличить реальное от воображаемого, она готова была уверовать в любой невидимый флюид, во всякую наукообразную гипотезу, которая, казалось, давала объяснение удивительным явлениям природы*".

В 1783 году Месмер основал в Париже "Общество Всеобщей Гармонии" для желавших причаститься таинств универсального магнетизма, вступительный взнос в которое составлял уже 100 луидоров. Но богатых искателей чудесного это не оттолкнуло, и вскоре у месмерова "Общества" открылись филиалы в других французских городах — в частности, в тех самых Бордо и Лионе, где подвизался Калиостро, и эти филиалы отобрали у мага потенциальную аудиторию.

Но к моменту прибытия Калиостро в Париж опасный соперник уже удалился оттуда. Авторитетная королевская комиссия, в составе которой были знаменитый физик и посол Соединенных Штатов Америки Бенджамен Франклин, ученый-химик Лавуазье и доктор Гильотен, впоследствии печально известный своим изобретением, признала универсальный флюид химерой, существование которой не поддается чувственному познанию и обнаружению, и изобретателю теории магнетизма ничего не оставалось, как уехать из Парижа.

Еще до его отъезда, в ноябре 1784 года, филалеты (оккультная масонская секта "Друзья истины") намеревались пригласить на свою первую ассамблею Месмера и Калиостро, чтобы в рамках общемасонского конвента объединить французские масонские общества разных обрядов и направлений. Е.П. Блаватская пишет об этом *"новом мистическом, а скорее, разношерстном братстве (ложе) Филалетов"*: *"Данная ложа, как это известно всем масонам, была церемониально установлена в Париже в 1773 году в Loge des Amis Reunis, основанной на принципах мартинизма, члены которой специально изучали оккультные науки.*

Материнская ложа была философской и теософской ложей, и потому Калиостро был прав в своем желании очистить ее потомка, ложу Филалета". Далее она цитирует из "Королевской масонской энциклопедии" сведения об этом конвенте: *"15 февраля 1785 года ложа Филалета на торжественном заседании, в присутствии Савалетта де Ланжа, королевского казначея, банкира Тассина и королевского чиновника Тассиана, открыла братское собрание в Париже… Князья (русские, австрийские, и др.), церковники, советники, рыцари, финансисты, адвокаты, бароны, теософы, каноники, полковники, профессора магии, инженеры, писатели, доктора, купцы, почтмейстеры, герцоги, послы, хирурги, учителя языков, судебные исполнители, и, особенно, две лондонские знаменитости — Босье, купец, и Брукс — участвовали в этом собрании, и к ним можно добавить месье графа де Калиостро и Месмера, "изобретателя", как пишет о нем Тори ("Acta Latomorum" том 2, стр. 95), "учения о магнетизме". Без сомнения, это было собрание столь достойных людей, способных привести мир в порядок, какого никогда не видела Франция ни до, ни после того!"*

Но сотрудничества с филалетами у Калиостро не сложилось, а вышел конфликт. Калиостро согласился участвовать в собраниях филалетов только при условии участия в них нескольких его адептов, в частности Лаборда, но конвент отказался. Отверг конвент и предложение магистра присоединиться к Египетскому ритуалу. И даже не пожелал направить трех своих членов в Лион, чтобы там они могли пройти посвящение в материнской ложе Египетского масонства. 10 марта 1785 года Калиостро направил филалетам письмо: "…*Неведомый Великий магистр истинного масонства бросил свой взор на филалетианцев… Тронутый искренностью открытого признания их желаний, он соизволил простереть свою руку над ними и согласился пролить луч света в темноту их храма. Это есть желание неведомого гроссмейстера показать им существование единственного Бога — основы их веры; первоначальное достоинство человека; его силы и его предназначение… Показать, что они познают благодаря действиям и фактам, благодаря свидетельству органов чувств — БОГА, ЧЕЛОВЕКА и промежуточные духовные существа (принципы), находящиеся между ними; всему этому истинное масонство дает символические значения и указывает истинный путь. Пусть же филалеты примут учения этого истинного масонства, подчинятся правилам его высшего руководителя и примут его постановления. Но прежде всего да будет очищено Святилищ, и пусть филалеты знают, что свет может снизойти лишь на Храм Веры (основанной на знании), а не на Храм Скептицизма. Пусть они предадут огню бесполезные и*

ненужные залежи своих архивов; ибо лишь на руинах Храма Беспорядка может быть воздвигнут этот Храм Истины".

Блаватская, процитировав это письмо, поясняет: "*Недовольство ложи было вызвано тем, что Калиостро, сперва предложивший взять на себя заботу о ней, отказался от своих предложений, так как "собрание" не приняло постановления о египетском ритуале, а также из-за того, что Филалеты не согласились предать огню свои архивы, — что было его sine qua non [необходимым] условием*".

С условиями и требованиями Калиостро перекликается и письмо из основанной им в Лионе материнской ложи Египетского ритуала, направленного филалетам:

"Во славу Господа,

Во имя и волею Великого мастера ордена

Ложа Побеждающей Мудрости, материнская ложа Египетского обряда, местопребывающая в Лионе,

Друзьям своим, собравшимся в Париже.

Привет, Сила и Счастье.

Дражайшие наши братья, есть масоны, коих еще ни один уголок на земле не являл вашим взорам; их братский голос обращается к вам: не ищите более. Мы видели непреложную истину, она восседала среди нас на обломках сомнений и систем. Вы увидите ее, дорогие наши братья, она придет в ваши мастерские, как только вы отбросите все ваши материалы, полезные только тем, что они подтолкнули вас к поиску истины. Лишь безумец строит планы на песке.

Согласитесь принять наш устав, составленный главой истинных масонов; пришлите нам депутатов, облеченных полномочиями, и мы исполним указания нашего Мастера и дадим им необходимые наставления.

Как бы нам хотелось в скором времени заключить вас в паши братские объятия! Если нам удастся разделить с вами ваше счастье, мы станем еще счастливее.

Наши искренние чувства и пожелания, преданные вам братья Сен-Костар и другие".

Когда же конвент не внял и этому, Великий Копт написал филалетам прощальное письмо с горькими упреками: *"Мы предложили вам истину; вы пренебрегли ею. Мы предложили ее ради ее самой, и вы отвергли ее из-за любви к формальностям… Но что значит форма, когда нет сути? Можете ли вы возвыситься до (вашего) Бога и знания себя самих при помощи вашего секретаря и собрания?"*

После создания Египетского ритуала Калиостро заявил, что, поскольку женщин допускали в древние Мистерии, нет никакой

причины, почему бы не допускать их в современные ордена. Княгиня де Ламбаль благодарно приняла звание Хозяйки Чести его секретного общества, и на ее инициации присутствовали многие видные члены французского двора. Блистательность этого события привлекла внимание многих масонских лож в Париже. Их представители в искренней попытке понять масонские Мистерии выбрали ученого востоковеда, судью де Гебелина, в качестве своего представителя и пригласили графа де Калиостро принять участие в собрании, призванном прояснить многие важные вопросы относительно масонской философии. Граф принял предложение.

10 мая 1785 года Калиостро присутствовал на собрании, созванном для этих целей, и его власть и простота принесли ему расположение всех собравшихся. Лишь несколько слов было достаточно судье де Гебелину для того, чтобы понять, что он говорит не только с сотоварищем-исследователем, но и с человеком, неизмеримо его превосходящим. Калиостро выступал с речью, которая была столь неожиданной, столь отличной от того, что когда-либо слышала собравшаяся публика, что в изумлении она безмолствовала. Калиостро заявил, что Роза и Крест были древним и истинным символом Мистерий, и после краткого объяснения происхождения символизма перешел к рассмотрению символического значения букв, предсказывая в графической манере будущее Европы, не оставляя у собравшихся сомнения, что он обладает проницательностью и сверхъестественной силой. Любопытной комбинацией букв алфавита Калиостро предсказал ужасы надвигающейся революции и падения монархии, упоминая при этом судьбу различных членов королевской семьи. Он также предсказал пришествие Наполеона и возникновение Первой империи. Всё это он продемонстрировал для того, чтобы показать, чего можно достичь при помощи высшего знания.

Неудивительно, что все больше и больше знатных и богатых красавиц жаждали приобщиться к Египетскому масонству. При условии, что наберется 36 желающих, Серафина Калиостро была готова стать магистрессой парижской адоптивной ложи. Были объявлены благоговейно и единодушно одобренные условия приема: каждая кандидатка вносит в кассу 100 луидоров; в течение девяти дней воздерживается от общения с мужчинами; обязуется безоговорочно подчиняться приказам магистрессы, даже если покажется, что исполнение приказа причинит кандидатке вред. И наконец 7 августа 1785 года в просторном доме на улице Верт-Сент-Оноре состоялось открытие адоптивной ложи для дам.

Скульптурный портрет графа Калиостро

Популярность Калиостро возросла неслыханно. Его бюст в мраморе изваял сам великий скульптор Гудон. Каграманов пишет: *"В столице Франции, даром что она была столицей Просвещения, мода на Калиостро была в разгаре. В витринах красовались его портреты и изваяния в мраморе и бронзе, на всех углах торговали табакерками, веерами, перстнями и прочей мелочью с его изображениями. Лубочный портрет, где он выряжен не то персом, не то турком, был снабжен такой велеречивой подписью: "Друг Человечества. Каждый его день отмечен новыми благодеяниями. Он продлевает жизнь, он помогает бедным. Его награда — счастье быть полезным". Творимые им "чудеса" стали предметом бесконечных пересудов; о них говорили в салонах и кофейнях, при дворе и в убогих трущобах".*

И вдруг все кончилось самым неожиданным образом. 22 августа 1785 года парижане узнали ошеломляющую весть: граф Калиостро арестован и заточен в Бастилию. *"В 8-м часов утра к нему нагрянула полиция: его ликеры, бальзамы, эликсиры были захвачены, бумаги опечатаны, а самого его повели пешком в тюрьму, только на половине дороги позволив сесть в фиакр. Шесть месяцев просидел взаперти бедный Калиостро, не видя никого, не призываемый к допросу. Тогдашнее правосудие не торопилось производить следствия и не церемонилось с заключенными в Бастилию. Жена Калиостро была также заключена в темницу.*

Магик был замешан в знаменитое дело об ожерелье, этом "величайшем обмане XVIII столетия", как его называет Карлейль", — пишет В. Зотов.

Так началась история с ожерельем, вылившаяся в самый громкий политический скандал предреволюционных лет во Франции.

Глава двенадцатая
ДЕЛО О СЛАВНОМ СКЛАВАЖЕ КОРОЛЕВЫ

— Я сказал достаточно для закона, но не намерен говорить ради праздного любопытства. Зачем нам, французы, знать отечество, имя, побуждения и средства чужестранца? Мое отечество — это первое место вашего государства, где я подчинился вашим законам, мое имя — то, которое я прославил среди вас, мое побуждение — Бог, мои средства секрет. Когда благодеяния творят от имени Бога, не надо ни подтверждений, ни имени, ни отечества, ни залога.

Если вы любопытны — читайте, что я сказал.

Если вы добры и справедливы, то не спрашивайте ни о чем…

Речь Калиостро на открытом заседании парламента 30 мая 1786 года

Громкая криминальная история с бриллиантовым ожерельем Марии-Антуанетты занимала умы долгое время, за ее расследованием внимательно следили во всей Европе, в красноречии упражнялись лучшие адвокаты и журналисты, а позже фигуранту дела Калиостро посвятил целых два произведения прославленный романист Александр Дюма. Юрий Каграманов замечает: *"Кроме Калиостро, в этой истории есть королева и кардинал, бриллиантовое ожерелье и злоумышляющая коварная миледи, затронута и "честь Франции". Нет в ней только благородных мушкетеров. Есть тайна, но нет романтической "пружины". Вероятно, по этой причине роман "Ожерелье королевы" удался Дюма гораздо меньше, нежели "Три мушкетера* "".

Когда в 1772 году царствующий монарх Людовик XV заказал придворным ювелирам, Шарлю Огюсту Бёмеру и Полю Бассанжу,

его зятю, бриллиантовое колье для своей фаворитки мадам Дюбарри, они исполнили королевскую прихоть: вложив весь свой наличный капитал и наделав огромные долги, создали уникальный склаваж стоимостью свыше полутора миллиона ливров из 629 (по другим сведениям, 647) бриллиантов общим весом 2800 карат. Но пока создавалось сие ювелирное изделие, Людовик XV умер от оспы, и на трон взошел его преемник Людовик XVI. Ювелиры предложили ему приобрести колье для его царственной супруги. Но Марии-Антуанетте громоздкое колье не понравилось, а его цена, равная стоимости военного корабля со всем оснащением, отпугнула королевскую чету. Чтобы расплатиться с кредиторами, за прошедшие с того времени одиннадцать лет Бёмер и Бассанж предлагали свое колье испанскому и португальскому королевским дворам, трижды возобновляли свое предложение Марии-Антуанетте, но тщетно.

Королева Франции Мария-Антуанетта. Неизвестный художник

А в это время в Париже всеми правдами и неправдами, используя интриги и богатых покровителей, в узкий круг приближенных королевы пробилась графиня Жанна де ла Мотт, урожденная баронесса де Сен-Реми, добившаяся права присоединять к своей полученной от мужа фамилии королевскую фамилию Валуа, будучи прямым потомком одного из

незаконнорожденных сыновей короля Генриха II. В 22 года она бежала из дому и вышла замуж за жандармского офицера Никола де ла Мотт. Стремясь занять достойное ее происхождения место, эта авантюристка, происходившая из разорившейся и опустившейся семьи, поставила себе цель добиться высокого положения и богатства, используя слабости и тщеславие сильных мира сего. Ее жертвой стал кардинал Роган, давно и безответно влюбленный в Марию-Антуанетту, которая относилась к нему крайне неприязненно. В свое время Роган был послом Людовика XV в Вене. Там он очень не понравился строгой и набожной императрице Марии-Терезии своим распутным образом жизни и по ее просьбе был отозван. Отставленный кардинал в отместку австрийской королеве рассказывал разные анекдоты из интимной жизни семьи Габсбургов. Это дошло до слуха дочери Марии-Терезии и жены наследника французского престола Марии-Антуанетты, которая была взбешена, что какое-то ничтожество осмеливается смеяться над ее матерью. Когда она стала королевой Франции, Роган впал в жестокую немилость и уже испробовал самые разные способы, чтобы вернуть благорасположение королевы. Теперь честолюбивый кардинал хотел ни больше ни меньше как поста премьер-министра.

Для пользы дела ставшая одной из бесчисленных любовниц ветреного кардинала, Жанна де ла Мотт пообещала ему выступить посредницей в тайной переписке с королевой и добиться у нее благосклонности к воздыхателю, который должен будет тайно снабжать королеву деньгами "на булавки" и на покрытие карточных долгов. В качестве доказательства этой благосклонности "близкая подруга и наперсница королевы" графиня де ла Мотт (которой на самом деле шли отдаваемые доверчивым кардиналом деньги) устроила тайное свидание Рогана с королевой под покровом ночи в роще Венеры близ Малого Трианона. Под видом королевы выступала нанятая Жанной и похожая на королеву фигурой и лицом куртизанка Николь Леге, одетая в платье точь-в-точь как на портрете Марии-Антуанетты. Для пущей важности она приняла звучный псевдоним "баронесса д'Олива", для которого Жанна великодушно предложила ей анаграмму своей собственной фамилии Валуа. Мнимая королева должна была передать влюбленному кардиналу письмо и розу и сказать две заранее затверженные многозначительные фразы. И хотя Николь Леге дурно справилась со своей ролью, кардинал не заподозрил обмана в этой сцене, целиком повторившей известную сцену с переодетой в служанку графиней Альмавива из "Женитьбы Фигаро" Бомарше. И поэтому не удивился, когда полгода спустя

Жанна от имени королевы попросила его выступить посредником для тайной покупки у Бёмера и Бассанжа бриллиантового склаважа. На самом деле в конце декабря 1785 года ювелиры пришли за помощью к влиятельной графине де ла Мотт в надежде на то, что за определенные комиссионные она уговорит королеву купить у них ожерелье. В январе следующего года Роган провел переговоры с Бёме-ром и Бассанжем и договорился об оплате в рассрочку в течение двух лет четырьмя равными долями полной стоимости колье в размере миллиона шестисот ливров. Колье должно было быть доставлено королеве 1 февраля, а первый платеж должен был быть внесен I августа 1785 года. Об этом стороны составили договор, и кардинал, передавая его графине, попросил ее заручиться у королевы письменными гарантиями оплаты. По словам де ла Мотт, та сразу же подписала до гонор, а в доказательство авантюристка вернула кардиналу документ с собственноручной подписью королевы: "Мария-Антуанетта Франции". Ясно, что это была грубая подделка: особы королевских кровей подписываются только личным именем, кроме того, Мария-Антуанетта была австрийской принцессой, выданной замуж за французского дофина, и французской королевой стала только после замужества. Но кардинал никаких сомнений не испытал, как потом не усомнились в подлинности подписи королевы и ювелиры.

Прежде чем отправиться с подписанным документом к ювелирам, кардинал Роган попросил только что прибывшего в Париж Калиостро вопросить духов о том, как завершится дело. По некоторым сведениям, Калиостро уклонялся от проведения духопризывательного сеанса, не хотел давать советов покровителю и даже заподозрил в этой истории неч то нечистое. Но Лоренца, еще в Лионе ставшая близкой подругой Жанны де ла Мотт, под ее нажимом уговорила мужа уступить, и магический сеанс состоялся. Ответ оракула был ободряющим, и кардинал решился передать ювелирам гарантийную расписку королевы и принять ожерелье для дальнейшей передачи Марии-Антуанетте — через все ту же посредницу Жанну де ла Мотт. По другим сведениям, Калиостро предостерег Рогана и даже указал ему на то, что подпись поддельная (ведь, как уверяют, в молодости он сам не чурался подделывать документы и пользовался фальшивым полковничьим патентом, поэтому распознать подделку ему не составило труда).

Как только ожерелье попало к Жанне, она поручила мужу Никола де ла Мотту и Рето де Виллету — доверенному лицу кардинала и одному из своих многочисленных любовников, прибывшему в Париж из Лиона, где он, возможно, был членом

Калиостровой ложи Египетского ритуала — разобрать колье и продать бриллианты по отдельности. Этот Рето де Виллет отличался умением превосходно подделывать любой почерк — не он ли по просьбе Жанны изготовил и поддельную подпись Марии-Антуанетты? При попытке продать камни парижским ростовщикам Рето был арестован и препровожден в тюрьму Шатле, но вскоре отпущен после признания, что продает бриллианты по поручению графини де ла Мотт-Валуа. А Никола де ла Мотт тем временем спешно отбыл в Лондон, чтобы продать драгоценности там, что ему и удалось, хоть и по значительно заниженной стоимости.

Ближе к сроку первого погашения кардинал стал подозревать об обмане, видя, что королева по-прежнему относится к нему весьма холодно и не носит ожерелье. Он и не догадывался, в какую аферу втянут. Забеспокоились и ювелиры, после того как графиня де ла Мотт, желая отвести от себя подозрения и нанести упреждающий удар, сама объявила им, что кардинал опасается обмана, подозревает о поддельности подписи и заплатит вместо королевы, но позже, а пока, дескать, вручает аванс 30 тысяч ливров в счет процентов. Поняв, что погрязший в долгах кардинал платить не сможет, Бёмер и Бассанж решились деликатно напомнить королеве о сроках платежа за ожерелье, которого она не получала! Обман вскрылся, вспыхнул скандал, разгневанная королева потребовала найти и наказать виновных, и король выдал "письмо с печатью" (*lettre de cachet)* — предписание об аресте. Первым в Бастилию 15 августа препроводили его преосвященство. Через три дня следствие вышло на названную им Жанну де ла Мотт, которую доставили в тюрьму Сальпетриер и допросили. Каграманов пишет: *"Нет, она не запятнала своими показаниями ни королеву Франции, ни кардинала-герцога. По ее версии, в общем довольно путаной, инициаторам и душою предприятия оказывался граф Калиостро, имевший неограниченное влияние на Рогана. Осуществив аферу чужими руками, Калиостро, по ее словам, забрал себе самые крупные бриллианты, а остальные отдал графу де ла Мотт для реализации в Лондоне. Кардинал же оказался просто игрушкой в руках "подлого алхимика" и "фокусника". Саму себя де ла Мотт изобразила послушной исполнительницей воли его преосвященства* Вместе с ней (а по другим сведениям, в марте 1786 года) был схвачен Рето де Виллет. Калиостро арестовали 22 августа, а 26 августа взяли Серафиму (причем супруг пребывал в неведении и до самого февраля полагал, что она на свободе, и писал ей трогательные письма). В конце октября в Брюсселе схватили Николь Леге. Таким образом, все фигуранты этого дела оказались за решеткой.

Королева требовала публичного осуждения виновных. Кардиналу предложили на выбор королевский суд или парламентский, он выбрал последний, чтобы публично оправдаться и восстановить честь своего имени. Но расследование затянулось на долгие месяцы, а пока шел процесс, общественность питалась слухами, жадно читала газеты, речи адвокатов обвиняемых: мэтра Жана Шарля Тилорье, защищавшего графа Калиостро, и пожилого мэтра Дуало, отстаивавшего интересы графини де ла Мотт, а также памфлеты и изобличительные брошюры, которые вдруг во множестве наводнили Европу.

Сохранились три собственноручных письма графа Калиостро, писанных им супруге из Бастилии. Они написаны по-итальянски крупными буквами, размашистым почерком с сильным нажимом, почти без знаков препинания и с орфографическими ошибками, что заставило некоторых биографов высказать точку зрения, что в камере с Калиостро находился его слуга, по совместительству секретарь, который и писал эти письма под диктовку графа. Большинство писавших о Калиостро, тем не менее, считает их написанными рукой самого магистра. В этом были уверены и французские власти в лице министра Бретейля, который позже привлек одно из этих писем, сохранившихся в архиве французской полиции, в качестве доказательства идентичности личности писавшего его Калиостро и авантюриста Бальзамо. В этих письмах интересен описанный в них быт узника, его состояние и настроение во время процесса: "*Я так страдаю, что лучше бы уж Господь призвал меня к Себе в вечность: там бы обрел я счастие. Несравненная моя Серафина, сказано мною было, да и еще раз повторю, что ведомо мне о положении твоем бедственном, но чего ж мне еще сказать тебе, кроме как призвать тебя уповать на Провидение, кое позаботится о нас всенепременно и невиновность нашу докажет. А еще напиши мне, не позабыли ли нас друзья, а особенно Лаборд, что трудится нынче ради облегчения положения нашего. И очень мне хочется обрести спокойствие, ибо одолевают меня размышления печальные и черные, а я, душа моя, не хочу волновать тебя и писать о них не стану*", и в другом письме: "*Все у меня по-прежнему, а временами чудится мне, что я теряю рассудок, и этого я боюсь, а потому поручаю себя Господу*". Так, можно узнать, что сердобольные друзья магистра Лаборд и мадам де Фламар — приветы и наилучшие пожелания которым он в каждом письме не забывал наказывать жене непременно передавать — старались скрасить его пребывание в мрачных застенках тем, что присылали ему, лишенному прогулок и страдающему расстройством сна и аппетита, паштет, а также

рябчика, бекасов, каштаны и апельсины, а еще книги и ободряющие письма, и хлопотали о скорейшем освобождении невинного.

У Калиостро было непререкаемое алиби: передача ожерелья состоялась 29 января 1785 года, а "Великий Кофт" прибыл в Париж из Лиона только на следующий день, 30-го. Правда, как замечает Каграманов, "*обвинение не без резона делало акцепт на том, что он состоял в интенсивной переписке с Ротном и мог бы дирижировать аферой на расстоянии, что не случайно он прибыл в Париж как раз на другой день после кражи и что, наконец, он успел туда за несколько часов до того, как граф де ла Мотт уехал в Лондон. Но, так или иначе, обвинение не сумело разрушить построений защиты*". Это позволяет Каграманову чуть далее утверждать: *"Все обвинения а адрес Калиостро оставались неподкрепленными, и чем дальше двигалось дело, тем больше выглядел он жертвой королевского произвола, а потому невольно вызывал к себе сочувствие…"*. В глазах противников королевского режима арест знаменитого мага и масона приобрел неожиданную политическую подоплеку — стали говорить о его связях с заговорщиками — иллюминатами: "*Теперь Калиостро предстал в ином аспекте, а именно как один из глав секты, именуемой в Германии иллюминатами, в Лионе мартинистами, а в Париже теософами. Трудно понять, в чем заключается учение этой секты, ибо адепты ее несут чушь — если судить по нескольким опубликованным ими книгам*".

Узнав о том, что Серафина тоже заточена в Бастилию, Калиостро немедленно попросил своего адвоката Тилорье похлопотать о ее освобождении. За это взялся тесть Тилорье и видный оппозиционер Дюваль д'Эпремениль, пользовавшийся поддержкой герцога Орлеанского, люто ненавидевшего королеву. Будучи адептом Калиостро и членом Египетской ложи, д'Эпремениль добился того, что 26 марта Серафина вышла на свободу. Но прежде чем отпустить Серафину, комендант де Лонэ убедил ее подписать документ, согласно которому она признавала, что получила деньги, бриллианты и украшения, взятые у нее в доме, когда жандармы во главе с комиссаром Шеноном явились арестовывать ее мужа. Неграмотная графиня подписала документ закорючкой, поверив аргументам коменданта, но деньги и ценности вернулись к чете Калиостро только частично.

Даже на скамье подсудимых Калиостро нисколько не изменил своей роли мага, прорицателя и посланника высших сил, более того он использовал зал заседаний суда как трибуну для пропаганды своих взглядов. Современник граф Беньо иронически

писал: "*Мэтр Тилорье устремился на защиту чудес. Впервые под сводами Дворца правосудия раздавалась речь о таких вещах, как подземелья Мемфиса и лабиринты пирамид, откуда вышел герой*". Главный бой в суде шел между двумя основными обвиняемыми: графиней де ла Мотт и графом Калиостро, на которого она хотела перевалить всю тяжесть своей вины. Авантюристка пускалась во все тяжкие, начиная от истерик, топанья ногами, визга и площадной брани и кончая тем, что однажды метнула в Калиостро горящую сальную свечу или даже зажженный факел; Калиостро держался невозмутимо и с большим достоинством, произнося возвышенные и прочувствованные речи. Не только выступления Калиостро в суде, но и "борзое перо" мэтра Тилорье, создававшее от имени Калиостро велеречивые послания, например уже упоминавшийся "Мемориал графа Калиостро", сделали свое дело: его популярность неслыханно возросла.

31 мая 1786 года парижский парламент, рассматривавший дело в качестве высшей судебной инстанции, собрался на заключительное заседание. Оно продлилось шестнадцать часов. Судьи отдавали себе отчет в том, что их решение приведет к серьезным политическим последствиям. На кону стоял вопрос о подсудности "священной" монаршьей особы. Оправдать кардинала — значило морально осудить королеву. Счесть поведение кардинала неуважением к Марии-Антуанетте — значило отомстить за нее и восстановить ее честь.

Суд решил эту дилемму. Калиостро был оправдан. Был оправдан и кардинал Роган. Это снимало с него обязанность приносить извинения королеве. Зато впоследствии кардинал подписал письменное обязательство вернуть долг ювелирам Бёмеру и Бассанжу из доходов с одного из принадлежащих ему аббатств, однако разразившаяся через три года революция, национализировавшая все имущество духовенства, сделала невыполнимыми эти обязательства. Жанна де ла Мотт была признана виновной и приговорена к пожизненному тюремному заключению. К пожизненной каторге заочно приговорили и ее супруга, скрывавшегося в Англии. Суд постановил пожизненно изгнать из страны Рето де Виллета, а в отношении Николь Леге судебное преследование прекратить.

На следующий день во внутреннем дворе тюрьмы Сальпетриер графиня де ла Мотт была подвергнута унизительной процедуре бичевания и клеймения каленым железом: на ее плече выжгли "V" — начальную букву от французского слова voleuse (воровка). Но через год при невыясненных обстоятельствах осужденная совершила побег из тюрьмы, явно подстроенный, и перебралась в Англию. Там она написала свои мемуары под

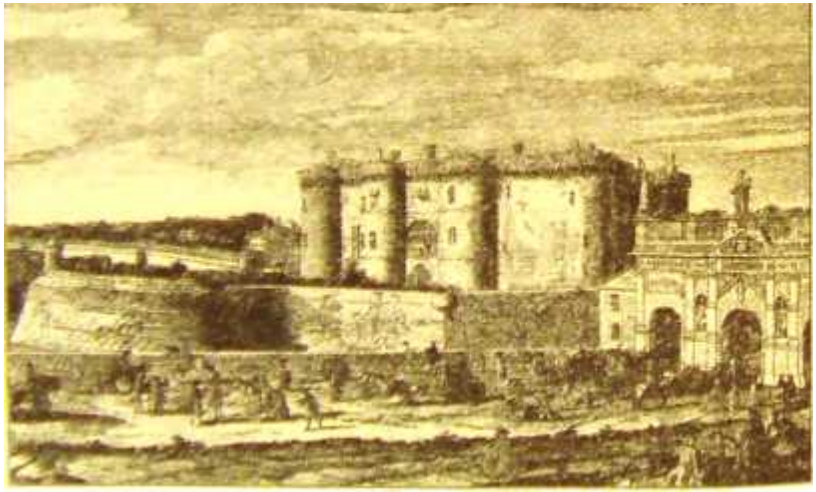
названием "Оправдательная записка графини Валуа де ла Мотт, писанная ею самой", увидевшие свет в 1788 году (и затем переизданные уже после Великой французской революции в 1792 году как один из документов, изобличающих прогнившую королевскую власть), где она всячески очерняла королеву; утверждая, например, что в ночной мгле парка Рогану являлась Мария-Антуанетта собственной персоной и что это их тайное свидание было далеко не единственным; а спустя некоторое время якобы бросилась в Темзу и утонула. Но есть версия, что самоубийство было инсценировано, а на самом деле авантюристка под именем графини де ла Гоше уехала в Россию, где окончила свои дни в весьма преклонном возрасте.

Настоящего триумфа удостоился Калиостро, который вышел из Бастилии на исходе того же дня, около полуночи.

Несмотря на поздний час и на то, что накрапывал дождь, за подъемным мостом его ждала многотысячная толпа. Здесь были поклонники, братья-масоны, но были и просто парижане, видевшие в нем невинного человека, сумевшего вырваться из цепких лап королевской полиции. "Великого Кофту" подхватили на руки и так несли до самого его дома, где люди оставались до утра, издавая восторженные крики и провозглашая здравицы в честь Калиостро. Но на следующий день король издал указ, согласно которому Калиостро должен был в 24 часа покинуть Париж и через три недели уехать из Франции. Пришлось магистру перебраться в пригород Парижа Пасси и собирать немногочисленные оставшиеся пожитки. Ведь при аресте жандармы изъяли многие ценности, а вместе с ними пропали и крупные суммы денег, и ценные алхимические препараты, и оборудование. Выручил энтузиазм его поклонников, собравших ему на прощальном обеде в Сен-Дени 13 июня 1786 года 500 луидоров "на дорожку".

Как пишет Каграманов, *"дело об ожерелье, однако, на этом не закончилось. Граф дела Мотт, скрывавшийся где-то в Англии от разыскивавших его там французских полицейских агентов, внезапно дал о себе знать. В пространном письме, опубликованном лондонской газетой "Морнинг кроникл", он заявил, что, если не будет "восстановлена справедливость", ему придется предать гласности некие письма, обладателем которых он, по счастью, является и которые откроют "всю правду". О том, что это не была пустая угроза, свидетельствует последовавшая реакция Версаля. Известно, что в конце 1786 г. оттуда прибыли в Лондон две высокопоставленные придворные дамы, имевшие задание выкупить упомянутые письма. Среди аккредитованных в Версале иностранных дипломатов ходил слух, что письма эти были*

написаны королевой и что их удалось вернуть за 4 тыс. луидоров".



Тюрьма Бастилия в *Париже. Неизвестный художник*

В 1793 году, когда бывшую королеву Франции допрашивал общественный обвинитель Фукье-Тенвиль, "дело об ожерелье" всплыло на допросах. Но ненавистная народу "австриячка" все упорно отрицала, и следствие так и не узнало правды. А затем обвиняемая взошла на эшафот, и эту тайну она унесла с собой в могилу.

Есть предположения, что королева не только и вправду состояла в переписке с кардиналом через посредницу дела Мотт, но знала и о маскараде с участием Николь Леге, чуть ли не сама затеяв его, и даже встречаются утверждения, что на самом деле Мария-Антуанетта получила ожерелье, расплатившись с де ла Мотт его частью! В заметке В. Бегичевой "Утаенная улика" (опубликованной в журнале "Чудеса и приключения" (ЧиП) 6/2003) говорится следующее: *"В 1871 г. при разборке фундамента разрушенного по постановлению Парижской коммуны королевского дворца Тюильри, где в 1789–1792 годах безвыездно жили Людовик XVI и Мария-Антуанетта, рабочий Огюст Долот наткнулся на зарытый в подвале зимнего сада дворца железный ларец с тремя королевскими лилиями на крышке. Находку доставили в Министерство внутренних дел, где в присутствии всего кабинета министров во главе с Адольфом Тьером полицейский префект Парижа извлек из ларца множество драгоценных камней и — сомневаться было невозможно — знаменитое ожерелье королевы!.. Можно представить себе растерянность членов кабинета министров и самого Адольфа Тьера, авторитетного историка Французской революции: на и без того небезупречную репутацию*

Марии-Антуанетты ложилось еще одно темное пятно. Обнаружение ожерелья в подвале Тюильри делало казненную революционерами королеву соучастницей воров…

Наконец решение было найдено. О находке приватно известили живущую в Амстердаме представительницу французского королевского дома в изгнании принцессу Амалию Бур-бонскую. Бурбоны еще менее, чем правительство Тьера, были заинтересованы в обнародовании материалов, компрометирующих "королеву-мученицу"… Ей и были переданы найденные в тюильрийском подвале драгоценности, включая и знаменитое ожерелье королевы. Публичного скандала таким образом удалось избежать…"

По поводу смысла и финала этой запутанной истории Каграманов делает свои выводы: *"Может быть, между королевой и кардиналом были какие-то особые отношения, с которыми оказалась непосредственно связанной и кража ожерелья. Вполне возможно, что Мария-Антуанетта, "мадам Дефицит", как ее за мотовство прозвали в народе, действительно пожелала приобрести ожерелье втайне от расчетливого Людовика XVI. Не исключено и то, что сластолюбивый и сребролюбивый Роган непрочь был как-то смошенничать в этом деле, поставив под удар второстепенные фигуры. Что касается Калиостро, действительно имевшего неограниченное влияние на Рогана, то он, скорее всего, был посвящен во все тонкости аферы и, возможно, пытался дирижировать ею, преследуя свои собственные цели: например, скомпрометировать Марию-Антуанетту и потом как-то этим воспользоваться. Наконец, графиня дела Мотт, судя по всему, первоначально была чьим-то послушный орудием, но затем смешала все карты и повела собственную игру. В общем, загадка похищенного ожерелья так и осталась загадкой*".

Будучи арестованным и заключенным в Бастилию, Калиостро написал на стенах своей камеры зашифрованное сообщение, которое в расшифрованном виде гласит: "В 1789 году Бастилия будет осаждена и 14 июля будет разрушена до основания". Это пророчество исполнилось, и восставший пород насадил на пику отрубленную голову коменданта крепости де Лонэ и так носил ее по улицам Парижа.

Кстати сказать, именно Калиостро первым предсказал трагическую судьбу французского царствующего дома. Так, предсказание, касавшееся Людовика XVI, гласило, что он должен опасаться смерти на эшафоте до 39 лет, а королева "*будет несчастлива, неудачна во Франции, преждевременно состарится, покрывшись морщинами, и будет обезглавлена*".

Еще больше предсказаний о грядущей судьбе Франции и

призывов к революции Калиостро поместил в "Письме к французскому народу", написанном из Лондона 20 июня 1786 года в форме письма к некоему частному лицу. Предполагают, что настоящим автором этого высокопарного послания был адвокат Тилорье, последовавший вслед за своим подзащитным в Англию.

Но эта поездка не принесла магу удачи.

Глава тринадцатая
ТРЕТИЙ ВОЯЖ В ЛОНДОН И СЛОВЕСНЫЕ БАТАЛИИ С МОРАНДОМ

Английский народ! Выслушай меня. Я человек. Я вправе требовать твоего правосудия: я несчастен; я имею право на твою защиту. Не стану отрицать, было время, когда в твоей столице меня подвергли ужасным гонениям; но былые несчастья нисколько не изменили моей искренней любви к тебе, чувств, кои привели меня и доставили к вам. Поведение мое, быть может опрометчивое с виду, станет для будущих поколений свидетельством моего безграничного доверия к народу-законодателю, который по справедливости гордится своей свободой.

Мне думается, англичане — единственный народ, никогда не преклонявший колен перед идолом власти. Меня изгнали из Франции; изгнание прославило меня и открыло передо мной весь мир. Я решил отправиться в Англию, и Лондон стал моим убежищем. Сегодня я снова гоним, меня опять преследуют враги, более могущественные и более яростные, чем прежде. Но я не раскаялся в своем выборе. Пусть враги пятнают мою честь, здесь я имею право выступить в ее защиту. Пусть они угрожают моей свободе, здесь нет Бастилии. Злобные и мерзкие клеветники, вас подкупили, и вы оклеветали меня; но вы не заставите меня усомниться в

справедливости английских законов…

Воззвание Калиостро к английскому народу

После проводов с участием нескольких тысяч человек, преклонивших перед величественным графом колени и просивших его благословения при его торжественном отъезде из Булони, маг с супругой прибыл в Лондон, куда за ним последовали его многочисленные почитатели и приверженцы. Это случилось 16 июня 1786 года, а всего через четыре дня было написано быстро ставшее известным по всей Европе письмо графа к французскому народу, опубликованное в газете от его имени, полное гневных выпадов против короля, его клевретов и Франции с ее произволом, беззаконием, клеветой, тюрьмами, казнями и гонениями на невинных. В. Зотов пишет об этом письме: "*Прежде всего магик занялся однако же тем, что написал послание к французскому народу, в котором громил и упрекал французское правительство. Брошюра эта составляет большую библиографическую редкость и об ней упоминает патер Марчель в своем сочинении, о котором мы говорили в начале статьи. Марчель уверяет, что в брошюре этой Калиостро предсказал, что Бастилия будет разрушена и на месте ея учредится публичное гулянье; далее он предсказывал, что на престол взойдет принц, который уничтожит lettres de cachet, созовет Генеральные штаты и восстановит истинную религию. Таких предсказаний, наполовину сбывшихся, молено много встретить в сочинениях того времени…*"

Калиостро купался в лучах всеевропейской славы на вершине популярности, куда был вознесен после триумфального завершения процесса. Благодаря ему о графе узнали многие сотни тысяч, количество его почитателей многократно возросло. Казалось, все несчастья и беды позади, а будущее безоблачно. В этом магистра убеждали восторженные письма его адептов, где его называли отцом и благодетелем и выражали желание пасть к его ногам, дабы уверить "*самого лучшего из всех повелителей и самого могущественного среди смертных*" в своем почтении, подчинении и послушании и смиренно просить помочь обратить дух его учеников и апостолов к Всевышнему.

Хотя комиссар Шенон при аресте Калиостро нанес ему немалый материальный ущерб, лишь частично возмещенный при освобождении из Бастилии ее комендантом де Лонэ, а потом при въезде в Англию у четы Калиостро конфисковали возвращенные Серафине бриллианты, финансовое положение графа поправилось благодаря щедрым взносам поклонников и Томаса

Хименеса, банкира иллюминатов, посетившего Калиостро в Пасси. По совету мэтра Тилорье и его тестя д'Эпремениля граф опрометчиво вчинил французским властям иск с требованием возвратить отобранные у него при аресте ценности. Вкупе с антикоролевскими выпадами и утверждениями о необходимости революции в "Письме к французскому народу" эта попытка Калиостро защитить свои честь и достоинство и вернуть частное имущество будет потом, в 1790 году, расценена его судьями-инквизиторами как часть подрывной деятельности, включающей призывы к разрушению Бастилии, свержению монархии и подстрекательство к революции, ему припишут связь с иллюминатами и другими дьявольскими сектами.

Французское правосудие ходу бумаге не дало, мотивируя это тем, что для начала судебного разбирательства истец должен находиться во Франции. На самом деле разгневанный король и министр Бретейль рассчитывали тем самым вернуть Калиостро во Францию, чтобы вновь упечь его в тюрьму. Но Калиостро их планы нарушил. Когда по приглашению из французского посольства для получения разрешения на возвращение во Францию Калиостро явился туда в сопровождении своего нового друга и, по выражению Зотова, "*добродушного покровителя*" лорда Джорджа Гордона, известного в Лондоне своими эксцентричными выходками, граф высокомерно отказался возвращаться без личного дозволения короля, не удовольствовавшись разрешением от министра Бретейля, и величественно удалился.

Ведь пока ему вполне хватало имевшихся средств, чтобы снять роскошные апартаменты или даже дом неподалеку от Гайд-парка на Слоун-стрит. В Лондоне стараниями верного друга Лаборда Калиостро познакомился с владельцем выходившей дважды в неделю на английском и французском языке газеты "Курьер Европы" Сэмюэлем Суинтоном, но совместительству агентом французской полиции, и журналистом-редактором этой газеты Шарлем Тевено де Морандом.

Увы, это знакомство оказалось для графа роковым. Ибо, не сумев заманить Калиостро во Францию, французские власти подкупили этого самого беспринципного писаку и охотника за "жареным" Моранда и заказали ему разоблачительную кампанию по развенчанию авантюриста, шарлатана и проходимца, называющего себя графом Калиостро, которая началась и конце августа 1786 года. Далее снова дадим слово В. Зотову: *"Моранд узнал, что Калиостро был уже прежде в Лондоне, под именем Бальзамо, и явился к нему для переговоров; тот принял его грубо и дерзко обошелся с ним. Тогда журналист прямо назвал его, в своем листке, шарлатаном и обманщиком. В особенности смеялся он над*

хвастовством Калиостро, обещавшим осветить Лондон морскою водою, которую он превратит в масло, и над рассказом его, что свинью можно до того приучить есть мышьяк, что все тело ея пропитается этим ядом. Калиостро прибавил, что однажды он делал этот опыт в Медине, и когда, зарезав эту свинью, оставил ее на ночь в лесу, то на утро нашли около нея множество мертвых львов, тигров и леопардов, поевших ея мяса. Чтобы подтвердить свой рассказ, Калиостро приглашал Моранда письмом, в журнале Advertiser" на обед, за которым подадут им такую свинью, которую за час до обеда он покажет живою и здоровою, но, поевши которую, Моранд отправится на тот свет, а Калиостро будет невредим. Журналист отвечал, что вместо его он может пригласить на обед любое плотоядное животное. В листке своем он рассказал много случаев из прежней жизни авантюриста, но тот смело отрицал все и утверждал, что никогда не был в Лондоне и не назывался Бальзамо. Открытия Моранда делались однако же до того опасными, что Калиостро предпочел поскорее удалиться в Швейцарию и так торопился отъездом, что уехал один, без жены, которая соединилась с ним в Швейцарии уже впоследствии".

Последующие биографы Калиостро, перечтя статьи Моранда, узнали, откуда он черпал свою разоблачительную информацию. Это и архивы лондонских судов, и протоколы французской полиции, и пересказ перепалки графини де ла Мотт и Калиостро во время процесса об ожерелье, и откровения специально выписанного в Лондон на деньги французской казны Карло Саки. Но больше всего Моранд использовал свои задушевные беседы с графиней Калиостро, в которых доверчивая Серафина рассказала прикинувшемуся благодарным и сочувствующим слушателем и другом семьи журналисту много подробностей, не фигурировавших в официальных документах. Извратив действительные факты и придав им совершенно иной смысл, добавив от себя кое-каких измышленных подробностей и гнусных двусмысленных намеков, Моранд на потеху публике выставил графа отъявленным мошенником, обманщиком и пройдохой. Эти материалы сразу же резко увеличили популярность до того безвестной газетенки, пять тысяч тиража разлетались как горячие пирожки, передавались из рук в руки и зачитывались до дыр.

Получив этот удар в спину, взбешенный Калиостро решил дать клеветнику достойный отпор. В этом ему с готовностью помог лорд Гордон, который от имени Калиостро сочинил опровержение и благодаря своим связям опубликовал его в газете "Паблик Адвертайзер". В нем-то маг и предложил Моранду 9 ноября в 9 утра устроить вскладчину завтрак, на который со

своей стороны обязался подать молочного поросенка, откормленного пищей с мышьяком по методе Калиостро, Моранд же должен был принести вино и закуску.

Моранд напечатал свой язвительный ответ на это письмо, где отказался подвергать свою драгоценную жизнь сомнительным экспериментам, пройдясь по способам излечения, практикуемым Калиостро-лекарем, а заодно высмеяв якобы умение Калиостро использовать морскую воду вместо масла в уличных фонарях для освещения Лондона. Насмешливый ответ Калиостро не заставил себя ждать: "*Благодарю вас, сударь, за то, что вы соблаговолили ответить на мое письмо. Знание и искусство сохранять тесно связано с искусством разрушать. Находясь в руках людей человеколюбивых, лекарства и яды равно служат к счастию рода человеческого, первые — для сохранения тварей полезных, вторые — для уничтожения тварей злокозненных. У меня заведено именно так их использовать. Вы отказались от завтрака, предложив вместо себя плотоядного зверя. Но где найти такого плотоядного зверя, кто в окружении иных зверей был бы подобен вам в обществе человеческом? Я бы хотел иметь дело не с вашим представителем, а с вами лично. Обычай драться через представителей давно вышел из моды. Тем более, полагаю, вы не найдете себе замены ни среди хищников, ни среди травоядных…*"

Французские власти щедро снабдили Моранда материалами для дальнейшего ведения кампании. Он получил от самого министра иностранных дел Вержена объемистый пакет с материалами допросов Лоренцы-Серафины комиссаром Фонтеном, показаниями Антонио Браконьери, дяди Джузеппе Бальзамо по матери, донесениями агентов, направленных в Палермо для выяснения личности этого самого Джузеппе, и анонимные письма, в которых содержались различные порочащие Бальзамо рассказы о его похождениях. И не преминул воспользоваться всем этим, чтобы окончательно скомпрометировать Калиостро.

В своей газете Моранд не только вышучивал в прозе пафосные деяния и напыщенные речи Калиостро, но и помещал насмешливые стишки, которые мы здесь приведем по книге Елены Морозовой в переводе А. Полякова:

Кто он такой — слуга иль господин,
Купец иль гранд — то знает Бог один.
Друг лорда N*** и M* * * приятель он,
Под именем чужим — теперь масон.
Сын кривды, да под ним земля горит,
"Я сын природы, — он вам говорит, —

Смотрите, я невинный Ахарат,
Я Феникс, Анн, маркиз я де Гарат,
Я милосерд, хочу добро творить,
Я золото умею растворить,
Всех исцелю своим я Бальзамо,
И наконец, я — чистое дерьмо.

Немудрено, что за этим пасквилем тут же последовали другие: Лондон наводнили карикатуры и сатирические листки с низкопробными шуточками в адрес Калиостро, он сделался героем пошлых россказней и анекдотов, о нем выдумывали небылицы и приписывали ему неблаговидные поступки, в которых никогда не был замешан ни граф Калиостро, ни Джузеппе Бальзамо. Репутация Калиостро как масона, врача и мага стремительно рушилась, в нем разуверились даже близкие друзья и бывшие горячие почитатели: блистательно выигравший дело об ожерелье адвокат Тилорье покинул Лондон и отказался отстаивать интересы и честь Калиостро; чуть позже в Париж уехали разочаровавшийся в недавнем кумире Лаборд и его шурин де Вим; отступился от "обманщика и мошенника" Калиостро и Рей де Моранд, некогда в Лионе выступивший его добровольным секретарем в ложе Египетского масонства, а потом в Париже поддерживавший графа во время его заточения в Бастилии. Более того, бывший ученик предал магистра дважды: после отъезда мага из Лондона Рей де Моранд сделался любовником его жены Серафины.

Резко уменьшилось количество пациентов, желавших Калиострова лечения, его магические и духопризывательные сеансы потеряли былую привлекательность и уже не вызывали у публики интереса. Что может быть хуже пошатнулась и его масонская репутация: когда Калиостро напечатал в газете "Морнинг геральд" зашифрованное с помощью масонского кодового языка цифр обращение к братьям с призывом собраться и заложить камень в строительство храма истинного масонства, лондонские масоны проигнорировали его призыв.

Отчаяние, а еще совет лорда Гордона (предоставившего в распоряжение магистра свое перо и запал неукротимой) публициста) заставили Калиостро написать "Письмо к английскому народу", которое было опубликовано с подзаголовком "Ответ на насмешки, опубликованные господином де Морандом, редактором "Курьера Европы"". О нем оклеветанный граф решительно отмежевался от приписываемой ему идентичности с Джузеппе Бальзамо и гневно обрушился на

Моранда: *"Не стану более говорить о низких поступках этого отщепенца, претендующего на звание писателя; его выкинули из Франции и не признали в Англии; но мерзкое перо его, к несчастию, стало известно в Европе. Он может продолжать оскорблять меня, я не стану призывать на его голову кары законов, ибо у несчастного есть жена и вдобавок он является отцом шестерых детей. […] Я возлагаю отмщение на Того, Кто не заставит детей отвечать за преступления их отца…"* Призывая кару небесную и поминая неотвратимость Божьего суда для всех неправедных, Калиостро закончил свое письмо так:

"Враги мои полагают, что я угнетен, подавлен… Пусть знают, время испытаний закончится и, как бы они ни ярились, я вернусь с гордо поднятой головой…" Однако письмо не возымело ожидаемых последствий, благоприятных для восстановления репутации Калиостро в глазах его адресата — английского народа и всей Европы.

Не один Тевено де Моранд поносил и высмеивал графа Калиостро. Пока он вел словесный поединок с Морандом на страницах лондонских газет, в Европе множились другие разоблачительные сочинения, выводившие Калиостро мошенником и шарлатаном. Об этом пишет и В. Зотов: *"Вообще эти года (1786 и 1787) были самыми тяжелыми в жизни авантюриста. Против него поднялось много голосов, стало появляться множество обличений…"* В 1786–1787 годах увидели свет записки Элизы фон дер Рекке о пребывании Калиостро в Митаве; была написана брошюра графа Мощинского "Каллиостр, познанный в Варшаве…"; в Праге вышел без указания имени автора написанный Джакомо Джироламо Казановой "Разговор одинокого мыслителя с самим собой"; появлялись разоблачительные статьи в газетах Гамбурга, Берлина и других немецких городов; весной 1787 года Вольфганг Гете совершил поездку в Палермо, родной город Бальзамо, там встречался с его родней и провел собственное расследование прошлой жизни авантюриста, краткий рассказ о результатах которого впоследствии вошел во вторую часть его "Путешествия в Италию", а в 1791–1792 годах по следам этого путешествия написал комедию "Великий Кофта"; в Санкт-Петербурге ставились сатирические пьесы Екатерины II, высмеивающие незадачливого шарлатана Калифалкжерстона…

Но самым страшным разоблачением стало опубликованное французским министром Бретейлем краткое резюме по материалам досье французской полиции и показаниям свидетелей, неопровержимо доказывавшим, что граф Алессандро Калиостро и проходимец Джузеппе Бальзамо — одно лицо. В

основу публикации легли показания Серафины на первом допросе по делу об ожерелье в Бастилии в 1785 году. Достаточно привести несколько выдержек из этой публикации:

"Все собранные к сегодняшнему дню факты неоспоримо доказывают, что граф Калиостро, заключенный в Бастилию в 1785 году, является субъектом по имени Джузеппе Бальзамо, который в 1772 году прибыл из Англии вместе с женой своей, Лоренцей Феличиани.

Мадам Калиостро, также отправленная в Бастилию, является той самой Лоренцей Феличиани, с которой вышеуказанный Бальзамо в апреле месяце 1769 года обвенчался в церкви Сан-Сальваторе ин Кампо и которая в феврале месяце 1773 года на основании жалобы Джузеппе Бальзамо была заключена в исправительный дом Сент-Пелажи по причине ее любовной связи с неким, Дюплесси.

Так можем ли мы считать, что Алессандро Калиостро и Джузеппе Бальзамо — одно и то же лицо? Является ли человек, заточивший свою супругу в 1773-м, тем же самым субъектом, который в 1786-м яро ратовал за освобождение жены?

Давайте попробуем проверить. Мадам Калиостро родилась в Риме, и жена Бальзамо тоже урожденная римлянка; первая именовала себя Феличиани, и вторая тоже.

Жена Бальзамо вышла замуж в четырнадцать лет, и мадам Калиостро также вступила в брак, едва выйдя из детского возраста.

В своем "Мемориале" господин Калиостро заявил, что жена его не умеет писать; на допросе жена Бальзамо также сообщила, что не умеет ни писать, ни ставить роспись.

Но муж ее писать умеет: вышеуказанный Бальзамо дважды поставил свою подпись на записках, сохранившихся в архивах полиции. Я сравнил эти две подписи с одним из писем, написанных господином Калиостро в Бастилии; согласно заключению экспертов, почерк субъекта по имени Бальзамо идентичен почерку господина Калиостро.

А если мы вспомним, что господин Бальзамо говорил только по-итальянски, а господин Калиостро вразумительно изъясняется и пишет только на этом языке, что и тот и другой уличен в шарлатанстве, то вряд ли столь схожие характеры и похождения могут принадлежать двум разным лицам".

Тем ценнее стало для супругов Калиостро знакомство с театральным художником Филиппом Жаком де Лутербургом, завязанное, точнее, возобновленное в Лондоне и переросшее в искреннюю дружбу. Как предполагают, граф познакомился с этим уроженцем Страсбурга и увлеченным почитателем алхимии еще в

масонской ложе "Объединенные друзья" в его родном городе. Когда Калиостро явился в Лондоне, Лутер-бург успел прославиться как оформитель спектаклей в знаменитом театре "Друри-Лейн" и создатель собственного театра изобразительных и звуковых эффектов "Эйдофузикон". Художественный талант и изобретательские находки Лутер-бурга Калиостро впоследствии использовал для создания оптических эффектов с помощью зеркал и подсветки во время своих магических сеансов. Ещё по просьбе Калиостро художник написал восемь аллегорических полотен на тему инициации кандидаток в женскую адоптивную ложу Египетского масонства в Лондоне, которая, увы, так и не была создана, и картины Лутербурга остались невостребованными. Но именно общение с Лутербургом и его женой стало для Серафины единственной отдушиной после того, как супруг внезапно покинул Лондон в апреле 1787 года, оставив ее в одиночестве распродавать имущество и приводить в порядок расстроенные финансовые дела. Вместе с ними графиня отправилась в июне 1787 года в Швейцарию к мужу, проживавшему у еще одного верного друга — банкира Саразена, предоставившего гонимым свой гостеприимный кров.

Глава четырнадцатая
ЖИЗНЬ ПО ШВЕЙЦАРСКИМ ЧАСАМ

Его взор подавлял вас, уничтожал и полностью ускользал от ваших глаз. Это был идеальный тип чародея. Одна только форма черепа свидетельствовала о человеке необыкновенном […] но он был слишком склонен к паясничанью и шутовству; ему недостает величия…

Житель Бьена кальвинистский пастор Кристиан Готлиб Шмидт о Калиостро

Достигнув пика в 1786 году, кривая жизни Калиостро после Лондона пошла вниз, сначала плавно, затем все круче, сделав несколько зигзагов. Друзей, учеников и приверженцев становилось все меньше, доход от целительства и магических сеансов делался все скуднее, а характер магистра — все нетерпимее, заносчивее и несноснее. Былая слава улетучивалась, из ведущих мировых держав и больших блестящих богатых городов, столиц и центров мировой культуры Калиостро вынужден был перебраться в страны менее значимые и в провинциальное захолустье, да и там задерживаться надолго ему не дозволялось властями из-за его скандальной репутации. О его пребывании в Швейцарии и последующих странствиях В. Зотов пишет: "*Магик остановился в Базеле, где основал масонскую ложу, и работал с Лафатером над восстановлением "Нового Иерусалима" — мистической системы так называемого физического и морального вторичного рождения человека; в системе этой сомнамбулизм и магнетические пассы вели к спиритизму. Лафатер в своих сочинениях отзывается вообще о Калиостро как о великом человеке.*

В следующем году Калиостро был в Эксе (в Савойе), в Турине, из которого, тотчас по прибытии туда, получил приказание выехать, в Генуе и Вероне. В Вене его постигла та же участь, как и в Турине…"

После бесславного финала в газетных баталиях с Тевено де

Морандом Калиостро ухватился за предложение своего верного друга и бессменного кредитора Якоба Саразена переехать к нему в Швейцарию и поселиться неподалеку. Сначала местом жительства для четы Калиостро Саразен предложил Нёвшатель, ближайший к Франции (ее провинции Бургундии), но находящийся под протекторатом Пруссии кантон, где жители преимущественно говорили по-французски. Однако Калиостро эта идея не понравилась как раз из-за близости к Франции: он боялся, что станет легкой мишенью для французской полиции. Тем более что Пруссия отказала Калиостро в своем покровительстве. Поэтому остановились на городе Бьен (современный Биль/Бьен) в кантоне Берн, находящемся под контролем князя-епископа Базельского. Градоначальником в этом расположенном на берегу живописного озера маленьком, живущем размеренной провинциальной жизнью городке, который и поныне является центром производства нескольких самых известных марок славящихся своим точным ходом швейцарских часов, был Александр Вильдермет, брат хорошего друга Саразена, баннерета Якоба Сигизмунда Вильдермета. В Бьене Саразен приобрел для Калиостро и Серафины просторный дом с флигелем, а пока он строился и отделывался, до приезда Серафины из Лондона предоставил магистру несколько комнат в своем доме в Базеле. В одной из комнат для приезжего чародея была оборудована алхимическая лаборатория.

Верный Саразен познакомил Калиостро с друзьями и родственниками, именитыми горожанами Базеля: торговцем Буркхардтом, пастором Тушоном, профессором Брейтингером и своим зятем де Женженом. Есть сведения, что все они стали членами основанной Калиостро в Базеле ложи Египетского масонства, получившей название "Материнская ложа Гельвеции". Египетский антураж в этой ложе был сведен до минимума, а ритуал максимально упрощен. Чинные и спокойные собрания зажиточных бюргеров — членов ложи проходили в Белом доме Якоба Саразена. Здесь Калиостро не пытался поразить воображение братьев эффектными духопризывательными сеансами или магическими процедурами, его новые последователи были людьми гораздо более рассудочными и прагматичными, чем увлекающиеся французы или экспансивные итальянцы, и меньше верили в чудеса.

Зато все свято верили в учение своего земляка Иоганна Каспара Лафатера о том, что особенности строения лица человека позволяют безошибочно определить суть его характера и присутствие божественного начала, и в развиваемую его учеником и последователем, едва не затмившим учителя, теорию

венского врача и анатома Франца Пыля, называемую френологией, согласно которой можно определить характер и судьбу человека по строению его черепа. Для автора "Физиогномики" слова "вера" и "любовь" были тождественны, да и сам веривший в Калиостровы чудеса и его святость даже после скандального разоблачения мага в прессе цюрихский пастор был воплощением своих наивно-идеалистических взглядов. Недаром в самохарактеристике, которую Лафатер считал бес пристрастной, он говорил о себе: "*Главный его недостаток — доверчивость, он доброжелателен до неосторожности. Если его обманут двадцать человек подряд, он не перестанет доверять двадцать первому, по тот, кто однажды возбудит его подозрение, от него ничего уже не добьется…*" И многие его соотечественники вслед за ним не отделяли веру в Бога от доверия и любви к ближнему и были убеждены, что главными для людей ценностями являются идеи дружбы, любви, единения и гармонии. Для распространения этих идей среди конфедератов в 1762 году было образовано патриотическое "Гельветическое общество", которое объединяло в своих рядах как протестантских, так и римско-католических деятелей и мыслителей по всей Швейцарии. Входил в это общество и Якоб Саразен, который предложил принять в него графа Калиостро и с этой целью в конце мая 1787 года повез своего гостя на собрание общества в Ольтен. Калиостро же надеялся привлечь в свою египетскую ложу неофитов из числа членов "Гельветического общества". Но общество отклонило инициативу Саразена, и никто не выразил желание вступить в Калиострову ложу.

Следуя рекомендациям мага, Якоб Саразен еще в период первого приезда магистра к нему в гости в Базель затеял в окрестностях города строительство трехэтажного деревянного дома, который должен был стать павильоном для духовного и физического возрождения, проводимого по методу Калиостро каждые 50 лет. Теперь этот павильон был построен и даже немного обветшал, так что после небольшого ремонта в нем можно было начинать мистическое перерождение и обновление духовной и физической природы, целью которого ставилось достижение первозданной чистоты и божественной непорочности человека — всего того, что в системе мистико-философских взглядов Лафатера символизировалось духовно-этическим понятием "Нового Иерусалима".

Простодушный Саразен понял инструкции Калиостро буквально, но Элифас Леви развенчивает его заблуждение: *"Великий Копт дал следующие правила морального перерождения: "Ты должен подняться на гору Синай с Моисеем; ты должен пройти*

Голгофу; ты должен подняться на Фавор и с Илией остановиться на Кармеле. Ты должен воздвигнуть свою молельню на вершине горы. Она должна иметь три крыла или помещения, все они должны быть связаны вместе и в центре иметь три этажа. На первом этаже должна находиться трапезная. Над ней должно быть помещение с двенадцатью ложами у стен и одним в центре; это будет место сна и мечтаний.

Верхняя комната должна быть квадратной и в каждой стене иметь по четыре окна. Это будет комната света. Там, в одиночестве, ты должен молиться сорок дней и спать сорок ночей в спальне двенадцати учителей. Затем ты должен получить подписи семи гениев и пентаграмму, нанесенную на кусок девственного пергамента. Это знак, не известный никому другому, спасет получившего его. Это тайный символ, написанный на белом камне, упомянутом в пророчестве самого молодого из двенадцати мастеров. Твой дух осветится Божественным огнем, и тело твое станет чистым, как тело ребенка. Твоя проницательность будет беспредельной, и возрастет твоя сила, ты должен войти в абсолютное спокойствие, которое меняется началом бессмертия; для тебя станет возможным сказать правдиво и без всякой гордыни: "Я есмь тот, кто есть ".

Эта загадка означает, что для достижения морального перерождения трансцендентная Каббала должна изучаться, пониматься и реализовываться. Три помещения символизируют союз физической жизни, религиозного вдохновения и Философского света; двенадцать мастеров — это великий от крыватель, чьи символы должны быть поняты; подписи семи гениев означают зрение Великого Аркана. В целом — это все аллегорично и относится к вопросам строительства не более, чем постройка масонами храма в Иерусалиме".

К приезду Серафины и сопровождавших ее Филиппа и Люси Лутербург дом в Бьене был полностью готов, и по приглашению Калиостро художник с женой, с которой Серафина очень сдружилась, поселились во флигеле этого дома. В доме у Калиостро тоже была оборудована лаборатория, более того, Саразен договорился с одним из почтенных бьенских аптекарей, что тот будет помогать Калиостро в составлении лекарственных снадобий, омолаживающих эликсиров и настоек. Лутербург же надеялся глубже проникнуть в алхимические секреты и если не постигнуть тайну изготовления золота, то хотя бы приблизиться к таинству Великого Делания…

Но этим планам не суждено было сбыться. В Лондоне Филипп Лутербург одолжил бедствовавшей Серафине довольно значительную сумму денег, но в Бьене выяснилось, что ее муж не

собирается возвращать долг, поскольку практически не получает дохода ни от врачевания, ни от магии, ни от масонской деятельности. И в алхимические тайны Лутербурга тоже посвящать не торопится. Вдобавок жены взаимно обвинили мужей друг друга в домогательствах. Оскорбленный художник сначала начал рисовать карикатуры на Калиостро-лекаря и распространять их по городу, отбив у целителя последнюю клиентуру, а потом и вовсе подал против него иск. Калиостро в долгу не остался и подал ответный иск, а затем и жалобу в магистрат на то, что обитавший во флигеле Лутербург якобы грозил ему убийством. После этого художник почел за лучшее переехать в дом бургомистра. Оттуда Лутербург послал Калиостро вызов на дуэль, а чародей в ответ, как и прежде в других городах, предложил дуэль на ядах. В конфликт оказались втянуты бургомистр с братом, которые заняли позиции по разные стороны баррикад. Саразену с трудом удалось примирить два противоборствующих лагеря, частично возместив Лутербургу долг графа Калиостро, однако суд решил дело в пользу Лутербурга, и когда Саразен стал уговаривать мага вернуть оставшуюся часть долга, неуступчивый граф в самых резких выражениях обвинил его во всем и довел свои отношения с Саразеном до ссоры. Заодно от Калиостро досталось и жителям Бьена, которые были возмущены сутяжничеством и недостойным поведением незваного гостя с подмоченной репутацией и больше не хотели видеть его в своем городе.

Калиостро ничего не оставалось делать, как покинуть Бьен. В конце июля 1788 года под предлогом того, что страдавшей от болей в суставах Серафине необходимо поправить здоровье на водах, супруги уехали в соседнюю Савойю в курортный город Экс-ле-Бен.

Глава пятнадцатая
ИЗГНАНИЕ ИЗ САРДИНСКОГО КОРОЛЕВСТВА И "ЕВАНГЕЛИЕ ОТ КАЛИОСТРО"

…Субъекта сего сторонники считают необычайно ученым именно потому, что стоит ему заговорить, как он предстает совершеннейшим невеждой. Сей субъект убеждает, хотя и не владеет ораторской речью ни на одном из языков. Его понимают, потому что он ничего не объясняет. Не давая возможности усомниться в его умении проделывать вещи невероятные, он обещает то, чего не может быть. Он не был бы столь богат, если бы ему не давали деньги все те, чьи недуги он временно облегчил при помощи экстракта Сатурна. Персону его считают очень знатной, ибо он груб в речах и неотесан в манерах. Его считают искренним по причине его необычайного сходства с обманщиком. Говорят, никто не знает, что представляет из себя этот человек, ибо те, кто его знают, говорят лишь малую часть того, что рассказал я вам…

Джакомо Казанова о Калиостро в своем анонимном труде "Разговор мыслителя с самим собой"

Говорят, что вынужденный досуг во время заключения о Бастилии жена Калиостро употребила на то, чтобы овладеть грамотой. Теперь она могла переписываться с родителями и жаловаться им на свою судьбу, и добрые католики, никогда не одобрявшие брак дочери, звали ее бросить постылого злодея-

мужа и вернуться домой, в родной Рим. Серафина, втайне давно мечтавшая оставить мужа, принялась уговаривать его вернуться в Италию.

Может быть, под влиянием уговоров жены, может быть, опасаясь преследования полиции, а может быть, будучи выслан по распоряжению властей предержащих, Калиостро с женой, не пробыв в Экс-ле-Бене и месяца, в конце августа 1788 года переехал оттуда в Турин. Тут его настигло повеление короля Сардинии Виктора Амадея III в 24 часа покинуть Турин и пределы Сардинского королевства. Владыка Сардинии и герцог Савойский состоял в тесном родстве с королевским домом Франции: его старший сын и будущий наследник престола был женат на сестре царствующего монарха Людовика XVI Бурбона, старшая дочь Мария Жозефина была выдана за одного из его младших братьев — графа Прованского, будущего Людовика XVIII, а следующая по старшинству дочь Мария Тереза — за другого следующего по старшинству брата Людовика XVI графа д'Артуа, будущего французского короля Карла X. Как только бдительно следившая за перемещениями Калиостро французская полиция донесла о его въезде в Савойю, из Парижа в столицу Сардинского королевства Турин была направлена депеша, в которой среди прочих содержались следующие строки: *"Мы имели возможность собрать документы, относящиеся к господину Калиостро, и в них мы нашли доказательство того, что с юных лет он вел преступную жизнь; что медицину он специально не изучал, кроме нескольких месяцев, проведенных в монастыре Милосердных братьев; что всюду, где он появлялся, он использовал самые низменные и достойные порицания способы получения средств к существованию. С глубокой признательностью король узнал, что Их Величество король Сардинии, принимая во внимание поведение оного Калиостро во Франции, исполнен решимости запретить этому мошеннику пребывание на территории его государства*".

Виктор Амадей III. Неизвестный художник

Проехав через Милан, Геную, Парму и Верону, нигде подолгу не задерживаясь, в конце сентября Калиостро приехал в Южный Тироль, который ныне является провинцией Италии Трентино — Альто-Адидже, а в то время входил в Австрию, где правил брат французской королевы Марии-Антуанетты император Иосиф II Габсбург, и остановился в маленьком городке, который в те времена назывался по-немецки "Rovoreit" или "Rofereit", по-итальянски (на диалекте области Тренто) "Roveredo", а сейчас именуется "Роверето". О его жизни в тех краях пишет В. Зотов: *"В 1788 году Калиостро был в Тироле. Об этом пребывании говорит вышедшая в том же году брошюра Ваннетти: "Liber memorialis de Caleostro dum esset Roborati"; кроме того, в издании "Journal von und fur Deutschland" (7—12 стр.) помещена верная оценка фокусов матка в Ровередо, откуда его также вскоре выслали по приказанию правительства. Немецкий путешественник описывает беседы Калиостро в кругу своих поклонников, удивляясь бесстыдному хвастовству шарлатана и глупой доверчивости его слушателей. При нем авантюрист рассказывал, как он низвергнул министерство во Франции и передал власть своему другу Некеру, как он открыл королю глаза, научил парламент исполнять свои обязанности; как однажды, в большом собрании, человек, осмелившийся упрекать его в обманах среди всех присутствующих, на половине своей речи упал и умер; как, наконец, бывши в Берне, он предлагал правительственному совету, посредством уксуса и*

селитры, растопить швейцарские ледники, чтобы добыть скрытые в горах золото и серебро. И слушатели благоговейно внимали этой галиматье и удивлялись неразумию бернского совета, не согласившегося на такое выгодное предложение матка. Только один из присутствующих заметил, что совет имел основание не принять предложения, так как растопившиеся ледники произвели бы наводнение в Швейцарии. На это логическое замечание Калиостро не нашелся ничего ответить, кроме несколько раз повторенного: "ah non! non!", и продолжал рассказывать о своих благодеяниях, удивительных лечениях, о том, как герцоги и принцы встречали его с уважением, по освобождении из Бастилии, как все знатные и даже владыки искали его благосклонности, как он отказался поцеловать руку даже у русской императрицы, потому что не целует рук у женщин. Недолго пришлось ему, впрочем, рассказывать подобные нелепости. Получив запрещение лечить больных, он уехал в Триент, но и там остался недолго, говоря, что "маленькие городки не созданы для великих людей". На самом деле Иосиф II дал строгое предписание — выслать шарлатана из австрийских владений. Плохо приходилось ему: давно уже не вел он роскошную жизнь, и если поношенный костюм его блестел сомнительными бриллиантами, более походившими на стразы, то драгоценные перстни на пальцах были еще сомнительнее. Он пробовал съездить в Венецию, но и там не имел удачи. Все большие города были ему закрыты, помощи было ждать неоткуда".

Благодаря пересказу Зотова мы получили представление о публикации неназванного немецкого современника, где он описал свои впечатления о встрече с Калиостро в Роверето. Но многие подробности этой публикации со всей очевидностью были почерпнуты автором из небольшой книжечки жителя Роверето Клементино Ванетти, которую он назвал "Liber memorialis de Caleostro cum esset Roborcti", что примерно переводится как "Книга памятная о Калиостро, что пребывал в Роверето". Согласно этимологии, латинское название города Роверето (Roboretus) происходит от латинского Roborem и является производным от того же корня, что имеется в имени Robur: прочность, долговечность, надежность. В топонимике области Романья roboretum означало "дубрава", дубовый лес, состоящий из распространенного в гористых районах Европы дуба скального — породы деревьев довольно приземистых, высотой меньше обычного дуба, зато с раскидистой кроной и очень твердой древесиной, отличающейся особой прочностью. Этот дуб изображен и на гербе города в обрамлении дубовых ветвей вкупе с латинской строкой: "Magno cum robore quercus ingentes tendet ramos", что означает "С мощью великою дуб ветви широко

раскинул" и является несколько измененной цитатой из книги третьей "Георгик" Вергилия. О самом же Ванетти известно, что он получил образование в области классической филологии, великолепно владел латынью, был поклонником классицизма Горация, специалистом по творчеству Данте Алигьери и литературе эпохи Возрождения, и к моменту прибытия Калиостро, когда ему было 33 года (возраст Христа), был автором "Диалогов", романа в новеллах в духе "Декамерона" Боккаччо и патриотических стихов, в том числе сонета "Мы итальянцы, не тирольцы".

Сей молодой человек написал на латыни составленную по рассказам очевидцев полуироническую хронику полуторамесячного пребывания Калиостро в ничем не примечательном провинциальном городке, стиль изложения которой не то воспроизводит, не то пародирует Евангелие. Исследовательница биографии Калиостро Елена Морозова приводит с некоторыми сокращениями текст этого любопытного произведения, который получил известность как "Евангелие от Калиостро". Мы помещаем здесь эти выдержки:

"*1. На восьмом году правления императора Иосифа Калиостро с супругой прибыли в Роверето. И было это примерно семь часов вечера. И говорит одни, что прибыл Антихрист, а другие — что волшебник, и обе партии спорили друг с другом. Он же смеялся над обеими сторонами и говорил: "Не знаю, кто я есть, но я знаю, что я исцеляю страждущих, просветляю усомнившихся и даю деньги несчастным. Обо мне написано множество глупостей и лжи, но никто не знает истины. Однако когда я умру, все дела мои станут известны из записок, кои я оставлю после себя* ".

И вот опустилась ночная мгла, и собралось множество людей, и стали они задавать ему вопросы. А утром он принимал больных и давал им советы. Но многие его очень боялись. Батист, брат Николя, Элуа и другие увели его к себе домой, но дома у них на окнах были решетки, и он закричал, что сие есть Бастилия, и убежал оттуда. И стал жить в гостинице.

2. К нему приходили страждущие, и он давал советы, лекарства и немного денег для приобретения нужных снадобий. Пошли слухи, что он пророк и прибыл даровать милосердие. Но многие сомневались и ждали результата.

3. И вот, недужный господин преклонных лет, имевший застарелую мочекаменную болезнь, получил от Калиостро желтый порошок, и у него начала отделяться светлая моча, и почувствовал он себя хорошо. Врачи же бросились листать книги, дабы найти тому объяснение. Из окрестностей Вероны привели женщину с раком груди. Тогда Калиостро созвал медицинский

совет, и все врачи подтвердили, что спасти женщину может только операция. Калиостро же сказал: "Я никогда никого не уродовал ножом ". И он изготовил пластырь и дал женщине. И жена Калиостро перевязала ту женщину так, как требовалось. И женщина спросила: "Как долго надо пробыть мне в этом городе, дабы ты меня вылечил?" Калиостро ответил: "Некоторое время". "Тогда как мне быть? — спросила она. — У меня нет денег, чтобы попасть в больницу". Калиостро рассердился и сказал: "Иди к трактирщику, я все оплачу". И трактирщик поселил ее и кормил обедом даром. А через день все увидели, что женщина весела и здорова.

4. Однажды Калиостро сказал врачу, лечившему тяжелобольного: "Ты делаешь все для того, чтобы больной платил тебе. Я же сделаю так, что в течение десяти лет смерть не посмеет приблизиться к этому больному. Ибо мне подчиняется Вселенная". Узнав о словах Калиостровых, больной чрезвычайно приободрился.

Калиостро был знаком с одним важным чиновником, и оный чиновник встречал Калиостро за границей, и видел его часто, и был вхож к нему в любое время. И все этого чиновника спрашивали: "Ты близко знаком с Калиостро и можешь поведать нам истину". — "Спрашивайте, и я скажу". — "Правда ли, что Калиостро ужинал с Христом?". "Правда ли, что он пил то вино, которое Христос сделал из воды? " "Об этом я не знаю, — отвечал чиновник, — но точно знаю, что родился он задолго до Христа". Ивсе смеялись. А потом заспорили: Калиостро — магометанин или иудей? А так как спорщики не унимались, Калиостро спросил: "Зачем вам знать об этом?"

5. Пришли письма из Милана, и говорилось в них, что Калиостро в настоящее время находится в этом городе. И люди спросили: "Как может он находиться одновременно в двух местах сразу?" И им ответили: "Должно быть, один из тех, о ком идет речь, не Калиостро". Калиостро же был в Роверето и пользовал недужных, а когда в его лечении сомневались, он говорил: "Я вам прощаю, ибо вы не знаете меня". А жена его говорила: "Муж мой лечит от всего, кроме смерти".

У жены его не было ни служанок, ни горничных, но она каждый день употребляла пять капель эликсира красоты, очень известного в Англии, где Калиостро открыл секрет его изготовления двум дочерям некоего офицера; этот секрет стал приданым оных дочерей. Если смешать пять капель сего эликсира с хорошей туалетной водой и протереть полученным раствором лицо, то оно становится белоснежным и румяным.

И Калиостро вел разговоры с вранами, и говорил: "Любая

болезнь имеет в основе своей одну из двух причин: загущение лимфы в нашем теле или порча гуморов в оном же". И говорил он на итальянском и французском языках, а также на некоем языке, среднем между этими двумя.

И в словах его заключалась великая сила. Многие женщины приходили к нему и рассказывали о своих болезнях. Но никто не знал, сколько времени он пробудет в этом городе. В городе же была девушка-лунатичка, она кидалась на людей и кусалась, и ее никак не могли доставить к Калиостро. Тогда Клиостро сам пришел к ней и изгнал из нее дух болезни.

6. Каждый день возле дома, где он жил, толпились больные, которых приводили и приносили ему отовсюду. И врачи в этом городе стали просить магистратов запретить ему лечить. Ибо согласно закону запрещено лечить тому, кто не имеет специального диплома, выданного медицинскими властями, коих назначил Император. Магистраты собрались и решили запретить ему лечить и пригрозили ему. Но Калиостро не испугался и сказал: "Я всегда назначал всем лекарства только в присутствии врана. А те, кому я прописал лекарства, чувствуют себя лучше, и всем об этом известно. И я всегда предупреждал, какое действие может оказать мое лекарство. И никогда никого к себе не приглашал. Но если люди приходят ко мне, не прогонять же их? Я ни у кого ничего не просил и не принимал никаких подношений". И народ стал выступать в его защиту, и собрание постановило оставить его в покое. Однако Калиостро решил перебраться на другой берег, в Виллафранка. Тамошние власти обрадовались ему и хотели устроить пир в его честь, но Калиостро отказался. И в ту же ночь к нему на прием пришел больной консул.

7. Калиостро находился в доме консула Гаспара, и пришли туда мужчины и женщины благородного рождения, и собралась огромная толпа в вестибюле, и он говорил. Потом взял за руку человека, давно страдавшего головокружением и лихорадкой, и вошел с ним в маленькую комнату, и там пригласил его сесть. И быстро распознал его болезнь, и сказал, что его муча ют черви. И обещал вылечить его.

8. И все признали за чудо, когда он вылечил солдата, пролежавшего пять месяцев с опухшими ногами и болями в суставах. А причиною болезни сего солдата явилась чума, которую привезли с другого конца света люди невоздержанные, и чума стала карою за плотскую жадность. Калиостро же, видя, что с каждым днем к нему приходит все больше людей, пораженных этой болезнью, печалился и говорил: "Столько больных не видел я даже в Париже и Константинополе. Горе вам, ибо сладострастие поразило вас и ваших детей". И сказал он, что малые города более

подвержены разврату и мирским удовольствиям, нежели большие, и от этого люди в них умирают.

Сам он ел мало, спал в кресле, подложив под голову подушку. Когда к нему приводили больных из больниц, он не брался их лечить, а говорил: "Указания мои все равно выполнены не будут, а средства мои не позволяют забрать их из больницы совсем, а посему отправляйте их к врачам обратно". Но были врачи, кои слушали его внимательно и записывали за ним рецепты очистительных средств. На тех же, кто подстрекал против него, он не гневался, а говорил: "Никто не может творить добро, не нажив себе завистников. Милосердие делает человека подобным Богу, воздает добром за зло и может избавить род человеческий от несчастий ". И он долго говорил о том, что в Англии, Франции и России ему пришлось страдать за то, что он делал добро другим.

9. Прошел слух, что у него есть напиток, возвращающий людям молодость. На это он ответил: "Не доверяйте лжи, не заблуждайтесь на мой счет". Некая знатная синьора, скрыв свое имя, пригласила его к себе и посулила заплатить за визит. Он возмутился и не пошел, сказав, что, пока повязка не спадет у нее с глаз, она его не увидит.

Многие хотели знать, ходит ли он по воскресеньям в церковь и к причастию, равно как жена его и слуги. Но не узнали, и одни говорили, что да, другие же, что нет. Он же, когда отсылал больных, делал знак креста. А когда солдат, пролежавший пять месяцев, выздоровел и стал благодарить его, он отправил его молиться в церковь и благодарить Бога за исцеление. Но многие не верили, что это он исцелил солдата, и кричали: "Он обещал изгнать червей за три дня, а до сих пор не изгнал! "

10. Однажды Калиостро рассказал, что, когда его неправедно привлекли к суду в Лондоне, он встал перед судьями и воскликнул: "Как верно, что Господь существует, так верно, что один из нас, тот, кто сейчас лжесвидетельствовал, падет мертвым". И длань Господня опустилась на его обвинителя, и тот упал мертвым. Тут Батист, с коим он говорил, сказал своему другу: "Уйдем, он над нами смеется и злоупотребляет нашей доверчивостью".

И снова люди стали его спрашивать: кто он? откуда он пришел? почему слава его распространилась по всему миру? Многие хотели узреть доказательства, что он исцеляет любых больных. У него нет доказательств? Значит, он просто ездит по миру, швыряет золото и говорит вещи непонятные и мрачные. Что ж, таким манером любой может придать себе значительности. Пусть он публично исцелит кого-нибудь, от кого отказались врачи, и мы ему поверим.

Были таковые люди, что говорили: "У него есть отличное

лекарство против лихорадки, и он уже многих исцелил". Но многие сомневались, надолго ли хватает его лечения? И Калиостро перестал лечить людей из Роверето и окрестностей, а стал лечить только чужестранцев, тех, кто прибыл издалека. Причиною тому стал слух, что префект ему запретил заниматься медициной. Калиостро же сказал, что городок сей проклят, ибо здешние газетчики оклеветали его, и без оснований. "Вот почему более не буду я являть таланты свои среди вас. Я пойду далеко, и там буду вызволять детей из когтей смерти и возвращать их родителям, и слава окутает одежды мои, и матери увенчают меня розами и умастят мои волосы, а старцы станут петь мне хвалу вместе с юношами. И ненависть не будет точить свой яд". Многие обрадовались, что он покинет их город, ибо на лице каждого читал он тайные пороки, потому что был он физиогномист и метопоскопист. Когда же больные возвращались к нему и говорили, что улучшений нет, он отвечал, что не имеет крыльев, дабы слетать на другой конец земли и достать нужное лекарство. И, закрыв дверь, уходил к себе и писал по-арабски или по-французски.

11. Не проходило и дня, чтобы к нему не приходили больные. И вот пришла девочка, дочь Помпея, судьи из Сите. Звали ее Элизабет. Она часто падала, у нее шла пена изо рта, и она дергалась в конвульсиях. Калиостро велел ей принимать рвотное и отослал. Это же средство он прописывал благородным истеричным дамам из Германии. В Страсбурге повелели исполнить скульптурное изображение его, а подписью служили стихи на французском языке.

Одной германской княгине он портрет свой подарил и сказал: "Это я, и пусть я буду все время с вами ". И толпа, видевшая это, возроптала: Юн творит чудеса там, где мы их не видим. Пусть он сотворит их здесь!" Но он не смог. Некоему глухому врачу Калиостро вдул лекарство в уши и пообещал, что через три дня тот все будет слышать. Однако через три дня врач по-прежнему объяснялся жестами. Тот, у кого был почечный камень, сказал, что ему стало еще хуже и ежели бы его раньше так лечили, он бы уже отправился к праотцам. И отныне все стали презирать мнения и суждения Калиостро. И говорили, что жена его вовсе не жена, а помощница в жульничестве. А еще она не ходит к причастию, потому что боится потерять колдовские способности. В праздники же она не причащается, потому что боится уйти из дома, ибо там полно драгоценностей и может забраться вор. А сам Калиостро, хотя и говорит, что получил отпущение от князя духовного, не ходит к причастию, потому что не смеет думать о божественном! Сегодня он выгнал слугу, служившего ему 15 лет, за то, что тот собрал деньги у посетителей и не вернул ему. Но на

самом деле он потом эти деньги у слуги забрал.

Однажды Калиостро вместе с женой обедал у главы местных масонов. И было с ним несколько учеников. На сем обеде присутствовал знатный господин, пожелавший пройти посвящение. И этот господин дал 300 золотых и стая тенью ходить за Калиостро днем и ночью. Но тот отвечал: "Надо, чтобы трое гроссмейстеров встретились вместе, только втроем дозволено принять неофита ".

Калиостро написал письма, и все, кто надо, прибыли. Господина приняли и разъяснили ему составные части доктрины. Потом соорудили стол пиршественный, и Калиостро сел вместе со всеми. Женщины тоже сели вместе с ними. И все говорит допоздна, и всем было любопытно. А потом люди сказали, что видели, как собравшиеся пили кровь, и видели горящие кресты и обнаженные шпаги. И после того прослыл Калиостро за продолжателя обычаев египтян и фесмофориев, что участвовали в Элевсинских мистериях. Когда же все из-за стола встали, неофит остался, а чужестранцы приглашенные бежали прочь. Изгнанный же слуга сказал: "Я буду не я, если не стану таким, как господин мой!" И начал продавать микстуры, кои делал тайно, опасаясь своего хозяина. Калиостро же никуда не ходил, а лечил человека, в чьем доме он жил. Он лечил его, потому что тот прибыл из Тренто больным.

12. Однажды Калиостро спросил у какого-то человека, не хотел бы он присоединиться к иллюминатам. Но человек сей отказался, ответив, что не желает видеть свет, в лучах коего можно либо узреть все, либо ослепнуть от яркости сего света, и предпочитает пребывать в сумерках, хотя в них и не все можно разглядеть. Еще он привел многие иные доводы, исполненные мудрости и горечи. И одни люди, слышавшие эту беседу, говорили: "Калиостро, наверное, франкмасон, призванный исцелять недуги мира, и щедрость его исходит из масонских сундуков ". Другие же люди говорили: "Если бы масоны действительно были столь щедры, они бы прислали другого человека, который бы не обольщал напрасной надеждой. А этот человек раздает милостыню и бесплатно лечит, но делает это для того, чтобы, найдя богача, заработать в сто раз больше. Он делает все, чтобы его считали посланцем властей небесных и врачом, исцеляющим все болезни".

Однажды один священник сказал Калиостро: "У меня такая-то болезнь. Можешь ли ты исцелить ее?" И тот ответил, что может. Тогда священник вновь обратился к Калиостро: "Дай мне лекарства против будущих болезней". Калиостро ответил: "Если бы я пришел к тебе за отпущением грехов, ты дал бы мне отпущение. Но если бы я стал просить у тебя отпущение за грехи

будущие, разве ты дал бы мне его?" И священник ответил: "Нет". Однажды некая знатная дама попросила Калиостро вылечить ее от глухоты. Он обещал вылечить, если она станет соблюдать поставленные ей условия, а именно: если ей станет лучше, она напишет об этом в газету, а если хуже — тоже напишет. При этом разговоре присутствовал хозяин дома, где в то время проживал Калиостро, и он радовался за Калиостро.

13. Некий высокопоставленный чиновник ненавидел Калиостро и злословил о нем на каждом углу. И спросил он о Калиостро у молодого человека, который написал эту книгу, и тот молодой человек ответил: 'Не мне судить о человеке, о котором каждый думает по-разному". "Даже ты не знаешь, что сказать! — упрекнул ею чиновник. — А ведь глупцы и слепцы уверены, что он приносит пользу своему ближнему. Но я утверждал и утверждаю, что Калиостро всегда всем приносил только вред. И все же к нему продолжают приезжать люди со всех концов, а когда они возвращаются после его лечения, то им становится еще хуже".

Сам Калиостро рассказывал, как пришел к нему однажды больной епископ и попросил исцелить его. "И я сказал ему, что он исцелится, ежели переспит с девственницей. Она возьмет его болезнь на себя, и он будет здоров". Епископ созвал совет, и совет решил дозволить ему переспать с девственницей, ибо речь шла о здоровье епископа. И епископ это сделал и выздоровел. Девица же заболела, но Калиостро ее вылечил.

Тут вышел эдикт императора, запрещавший Калиостро лечить и давать советы по лечению. И все забили в ладоши и закричали: "Да здравствует король! Он наш господин, и он по доброте своей защищает нас". Почти всем же больным, которые лечились у Калиостро, стало хуже. И кто-то переставил буквы в имени Калиостро, и получился ложный Христос, который обманом пытается присвоить себе славу Божью. Однако людям разумным такие наговоры показались глупыми. Жена Калиостро вместе с капелланом пошла к мессе и, преклонив колена, всю ее отстояла, а потом другой священник дал ей почитать Деяния апостолов и сочинения пророков и радовался, слушая ее разумные рассуждения об этих книгах. Ибо она отвергала зло, посеянное так называемыми философами, процветавшими во Франции, и отвергала современные научные труды, но много размышляла над Писанием. Она сказала: "В этом городе мы исполнили нашу миссию, теперь едем в другой, где продолжим являть нашу милость сыновьям Адама ". И еще многое говорит она о планах мужа. Слуга, которого уволили, утверждал, что притирания он продавал с согласия Калиостро, и тот потом забирал деньги. И люди не хотели, чтобы сын кучера как они называли Калиостро — их

обманывал. Правда, одни говорили, что он сын художника, другие — что он роду благородного, вырос и воспитан в Аравии. Калиостро же прятался от почестей. Но многие были уверены: "Если бы в Париже не было дела об ожерелье, мы бы ничего о Калиостро не узнали ".

15. Незадолго до того, как ему запретили заниматься медициной, Калиостро пожелал продать фармацевту свое лекарство против эпилепсии и назвал высокую цену, ибо, по словам его, ему нужны были деньги, дабы он мог отдохнуть после страданий, причиненных ему в Париже. Но люди отговорили аптекаря, потому что думали, что, получив деньги, Калиостро затянет в свою сеть еще больше людей.

Пришел к Калиостро горбун и попросил избавить его от горба. Калиостро сказал: "Положи на горб клинок весом в четыре фунта и каждый день спи на нем в течение шести часов, и через девять дней горб сойдет". А так как рядом был врач, то Калиостро улыбался. После того как император запретил Калиостро лечить, тот разговаривал только с друзьями и дарил им сокровища из сокровищницы своих знаний. Он говорил им: "Если у кого-то есть недолеченный сифилис, я могу вновь возбудить болезнь, не заставляя страждущего спать с зараженными женщинами, а потом вылечу его навсегда. Итак, если вы не боитесь за душу, а опасаетесь только за тело, то идите и веселитесь. Одни лечат сифилис ртутью, другие ядом, но я так не лечу, ибо от такого лечения потом станет еще хуже". Однако когда искали среди его лекарств, нашли ртуть.

Еще он с гордостью сообщал, что может изгнать из почек камень любой величины. Когда его спрашивали, как он это делает, он отвечал, что это его секрет. Еще он хвалил изобретенное им противоядие. Он говорил: "Я часто принимал яд на глазах у моих друзей, и они уже собирались оплакивать меня, но я принимал противоядие собственного изготовления и всегда оставался в живых". А еще он рассказывал: "Врач русской Императрицы возненавидел меня, ибо я уличил его в невежестве, и он явился ко мне требовать сатисфакции. Тогда я сказал: мы оба врачи, и я предлагаю нам обоим избрать оружием пилюли с мышьяком. Я проглочу вашу ядовитую пилюлю, а вы — мою, а потом каждый примет свое противоядие. Тот, кто умрет, того назовут свиньей". О вызове этом рассказали Императрице, и она призвала Калиостро к себе. Тот же сказал: "Ваше Величество, дозвольте мне открыть вам истину: ваш врач, хотя вы и сделали его капитаном, настоящая свинья". Тогда Императрица посоветовала Калиостро не принимать вызов недостойного человека, а самого Калиостро удалила с глаз долой.

Калиостро много говорил об алхимических арканах, говорил, что может сделать золото жидким как ртуть, а потом снова превратить его в твердый материал. Когда он был в Швейцарии (где жители Берна, зачарованные его речами, сделали его своим гражданином), он сказал швейцарцам: "Ваши горы покрыты толстым слоем снега, но в недрах этих гор много золота, серебра и хрусталя. Если вы позволите мне в течение десяти лет получать доходы с этих сокровищ, я растоплю льды и добуду эти сокровища". "Нет, — ответили швейцарцы, — мы не хотим, чтобы вы тратили на такое предприятие деньги и время". Какой-то человек же поинтересовался: "Как вы станете растапливать льды? " И Калиостро ответил: "С помощью уксуса". Тогда тот человек сказал: "Но, быть может, швейцарцы боятся, что льды, растаяв, обрушатся вниз и смоют их города". И Калиостро ответил: "В Швейцарии много озер, так что воду можно направить в эти озера".

Желая развлечь слушателей, Калиостро рассказал, как однажды ему понадобилась в помощницы женщина — не девственница, не куртизанка и не замужняя. "Я встретил хорошенькую девушку и сказал, что мне нужна в помощницы девственница и я буду ей хорошо платить". "Я девственна", — ответила она. "Нет, мне нужна девица, познавшая мужчину", — быстро переменил я мнение свое. Девица покраснела и ответила: "Я вас обманула: я познала молодого человека. Я очень хочу получить место вашей помощницы". И все смеялись над этой историей.

Калиостро получал много писем и, когда читал их, часто говорил жене, что Провидение карает врагов его и возвышает друзей. По первому зову его жена бежала в дом, и волосы ее развевались по ветру. В молодости она превосходила красотой всех прочих женщин.

Все, что сказано было выше, автор посчитал нужным сообщить о Калиостро. Тогда какой-то человек спросил у него, не насмехается ли автор над Евангелием. И тот ответил: "Нет, ибо я не привожу цитат, не насмешничаю и не ссылаюсь. А слова — они те же и в священных текстах, и в светских разговорах. Разница заключается в том, как мы эти слова расставляем. Слова наши подобны кирпичам, из которых можно построить и храм, и простое жилище".

16. Калиостро перебрался на другой берег реки и начал вести прием. И люди специально приехали туда к нему, чтобы не нарушать повеления императора. Осмотрев всех, он с ними попрощался, вернулся, быстро собрал багаж и через два дня, 11 ноября 1788 года, уехал в Тренто.

Случилось это в четверг, на сорок седьмой день его пребывания

в Роверето. Он сел в экипаж, по тут к нему подбежал тот самый слуга, которого он прогнал. Слуга хотел пожелать ему счастливого пути. Но Калиостро простер к нему руку и сказал:

"Уйди, ты самый плохой слуга на всем свете". И обернувшись к тем, кто случайно оказался рядом, он произнес: "Скажите гражданам Роверето, чтобы они простили служителю своему, если он не смог исполнить желание каждого ".

Лицо у Калиостро было весьма приятное, сам он был росту среднего, с сильной и мускулистой шеей. И хотя он был толст, ходил он быстро и никогда не стоял на месте. Кожа его цвет имела свежий, волосы были черные, глаза глубоко посаженные и блестящие. Когда он говорил голосом вдохновенным, возведя очи к небу и величественно поманая руками, казалось, что вдохновение нисходит на него свыше. Одежды его всегда были чисты, но не роскошны, беседа приятна. Говорят, в Тренто его приняли очень хорошо. Но в Роверето многие порядочные люди тому не поверили. Сей человек очень противоречив, настоящая загадка, а потому о нем суждение можно будет вынести только в конце его жизни, тогда станет ясно, кто он и что из себя представляет".

Эта книга была издана в Париже в 1910 году в переводе с латыни на французский язык Марком Авеном, французским исследователем герметизма и автором нескольких работ о Калиостро, снабдившим ее предисловием и комментариями, и затем труд Авена несколько раз переиздавался. К сожалению потомков, обстоятельства последних лет жизни Калиостро были таковы, что либо не позволили ему осуществить его намерение оставить записки, либо, если граф все-таки написал мемуары, то они были конфискованы или уничтожены его судьями-инквизиторами. Отчасти поэтому не только при жизни магистра, но и на протяжении двух последующих столетий загадка его личности так и не была разгадана, а суждения о нем так и остались противоречивыми и подчас диаметрально противоположными.

О дальнейшем пребывании Калиостро в Южном Тироле осталось рассказать совсем немного. Как сказано в записках Клементино Ванетти, из Роверето граф с супругой переехали в главный город Южного Тироля Тренто (по-немецки Триент, а по-латыни Тридент) — город, известный тем, что с 1545 по 1563 год в его церкви Санта-Мария Маджоре заседал Тридентский собор, осудивший протестантское учение и открывший в Европе эпоху Контрреформации. Перед отъездом магистр заручился рекомендательным письмом к князю-епископу Тренто Пьеру Вижилю Тону, о котором прослышал, что тот страстно увлечен алхимией и тайными науками, и поэтому рассчитывал на его

покровительство. Чтобы еще больше расположить к себе епископа, Калиостро, которого молва обвиняла в небрежении к церковным обрядам и заповедям католической веры и чуть ли не безбожии, отправился к мессе, а после нее на исповеди покаялся и попросил отпущения грехов. Граф не ошибся в своих расчетах: его преосвященство почел за честь принимать у себя в гостях знаменитого чудотворца, магистра эзотерических наук и целителя, предоставил ему кров в своем доме и открыл для гостя свой кошелек.

Серафина, которой не терпелось вернуться в Рим к родителям и наконец избавиться от тяготившего ее супруга, упросила прелата ознакомиться с ритуалом Египетского масонства и написать высшим иерархам Папского государства прошение признать его не противоречащим основам католической веры и выдать Калиостро охранную грамоту, разрешив ему въезд в Рим. Епископ Тон написал ходатайство, а пока в ожидании ответа маг занялся своей обычной деятельностью — целительством. Но судьба перестала ему благоволить: чудесно исцеленные вскоре скончались, и страждущие больше не обращались к Калиостро в надежде излечиться от недугов.

Ответ из Рима запаздывал, зато городским властям пришло предписание императора немедленно выслать из города опасного чужестранца как "*иллюмината, шарлатана и проповедника запрещенного обряда*". Наконец от кардинала Бон-компаньи из Ватикана пришло письмо, где говорилось: "*Господин Калиостро не находится под подозрением у Папского государства, а потому может обойтись без охранной грамоты, кою он при Вашем почтенном посредничестве запрашивал*". Епископ Тон, которому к тому времени тоже пришло грозное письмо из канцелярии императора Иосифа II, требующее выдворения проходимца Калиостро из Тренто, поспешил уведомить своего гостя о том, что он может свободно ехать в Рим, и снабдил его рекомендательными письмами к кардиналам Альбани, Колонна и Бонкомпаньи. Это подтверждает и В. Зотов: *"Он вздумал посетить Рим, где, конечно, никто не мог узнать в графе Калиостро бывшего послушника монастыря Милосердных братьев. Но для этого надо было отречься от масонства, считавшегося ересью в Ватикане. Авантюрист разыграл роль кающегося грешника: взял духовника и сообщил ему, что желает примириться с своею совестью и просит отпущения в грехах, желая возвратиться в лоно римской церкви. Патер донес о раскаявшемся триентскому епископу, и тот одобрил его намерение ехать в Рим и дал ему рекомендации к значительным лицам курии…*" Эти рекомендательные письма, а также всегдашняя самонадеянность Калиостро, тщеславие, вера в свою

избранность и удачу, желание вернуть былую славу и богатство заставили его забыть о возможной опасности, которая грозила в Риме масонам, где их учение папа запретил под страхом смертной казни, и пуститься в путь туда, где он когда-то начинал свой путь — чтобы там же его и окончить.

Глава шестнадцатая
ПЕРЕД СУДОМ ИНКВИЗИЦИИ

Холодными вечерами проходит через весь город из квартала Трастсвере к площади Испании Лоренца Феличиани — красавица, жена графа Калиостро. Площадь Испании для этого призрака — памятное место: здесь Лоренца публично обвинила мужа в колдовстве, и он был арестован.

Легенды о призраках Рима

Исполненный сожалений, я раскаиваюсь к том, что все 45 лет, кои я живу на свете, я пребывал в бездне заблуждений. Теперь же, осознав все зло, что причинил я себе и иным людям, я смиренно прошу дозволить мне зло сие исправить. И признаю все, что вменяют мне в вину судьи мои. Сейчас в Европе более миллиона сторонников моих и сыновей моих духовных, принявших по наущению моему египетский ритуал, и все они верят мне, словно оракулу. Ни один теолог, ни один человек умный и знающий не сможет отвратить их от учения моего, только я один могу это сделать. А так как учениками моими являются люди образованные и исполненные всяческих достоинств, то я готов письменно учение мое признать ошибочным и опровергнуть его.

Прошу трибунал довести до сведения его святейшества, что я готов принять кару за свои заблуждения и молю лишь об одном: чтобы мне дали возможность спасти

свою душу. Всем участникам этого процесса я прощаю, ибо понимаю, что суд сей устроен ради спасения души моей. Поручая себя вашему святейшеству, хочу сказать, что все обходились со мной с истинно христианским милосердием и по справедливости. Обхождение это помогло мне осознать свои заблуждения. Единственное желание мое теперь — это спасти свою душу. Дабы спасти ее, я смиренно готов принять самое суровое наказание. Но более всего желаю я избавиться от заблуждений жене своей, по-прежнему в оном заблуждении коснеющей. Но в этом повинен я один, ибо я вовлек ее в Египетскую ложу масонскую…

Из речи Калиостро на суде инквизиции

Для Е.П. Блаватской вся разнообразная и многочисленная информация, то есть то, что писалось о графе Калиостро его современниками и последующими творцами посвященных ему литературных произведений, всего лишь *"множество абсурдных и совершенно противоречивых утверждений о так называемом Джозефе Бальзамо, графе де Калиостро… с многочисленными отклонениями от истины и факта"*. Во времена Блаватской (во второй половине XIX века) "о *его последних десяти годах и о его смерти не известно ничего определенного, кране одной лишь легенды, что он умер в тюрьме инквизиции"*. Единственное, что вызывало доверие замечательной теософки, это *"некоторые фрагменты, недавно опубликованные итальянским savant [ученым], Джованни Сфорца, из частной корреспонденции Лоренцо Просперо Боттини, римского посла республики Лукка в конце прошлого столетия… с генеральным канцлером этой республики, Пьетро Каландрини*", продолжавшейся с 1784 по 1789 год. По словам Блаватской, "*действительно интересная информация появляется […] в письме, датированном 6 июня этого [1789] года*". Приведем пересказ содержания этого письма в изложении Елены Петровны: "*В нем сообщается о "прославленном графе ди Калиостро, который недавно прибыл из Трентона via [через] Турин в Рим. Люди говорят, что он уроженец Сицилии и удивительно богат, но никто не знает,*

откуда это богатство. У него было рекомендательное письмо от епископа г. Трентона к епископу г. Олбани… До сих пор его ежедневные занятия, так же как и его личный статус и общественное положение, не подлежат никаким упрекам. Многие хотят встретиться с ним, чтобы услышать из его уст подтверждение того, что о нем говорят"".

Дата прибытия Калиостро и его супруги (которая в Риме, отчасти желая доставить удовольствие живущим в этом городе родителям, отчасти надеясь покончить с прежней жизнью и оставить мужа, отбросила благозвучное "ангельское" имя Серафина и стала вновь зваться Лоренцей) хорошо известна (она будет потом занесена в протоколы допросов) — 27 мая 1789 года. Еще до приезда в Рим граф нанял секретаря, уроженца Швейцарии и бывшего монаха Жозефа Франсуа Рулье де Сен-Мориса (в Италии он предпочитал использовать итальянскую форму своего имени — Джузеппе Франческо ди Сан Маурицио), предложившего свои услуги для помощи в обустройстве на новом месте. Знаменитый маг и прорицатель вновь проявил всегдашнее прекраснодушие и доверчивость, за которые его так упрекала впоследствии Блаватская: он даже не догадывался, что его новый добровольный помощник — специально подосланный агент Папской курии. Как доверенное лицо магистра брат Сан Маурицио снял в Риме недорогой дом на площади Фарнезе в квартале Трасте вере и обставил его для будущих занятий магистра: сеансов духовидения и масонских мистерий Египетского ритуала. В своей повести о Калиостро М. Кузьмин приводит описание этой обстановки: " *Франческо ди С. Маурицио, в самом деле отправившись раньше в Рим, снял там на Испанской площади помещение для Калиостро и убрал его по своему усмотрению. Особенно поражала своим устройством приемная зала: огромная комната была вымощена зеленым мрамором, по стенам висели чучела обезьян, рыб, крокодилов, по карнизу вились греческие, еврейские и арабские изречения, стулья стояли полукругом, в центре треножник для графа, а посредине зала стоял большой бюст Калиостро, сделанный с оригинала Гудона.*

Тайные занавески, потайные входы, скрытые лестницы в изобилии разнообразили помещение. Граф остался не очень доволен, но ничего не сказал, тем более, что Франческо уверял, что подобным образом обставленная комната производит непобедимое впечатление на римскую публику, вкусы которой он будто бы отлично знает. Лоренца просто боялась входить в эту залу, особенно когда Калиостро восседал на треножнике и давал ответы собравшимся. […]Не закрывая уже глаза на то, что силы его слабеют, знание и влияние утрачиваются, опыты часто не

удаются, он предпочитал делать сеансы у себя, где система портьер, зеркал, выдуманная С. Маурицио, много помогала в том случае, когда приходилось прибегать к механической помощи, а странные чучела и тексты отвлекали внимание".

Следует отметить, что антураж римского жилища Калиостро, описанный у Кузмина, не выдумка писателя. В архивах Ватикана сохранился отчет аббата Бенедетти об одном из последних Калиостровых сеансов с привлечением детей-" голубков", превращением воды в вино, выращиванием алмаза, показательным омоложением и прочими чудесами, проходившем на вилле Мальта, куда были приглашены многие знатные персоны: *"Лакей, посмотрев на наши приглашения, ввел нас в ярко освещенную комнату; стены ее украшали эмблемы и рисунки: треугольник, отвес, уровень и прочие масонские символы. Здесь же стояли статуи идолов ассирийских, египетских и китайских. Зал заполняла знать; я вскоре узнал кардинала де Берни, аббата Квирино-Висконти, князя Фредерико Сеньи, маркиза Вивальди, маркиза Массини, княгиню Санта-Кроче, княгиню Риццонико делла Торре и других. В глубине зала стоял алтарь, на нем располагались черепа, чучела обезьян, живые змеи в бутылках, совы, вращавшие светящимися глазами, пергаменты, тигли, стеклянные шары, амулеты, пакетики с порошками и прочие дьявольские штучки.*

Усевшись на трехногую табуретку, Калиостро начал пространно говорить о себе и своей науке…"

Вилла Мальта как место проведения магического сеанса появляется не случайно. Одним из восторженных почитателей Калиостро стал мальтийский посол маркиз де Лорас, который по просьбе графа направил Великому магистру Ордена мальтийских рыцарей Эммануилу де Роган-Польдюку прошение о разрешении для знаменитого мага поселиться на Мальте: *"Сударь, вот уже несколько дней наше общество осчастливил своим присутствием знаменитый Калиостро… поразивший всю Европу своими загадками, а главное, своей способностью много тратить и заниматься благотворительностью, не будучи при этом на содержании у какого-либо состоятельного лица и никогда не предлагая заплатить за него. Я подружился с ним. И уверен, мне удастся убедить его поведать мне секреты, кои он до сих пор не выдавал никому. Помимо познаний в химии он является франкмасоном высокого градуса и основателем тайного учения. Он очень гостеприимен и много раздает милостыни, не прибегая при этом к поискам наличных денег. Устав от кочевой жизни, этот необыкновенный человек хотел бы обосноваться на Мальте, если вы, Ваше Высокопреосвященство, согласитесь предоставить ему пристанище и покровительство*".

Одновременно с этим прошением Калиостро направил еще одно, составленное услужливым Франческо ди Сан Маурицио — Генеральным штатам Франции, которые собрались еще 5 мая. Оно начиналось так:

"Господа депутаты Генеральных штатов, те, кто усердно способствует дарованию свободы французскому народу и возвращению былой славы первейшей монархии мира. Граф Алессандро Калиостро, исполненный восхищения и преданности французской нации и почтения к ее законодателям и достойнейшим депутатам, обращается к вам с просьбой дозволить ему вернуться и спокойно провести остаток дней в вашей стране, интересы и славу которой он всегда принимал близко к сердцу…"

Наверняка копия этого письма попала в тайную канцелярию Ватикана и впоследствии была приобщена к делу, а отдельные выражения в нем позволяли трактовать их как подтверждение тесных связей Калиостро с французскими революционерами. Зато депутаты Генеральных штатов письмо проигнорировали, а вскоре во Франции начались события куда более грозные, заставившие забыть о таких незначительных персонах, как шарлатан Калиостро, который некогда предсказал эти события, — падение Бастилии и начало Великой французской революции.

Рассказ о жизни Калиостро в Риме продолжает В. Зотов:

"Калиостро бедствовал в Риме, не находя людей, которые приняли бы в нем участие. Он дошел до того, что писал к французскому национальному собранию, прося у него позволения вернуться во Францию ввиду услуг, оказанных им этой стране и свободе. Собрание даже не обсуждало его просьбы, а перешло к очередным делам. Тогда он попробовал опять обратиться к масонству: несмотря на угрозу страшного наказания, в Риме существовала также масонская ложа. Калиостро начал переманивать членов ея в свою египетскую ложу; двое из них согласились на это, но когда он потребовал с них вступительный денежный взнос, они рассеялись и оставили своего учителя.

Один из этих масонов был, кажется, членом папской полиции, и 27-го декабря 1789 года Калиостро был арестован в своей квартире и отведен в замок св. Ангела. В опечатанных бумагах его нашли обширную переписку и множество масонских рукописей. Римская инквизиция определяла смертную казнь за принадлежность к масонству; вина Калиостро была очевидна, но этого было довольно для осуждения его Римом, а не остальным светом. Поэтому римские судьи нашли его виновным в оскорблении религии своим мистическим учением, основанным на чувственном скептицизме и чрезмерном пиэтизме. Его обвинили также в попытке ниспровергнуть основы истинной религии, но в этом он не

был нисколько виноват, как и в ниспровержении монархической власти: политика была совершенно чуждою авантюристу, заботившемуся только о наживе".

Считается, что папа Пий VI сам инициировал сбор улик на Калиостро и распорядился подослать к нему осведомителя, который написал донос, послуживший основанием для ареста; есть предположения, что другой тайный донос, обвиняющий графа как колдуна и чернокнижника, написала его супруга Лоренца, желая тем самым получить разрешение церкви расторгнуть венчанный брак с осужденным преступником. М. Кузмин не верит в предательство Лоренцы и винит во всем коварного секретаря магистра: "*Римская курия… 27 декабря арестовала графа и графиню Калиостро как еретиков, колдунов, масонов и безбожников.*

В доносе, на основании которого был произведен этот арест, было так охотно описано все странное, убранство графского помещения и так любовно поставлена каждая мелочь в вину, что сделать это мог только человек, устроивший это убранство, т. е. Франческо ди С. Маурицио, который как раз куда-то исчез.

Так как масоны думали, что арест графа повлияет на их судьбу, то все в ту же ночь бежали: и Вивальди, и Танганелли, и художник Любель; маркиза Вивальди, та даже переоделась венгерским гусаром для бегства. Никто не разделил участи с Калиостро, кроме несчастного приятеля и спутника его на всю жизнь, бедной Лоренцы".

Далее наш рассказ вновь продолжит Елена Петровна Блаватская, которая цитирует уже упоминавшуюся выше переписку посла и канцлера республики Лукка: *"В письме от 2 января 1790 года, то есть через год после прибытия Калиостро, утверждается, что: "в последнее воскресенье в совете в Ватикане происходили тайные и совершенно необычные дебаты". Он [совет] состоял из государственного секретаря и Антонелли, Пиллотта и Кампанелли; монтньор Фиггеренти выполнял обязанности секретаря. Предмет рассмотрения этим тайным советом оставался неизвестен, но слухи утверждали, что он был созван по причине внезапного ареста в ночь с субботы на воскресенье графа ди Калиостро, его жены и капуцина Фра Джузеппе Мавриджио. Граф был заключен в форт Сен-Анджело, графиня — в монастырь св. Аполлония, а монах — в тюрьму Арачели. Этот монах, который называл себя "отцом Свиззеро" считался сообщником знаменитого мага…*

Суд над Калиостро продолжался в течение долгого времени. В письме от 17 марта Боттини пишет своему корреспонденту в Лукке, что знаменитый "чародей" в конце концов предстал перед

святой инквизицией. Действительная причина затягивания судопроизводства была в том, что инквизиция, при всей своей ловкости в фабрикации доказательств, не могла найти веских свидетельств, чтобы доказать вину Калиостро. Тем не менее 7 апреля 1791 года он был приговорен к смерти. Он был обвинен в различных и многочисленных преступлениях, самым главным из которых было то, что он масон, "иллюминат" и "чародей", занимающийся противозаконными и запрещенными исследованиями; он был также обвинен в высмеивании святой Веры, в причинении вреда обществу, в обладании большой суммы денег, полученной неизвестными способами, и в том, что он подстрекал других людей, невзирая на пол, возраст и социальное положение, делать то же самое. Короче говоря, мы видим несчастного оккультиста, приговоренного к позорной смерти за совершенные им дела, подобные которым ежедневно и публично совершаются и по сей день многими великими магистрат масонов, так же как и сотнями тысяч каббалистов и масонов, имеющих предрасположенность к мистике. После этого приговора, "архиеретические" документы, дипломы от иностранных дворов и обществ, масонские регалии и семейные реликвии были торжественно сожжены общественными палачами на пьяцца делла Минерва, перед огромными толпами народа. Сначала быт уничтожены его книги и инструменты. Среди них была рукопись книги о Maconnerie Egyptienne [египетском масонстве], которая, таким образом, не могла больше служить свидетельством в пользу опороченного человека. После этого осужденный оккультист должен был перейти в руки гражданского трибунала, если бы не случилось таинственное событие.

Некий чужестранец, которого никто никогда не видел в Ватикане ни во того, ни после, появился и потребовал личной аудиенции у папы, послав ему через кардинала-секретаря некое слово вместо имени. Он был немедленно принят, но оставался у папы лишь несколько минут. Он ушел не раньше, чем его святейшество отдал распоряжение заменить смертный приговор графу на пожизненное заключение в крепости, называемой замком св. Льва, и чтобы вся эта операция была проведена в великой тайне. Монах Свиззаро был осужден на десятилетнее заключение; а графиня Калиостро была выпущена на свободу, но только для того, чтобы ее снова заключили в монастырь по новому обвинению в ереси".

С изложением Блаватской перекликается версия событий, которую кратко поведал своим читателям далеко не сочувствующий своему персонажу В. Зотов: *"Во время следствия и процесса, длившегося пятнадцать месяцев, Калиостро не раз*

приносил полное раскаяние в своих заблуждениях и со слезами на глазах благодарил своих судей за то, что они дали ему возможность познать свои грехи и искупить их покаянием. Папские судьи не порадовались, однако, возвращению блудного сыт на путь истины, а приговорили его, 21-го марта 1791 года, к смерти. Папа Пий VI, в своем апостольском милосердии, изменил этот приговор на пожизненное заключение в темнице. Рукопись его о египетском масонстве определено было сжечь рукою палача.

Так кончился роман авантюриста. Четыре года еще томился он в папской темнице и умер в 1795 году. Жена его, запертая в монастыре св. Аполинии, умерла прежде него. Слава его умерла еще раньше, сильно потрясенная разоблачениями его фокусов. Но нельзя не повторить, что Калиостро представлял все-таки замечательное явление своего времени".

Современный комментарий к тому периоду жизни Калиостро, когда он оказался под следствием и судом инквизиции, дал и Юрий Каграманов: *"Папа Пий VI лично наметил жертву и распорядился учинить суд и расправу без всяких послаблений.*

Калиостро был судим в обеих своих ипостасях: мага и "великого кофта". Относительно первой инквизиторы колебались, то ли обвинять Калиостро в занятиях черной магией и, следовательно, в связи с нечистой силой, то ли считать его лжемагом, а значит, мошенником. В конце концов его обвинили и в том, и в другом: и в мошенничестве, и в связи с нечистой силой.

Объявив, что под личиной графа Калиостро скрывается Бальзамо, суд получил основание обвинять его в безнравственности. Об этом Бальзамо папские ищейки выведали все, что только было возможно, и, по-видимому, еще и приписали ему кое-что, чего за ним не водилось. Бальзамо представал беспардонным негодяем, с отроческих лет приохотившимся к разного рода жульническим махинациям, а в бытность странствующим художником, не брезговавшим и кражами и еще приторговывавшим своей собственной красавицей — женой. Трудно сказать, насколько такой портрет соответствовал оригиналу, но, судя по всему, Бальзамо и вправду был весьма сомнительной личностью. Заметим, что прошлое графа Калиостро так и осталось невыясненным до конца. Скорее всего, он действительно был Бальзамо. Но если это и так, остается загадкой история превращения бродячего маляра в того импозантного чародея, каким вдруг объявился он в 1777 г. в Лондоне. Данное "недостающее звено" даже папские ищейки не сумели обнаружить.

[…] На Калиостро указывали, как на самый яркий пример масонских злостных заблуждений, масонской безнравственности. Изъятый у него при аресте вместе с корреспонденцией список

разбросанных по всей Европе лож "египетского ритуала" фигурировал в качестве доказательства его "заговорщической" деятельности, направленной будто бы против церкви и освященных ею порядков.

[…] Калиостро пробовал защищаться от обрушившихся на него обвинений, говорил, что его масонская деятельность, как и его "магическая" практика, имела целью восславить господа — его обрывали, требуя, чтобы он не кощунствовал, не примешивал господа к чернокнижию и к "масонским оргиям". Он пытался уверить, что он "добрый христианин" — его уличали в том, что он путается в самых элементарных молитвах и не в состоянии перечислить семь смертных грехов. Особое раздражение у инквизиторов вызывало то, что Калиостро в свое время "напророчил" созыв Генеральных штатов и падение Бастилии. В их глазах сей "пророк" выглядел прямо революционером и чуть ли не виновником названных событий. Разумеется, Калиостро был революционером ничуть не более, чем та аристократическая клиентура, на которую он всю жизнь ориентировался. И если он и не походил на "доброго христианина", то и противником церкви не был".

О ходе процесса был составлен изданный в Риме в 1791 году и впоследствии переведенный на несколько языков объемистый документ на итальянском языке "Compendio delia vita e delle gesta di Giuseppe Balsamo denominato il conte Cagliostro, Che sie e stratto dal processo contro di Iui formato in Roma", именумый для краткости "Компендий" — официальная книга материалов о деле Калиостро, чье авторство приписывают обвинителю Джованни Барбери, под именем которого скрывался иезуит отец Марчелло (которого В. Зотов именует патер Марчель или Марчелль). Благодаря ему известны все подробности об этом деле: точная продолжительность, количество заседаний трибунала, состав судейской коллегии, имена адвокатов и все 103 пункта обвинений, по которым признали виновным Калиостро. Из него же известно, что осужденный признал все обвинения и подавал папе прошение о помиловании, подписав его "*Недостойнейший сын Джузеппе Бальзамо, раскаявшийся грешник",* и в присутствии священника отца Контарини отрекся от своих заблуждений.

Узник тяжело переносил свое заточение в крепости Св. Ангела, живо описанное Михаилом Кузминым: *"Редко кто выходил к милой жизни из этих мрачных затворов. Разве только для того, чтобы увидеть в последний раз золотое вечное римское небо сквозь дым и искры еретического костра!*

Графиню убеждали давать показания против мужа, как против простого мошенника и шарлатана, уверяя, что таким

образом наказание будет легче; Калиостро оправдывался, делая логические и богословские доказательства своей правоты и чистоты своего сердца. Соединяя все вместе, получали смешанную и чудовищную жизнь учителя, самозванца, целителя, благодетеля человеческого рода и антихриста.

Крепость Св. Ангела. Современный вид

Вспомнили все лондонские, парижские, варшавские, петербургские, страсбургские и лионские сплетни. Книги против Калиостро, компиляции фантазий и клевет, появились во всех странах. Вольфганг Гете ездил по Италии собирать материалы о первых годах Калиостро. Даже Анна-Шарлотта бросила свой камень в покинутого и заблудившегося учителя".

Говорят, что святые отцы заставили Лоренцу давать показания, порочащие мужа, и когда Калиостро узнал о ее предательстве, то был сломлен и пал духом. Другие же свидетельствуют, что магистр не сдавался и не отрекался от своих убеждений. Как пишет Элифас Леви, *"перед судом он показал твердость и присутствие духа, заявил, что он католик, почитающий папу как высшего руководителя церковной иерархии. Относительно оккультных наук он отвечал загадочно, и когда обвинения стали абсурдны, он сказал обвинителям, что у них нет оснований для его преследования. Они, возмутившись, предложили ему перечислить семь смертных грехов. Он назвал вожделение, жадность, зависть, обжорство и лень; они напомнили ему, что он упустил гордыню и страх. На это обвиняемый ответил: "Простите, я не упомянул их только из опасения обидеть этим вас""*. В ответ на обвинения в безбожии, ереси и отпадении от истинной веры Калиостро отстаивал Египетское масонство как не противоречащее католической вере, ссылаясь на мнение нескольких знакомых с его учением высших иерархов церкви, и указывал, что египетские масоны признавали существование различных религий, а потому он никогда не выступал против веры той страны, куда приезжал, и в масоны египетские принимал без различия вероисповедания, сословия и пола.

Добавим от себя, что это весьма похоже на девиз учрежденного через 80 с небольшим лет Е.П. Блаватской и полковником Генри Олкоттом "Теософского общества", который в переводе с санскрита означает *"Нет религии выше истины*", и близко к основным целям общества, сформулированным в его уставе: "У. *Основать ядро всемирного братства без различия расы, веры, пола, касты и т. п. 2. Поощрять сравнительное изучение религий, философии и наук. 3. Исследовать необъясненные законы природы и скрытые силы человека*".

Но даже при недостатке улик и недоказанности обвинений суд инквизиции по определению не мог вынести оправдательный приговор. Как пишет Каграманов, "*приговор, вынесенный Калиостро, был жесток: "показательная смерть*", *иначе говоря, публичное сожжение. Эта давно не применявшаяся мера должна была послужить уроком для всего христианского мира.*

В лице Калиостро церковь осудила любое отступление от ортодоксии, любое кокетничанье с "опасными" идеями, равно как и увлечение оккультизмом и прочей "ересью"". И лишь в самый последний момент смертный приговор был заменен на пожизненное заключение: "*Джузеппе Бальзамо, виновный, по его собственному признанию, в многочисленных преступлениях, приговорен к наказанию, коего заслуживают еретики, ересиархи, сектанты и колдуны, внушающие суеверия, а также наказанию, установленному Климентом XII и Бенедиктом XIV для распространителей масонского учения во владениях Святого престола. Но специальным постановлением смертная казнь заменяется ему пожизненным заключением без возможности помилования. Означенный Калиостро будет помещен в крепость, где его будут стеречь денно и нощно. Но прежде чем двери камеры за ним захлопнутся, сей еретик отречется от своих заблуждений и на него, как заведено, будет наложено покаяние.*

Книга под названием "Египетское масонство" осуждается как нечестивая, еретическая и подрывающая устои христианской религии, а потому будет сожжена вместе со всеми предметами, потребными для проведения ритуалов египетской масонской секты.

Новым ордонансом, апостолическим подтверждаем запрещение секты египетской, а также секты той, членов которой в просторечии именуют иллюминатами. И будут оные иллюминаты, равно как и те, кто пожелает в эту секту вступить или станет оказывать ей поддержку, подвергнуты наказанию, коему подвергают еретиков".

7 апреля (по другим данным, 4 мая или даже 4 июня) 1791 года в церкви Санта-Мария-сопра-Минерва совершился традиционный ритуал публичного покаяния: в простой белой

рубахе, босой, Калиостро стоял на коленях со свечой в руке, вымаливая у Бога прощение. А тем временем на площади перед церковью палач сжигал на высоком помосте его магические книги и волшебный масонский инвентарь: статуэтки Изиды и Аписа, пентаграммы, чучела и прочее.

Глава семнадцатая
КОНЕЦ ПУТИ

Известно, что Бастилия тоже была разрушена 14 июля. Какой-нибудь мечтатель подумает, что эти неодушевленные сооружения постигла кара за то, что они скрывали в своих стенах Калиостро, но не следует забывать, что много тюрем, где сидел Бальзамо, стоят до сих пор, а если развалились, то от ветхости, а также и того, что есть крепости, в которых никогда не было Калиостро, а они между тем были взорваны. Впрочем, мечтателям закон не писан.

Михаил Кузмин. Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро

Это был человек, в котором божественное вдохновение уживалось с клоунадой шарлатана. Смерть сравняла его с великими людьми.

Морис Магр о Калиостро в книге "Маги и иллюминаты"

Через две недели после публичного покаяния и отречения от ереси Калиостро был препровожден под конвоем в одну из самых мрачных тюрем папской инквизиции — в крепость Св. Льва (по-итальянски Сан-Лео), неприступный бастион, высившийся на вершине утеса Монте Фельтро. Узника везли в закрытой карете почти неделю и лишь в самом конце выпустили на свежий воздух, когда нужно было переправляться верхом через бурную речку, текущую по горному ущелью и дальше по крутому каменистому склону на карете было уже не проехать. Елена Блаватская пишет: *"Но что такое был замок св. Льва? Он находится ныне на границе Тосканы, и был тогда в папском государстве в герцогстве Урбино. Он построен на вершине огромной скалы, почти отвесной со всех*

сторон; чтобы попасть в "замок" в те дни, надо было забраться в своего рода открытую корзину, которая поднималась при помощи канатов и блоков. Что же касается преступника, то его помещали в специальный ящик, после чего тюремщик поднимал его "со скоростью ветра". 23 апреля 1792 года Джузеппе Бальзамо — если называть его таким образом — вознесся на небеса в ящике для преступников и был навечно заточен в этой могиле для живых.

Последний раз Джузеппе Бальзамо упоминается в корреспонденции Боттини в письме, датированном 10 марта 1792 года. Посол рассказывает о чуде, совершенном Калиостро в своей тюрьме во время отдыха. Длинный заржавленный гвоздь, вытащенный узником из двери, был превращен им без помощи каких-либо инструментов в остроконечный трехгранный стилет, столь же гладкий, блестящий и острый, как если бы он был сделан из прекрасной стали. В нем можно было опознать старый гвоздь только по его головке, оставленной узником для того, чтобы она служила в качестве рукоятки. Государственный секретарь приказал отнять его у Калиостро и доставить в Рим, и удвоить наблюдение над последним.

Преступники, которые отбывали наказание в крепости, были сплошь лица духовного звания, повинные в тяжких преступлениях — кражах и убийствах. Комендант крепости граф Семпронио Семпрони получил указания бдительно стеречь нового опасного узника — масона-еретика, бунтовщика и мятежника, принадлежавшего к секте иллюминатов, а также мага и чернокнижника. Он был помещен в камеру на самом верху бастиона, называвшуюся Tesoro — Сокровищница, потому что, по преданию, прежние владельцы Урбино герцоги ди Монтефельтро хранили в ней свои сокровища. Окон в этом темном и сыром помещении не было, не считая квадратного отверстия в потолке, забранного толстой железной решеткой с прутьями в четыре ряда, сквозь которое виден был только маленький кусочек неба. Прогулки не дозволялись, как и присутствие на службах в тюремной часовне. Власти боялись его влияния на других людей и опасались, что оставшиеся на свободе сторонники могут организовать узнику побег или выкрасть его.

Калиостро было запрещено какое бы то ни было общение с людьми, включая стражников и караульных, а тем более с другими заключенными. Последние, кого ему довелось видеть, были четыре конвоира, которые с трудом удерживали бившегося в припадке страдальца, когда у него начался жестокий приступ желудочных колик, сопровождавшийся конвульсиями; врач, призванный к новому узнику, и священник, явившийся отпустить грехи, поскольку никто не надеялся, что он останется жив после

такого сильнейшего припадка. Однако узник выжил, и даже стал настаивать на разговоре с комендантом. Но желаемого не добился.

Подозревая, что Калиостро симулировал припадок для каких-то своих целей, комендант полностью изолировал его от общения с внешним миром и придумал для караула сложную многоступенчатую систему подачи сигналов на случай, если с заключенным что-нибудь случится или ему что-то потребуется. Зато Калиостро полагалась сытная еда и красное вино, чистое белье и раз в неделю услуги цирюльника. Для него оборудовали отдельное глухое помещение, откуда он мог слушать мессу и куда к нему мог приходить для исповеди священник. Узнику отказались предоставить по его просьбе скамеечку для молитв и деревянное распятие, строго-настрого запретили иметь в камере бумагу и письменные принадлежности, а также острые, колющие или режущие предметы. Из литературы дозволялись только благочестивые книги, переданные капелланом. И больше нечем было заполнить бесконечные однообразные часы вынужденного досуга, сводившие его с ума.

Крепость Сан-Лео. Современный вид

М. Кузмин в своей повести о Калиостро силой писательского воображения попытался воссоздать тюремные будни своего героя в Сан-Лео: "*Но теперь Калиостро был не тот. Он пробовал в тюрьме и напрягать волю, и говорить заклинанья, и кричать от желанья. Только стуки слышались в сырой стене да проносились лиловатые искры. Тогда он бросался на пол и кусал палец, чтобы не выть от досады и боли. А то и кричал, требовал себе вина, просился гулять, бился головой о стену.*

Что же? Он как флакон, из которого вылили духи: легкий запах остался, но он пустой, а с виду такой же.

Покинутый, воистину покинутый. А у него был путь, была миссия. Ведь не в том смысл его жизни, чтобы дать пример школьникам или исцелить несколько тысяч больных. Но если бы он даже умалился до разума дитяти, что бы было? Разве он может

теперь мыслить как ребенок, разве напрасно даны были разум и сила и свободная (увы!) воля.

Вместо блестящей звезды взлетела ракета и теперь дымится, медленно угасая на земле…"

В конце лета 1791 года кардиналу Дориа, папскому легату в области Урбино, попечению которого был вверен узник Калиостро, пришло анонимное письмо, где говорилось, что оставшиеся на свободе сообщники Калиостро якобы собираются освободить его, прибегнув к помощи воздушного шара. А о том, что сообщники и поклонники были, говорило появление в Париже в 1791 году некоего произведения в форме записок, будто бы написанных Калиостро и изданных анонимным автором в виде завещания, поскольку, по его убеждению, мага уже нет в живых. Но это неизвестные и предполагаемые сторонники. А ведь были и те, кто многие годы действительно удостаивал ныне томящегося в застенках магистра своей дружбой и покровительством. Есть несомненные свидетельства, что кардинал Роган, бежавший из Франции после начала революции, писал к Якобу Саразену и просил ссудить денег для организации побега Калиостро. Но банкир отказался участвовать в деле освобождения своего бывшего друга и учителя. Не по скупости, не потому, что разочаровался в своем бывшем наставнике, не потому, что был раздавлен горем — скорбел по скончавшейся в январе 1791 года жене Гертруде, которую магистр когда-то вылечил, а по той причине, о которой мог поведать только единомышленнику и близкому другу Лафатеру: "*Страдания графа меня угнетают, но я знаю, что ежели все случилось так, как случилось, значит, он этого хотел; люди не понимают его; никто не может знать подлинных его целей*".

Не один Роган обращался к Саразену, пытаясь получить средства для организации побега Калиостро. Об этом же настойчиво писал банкиру граф д'Эстийяк, но тоже получил отказ: "*Интерес, питаемый мною к человеку по имени Калиостро, не относится к его земной жизни. Убежден, он всегда будет несчастен, ибо сам этого хочет; если бы он этого не хотел, он жил бы счастливо и благополучно*".

Тем не менее в тот год в Сан-Лео прибыли трое не назвавших своих имен французов и попросили у коменданта разрешения посетить узника. Граф Семпрони пошел на хитрость: просителей впустили в крепость по одному и каждого поместили в отдельное помещение, якобы для свидания с заключенным, но на деле просто продержали в этих камерах до тех пор, пока они не отказались от своего намерения и не попросили отпустить их восвояси…

После этого Калиостро перевели из Сокровищницы в другую камеру, называвшуюся Pozetto — Колодец. Это было крошечное помещение размером примерно три с половиной на три метра на втором этаже, в центре тюремного каземата, попасть в которое можно было только через люк в потолке с помощью лестницы в пятнадцать ступеней. Биографы Калиостро пишут, что после пребывания в этой камере физическое и психическое здоровье магистра стало постепенно ухудшаться. Сначала он припрятывал мясо и рыбу от своих скудных трапез под тюфяком, ждал, пока они протухнут, а потом пытался ими травиться или бросал эти куски в докучливых стражников, которые подглядывали за ним. Затем объявил голодовку и не принимал никакой пищи, от чего сильно исхудал и ослаб. У него возникли проблемы с желудком, почечные колики, выходили камни, начался геморрой, трудности с мочеиспусканием… Вероятно, у всегда отличавшегося полнокровием и эмоциональной неустойчивостью Калиостро в камере случилось несколько микроинсультов, отчего возникло расстройство речи и пострадала его психика. У узника начались галлюцинации, он стал разговаривать сам с собой и с призраками или мнимыми сокамерниками — братьями-масонами, и даже возомнил, что тут же в крепости заточена его Лоренца. Временами у него случались приступы буйства, он принимался пронзительно кричать, кататься по полу в истерике, и стражники били его палками, пока он не успокаивался. Для устрашения узника в стену камеры были вмурованы кандалы и цепи.

Тогда Калиостро принялся писать на стенах камеры странные распоряжения своим последователям от имени Великого магистра Египетского ордена, чертил непонятные знаки и загадочные письмена, рисовал целые картины, изображая Деву Марию, распятие и себя в образе кающегося грешника. Материалом для письма и рисунков узнику, как считают его итальянские биографы, служил свечной нагар или ржавчина с прутьев решеток на окне, смешанные с мочой, собственная кровь или содержимое ночного горшка, вместо пера он брал соломинки из тюфяка.

Впрочем, он мог использовать и кое-какие не обнаруженные тюремщиками химические вещества, монеты, пуговицы, металлические детали от предметов своей убогой обстановки, остатки пищи, нитки и лоскуты одежды… "Настенные росписи" в камере узника комендант приказывал смывать, а стены белить известкой. Что же касается бумаги, некоторые предполагают, что после всех этих опытов с подручными веществами и материалами она все-таки узнику выдавалась, равно как и перо и чернила. Есть сведения, что в тюремной камере Калиостро, напрасно настаивая

на разговоре с комендантом, получил от него позволение изложить все письменно и занес на бумагу некое важное сообщение, которое он непременно хотел донести до сведения высшего церковного руководства. Из его собственноручных документов этого трагического периода сохранилось письмо к папе, написанное своеобразным заумно-магическим языком. Оно осталось непонятым и было расценено как свидетельствующее о безнадежном помутнении рассудка его автора вследствие перенесенных им в последние годы жизни ударов судьбы.

Кроме этого многие исследователи жизни Калиостро убеждены, что именно в застенках Сан-Лео им была переписана (написана заново или воссоздана по памяти с имевшегося ранее в его распоряжении и уничтоженного оригинала) рукопись "Святейшей Тринософии" — манускрипта на 96 листах с 12 полностраничными иллюстрациями, первую главу которого мы приводили в начале этой книги. В подтверждение того, что Калиостро обладал "Тринософией", как кажется, служит и следующее утверждение Е.П. Блаватской: "*В число преступлений, в которых его обвиняли, включено было обвинение в распространении некой книги неизвестного автора, осужденной на публичное сожжение и озаглавленной: "Три Сестры " Цель этой книги — "стереть в порошок три определенные персоны знатного происхождения* ".

Легко догадаться об истинном значении этого совершенно исключительного в своей неправоте толкования. Это была работа по алхимии; "три сестры "символически обозначают три "принципа" в своем двойном символизме. В оккультной химии они "распыляют" тройной ингредиент, используемый в процессе трансмутации металлов; на духовном плане они уничтожают три "низших" персональных "принципа" в человеке, — это объяснение, которое должен понять любой теософ".

Разъяснение Елены Петровны по поводу заглавия "Три Сестры" здесь представляется не совсем относящимся к делу, либо она намеренно недоговаривает и уводит в сторону от настоящего смысла; мы рискнули бы отождествить "Три Сестры" и "Тройную мудрость" — "Святейшую Тринософию". Может быть, в застенках Калиостро воспроизвел этот насквозь проникнутый символизмом и герметическим мистицизмом, насыщенный тайными знаками, шифрами и аллегорическими изображениями манускрипт, но дал ему иное, хоть и сходное с первоначальным название?

Да и история с изготовленным Калиостро в камере стальным стилетом засвидетельствована документально. Вряд ли он смог вырвать из двери заржавленный гвоздь и превратить его в

трехгранный стилет светлой стали с острым, как бритва, лезвием одною только силою мысли или другим чудесным способом…

Так прошло более четырех лет. В конце августа 1795 года Калиостро стало резко хуже: с ним случился апоплексический удар, иначе говоря, инсульт, после которого его парализовало, через три дня — второй инсульт, после которого на рассвете он умер, не приходя в сознание. Застигнутый внезапным недугом, отнявшим у него речь и рассудок, несчастный узник перед кончиной не успел ни покаяться, ни исповедоваться, ни причаститься Святых Даров, поэтому его тело было погребено на неосвященной земле, или, по словам М. Кузмина, " *Калиостро умер в тюрьме 26 августа 1795 года в 3 часа утра и погребен на холме без отпевания и креста. Лоренца умерла несколько недель спустя, не выходя из монастырской ограды*".

Существует множество версий относительно причин, от которых приключилась смерть Калиостро: по свидетельству одних — от пневмонии, другие утверждают, что от яда, подсыпанного ему тюремщиками, есть мнение, что узник был задушен тюремщиками по тайному распоряжению сверху. В крепости Сан-Лео, где сейчас музей, выставлено свидетельство о смерти Калиостро:

"28 августа, год Божьей милостью 1795 Джузеппе Бальзамо, именуемый графом Калиостро, рожденный в Палермо, крещенный в христианской вере, кою он отверг, предавшись ереси, снискавший печальную известность распространением по всей Европе нечестивых догматов египетской секты и фокусами своими и речами приобретший бессчетное количество адептов, избежавший многих наказаний благодаря своему магическому искусству, но в конце концов приговоренный Святейшей Инквизицией к пожизненному заключению в крепости (в сомнительной надежде, что он образумится), где он, так и не раскаявшись, пребывал на протяжении 4 лет 4 месяцев и 5 дней, был сражен сильнейшим апоплексическим ударом. Жестокий душой и непримиримый сердцем, он, не подав ни единого намека, что раскаивается и сожалеет, не причастившись Даров нашей Святой Церкви, скончался в возрасте 52 лет 2 месяцев и 28 дней. Несчастным было рождение его, злосчастной стала жизнь, и многострадальной смерть, случившаяся 26 августа вышеуказанного года в три часа ночи. Тем же днем заказали публичный молебен, дабы молить милосердного Господа возыметь сострадание к несчастному творению рук его. А так как сей отлученный от Церкви еретик не раскаялся, то в церковном погребении ему было отказано: его похоронит на вершине, в начале западного склона между двумя сторожевыми редутами, именуемыми il Palazzetto и il Casino, на земле Римской

Апостольской курии 28 августа в 11 часов вечера. Верность написанного подтвердил священник Алоизио Марини".

29 августа Семпронио Семпрони написал в Рим официальную докладную о смерти вверенного ему узника. Однако многие подвергают сомнению правдивость этого свидетельства о смерти и причины, вызвавшие написание докладной, например, Елена Блаватская: *"Наступило время для последнего пинка, совершенного ослом по умирающему, или уже мертвому, льву. Луиджи Анголини, тосканский дипломат, пишет следующее:*

В конце концов, этот самый Калиостро, который делал такой вид, как будто он был современным Юлием Цезарем, который приобрел такую славу и столь много друзей, умер от апоплексического удара 26 августа 1795 года. Семпрони похоронил его внизу в дровяном сарае, из которого крестьяне частенько воровали королевское добро. Хитрый капеллан очень точно рассчитал, что человек, который во время своей жизни внушал такой суеверный страх всему миру, будет внушать людям то же самое чувство и после своей смерти, и таким образом охранит его от воров…

Но все же — вот вопрос! Умерли в действительности Калиостро в замке св. Льва и был ли погребен там в 1795 году? И если это так, то почему тогда хранители в замке Сен-Анджело в Риме показывают наивным туристам небольшое квадратное отверстие, в котором, как говорят, был заключен и "умер" Калиостро? Почему такая неуверенность или — такой обман, и такое разногласие в легендах? Существуют масоны, которые по сей день рассказывают в Италии странные истории. Некоторые из них говорят, что Калиостро необъяснимым образом исчез из своей поднебесной тюрьмы, и таким образом вынудил своих тюремщиков распространять сообщения о своей смерти и погребении. Другие утверждают, что он не только исчез, но, благодаря Эликсиру Жизни, все еще жив, хотя ему уже более ста двадцати лет!"

И действительно, очень многие писавшие о Калиостро указывают на некоторые странности при рассказе о его смерти. Например, некий житель Сан-Лео по имени Марко Пераццони, скончавшийся в 1882 году в возрасте 96 лет, незадолго до своей кончины утверждал, что якобы в возрасте лет семи стал свидетелем странного погребения умершего в крепости узника, в котором он узнал Калиостро, будто бы хорошо ему знакомого при жизни по его необычному лицу и живому пронизывающему взгляду. По воспоминаниям этого почтенного старца, тело умершего несли на носилках четыре дюжих молодца, и процессию не возглавлял священник, как обычно на похоронах; по дороге носильщики, опустив носилки с телом на землю возле

деревенского трактира, якобы зашли пропустить по стаканчику, оставив свой груз без присмотра. Когда же они вновь понесли свою ношу и вместе с увязавшимися за ними зеваками и мальчишками пришли к холму, тело было опущено в могилу без всякого гроба, только лицо трупа было прикрыто старым платком, и затем могилу засыпали землей. Но как мог быть хорошо знаком деревенскому мальчику тщательно охранявшийся узник, изолированный от внешнего мира? Разве что ребенок мог видеть его один раз, когда Калиостро прибыл верхом на лошади и в сопровождении конвоиров в крепость весной 1791 года, но тогда Марко Пераццони должно было быть около пяти лет, а в 1795 году, соответственно, девять…

Один современный итальянский исследователь, Р. де Кирико, полагает, что 26 августа скончался житель деревни престарелый Микеле Ринальди, и этим днем датировано выписанное на его имя свидетельство о смерти; ему странно, что свидетельство о смерти Калиостро, если эта смерть действительно случилась в этот день, выписали двумя днями позже.

Другой итальянский автор, Д. Берти, пишет, что 28 августа проживающий в Базеле друг Калиостро (имени он не указывает; может быть, это Якоб Саразен?) получил письмо, в котором рассказывалось, что Калиостро пытался бежать из тюрьмы, переодевшись в рясу посетившего его для исповеди каноника, которого он задушил, но был разоблачен стражниками, пойман, водворен в камеру и вскоре казнен. Может быть, это написано по следам утверждений Элифаса Леви, который считал, что побег был удачным: "*В тюремном замке Калиостро захотел исповедоваться и сам выбрал священника, который имел такую же, как у него самого, фигуру и комплекцию. Исповедник посетил его и в назначенное время ушел. Через несколько часов тюремщик вошел в камеру и нашел тело задушенного человека в одежде Калиостро. Самого священника больше никогда не видели*". Таким образом, из рассказа Леви следует, что настоящий узник бежал, а задушенный им каноник был похоронен под его именем.

Есть еще одна версия, что Калиостро удалось бежать, инсценировав свою смерть, и в этом ему помогли мальтийцы, тайно передавшие зелье, погружающее в летаргический сон. Приняв лежащего без признаков жизни узника за сраженного апоплексическим ударом, тюремщики поспешили предать умершего земле, наняв для выноса тела носильщиков, но под видом носильщиков тело вынесли на носилках и похоронили сообщники магистра, которые затем под покровом ночи разрыли могилу и увезли очнувшегося к тому времени Калиостро на Мальту, где он прожил до 1815 года и даже имел долгую беседу с

высадившимся на острове спустя несколько лет после прибытия туда магистра Наполеоном, которому предсказал и его будущий взлет, и падение. И совсем уж неправдоподобная версия утверждает, что никакого посредничества мальтийцев не потребовалось, поскольку Папское государство само тайно выпустило Калиостро, и он отправился на Мальту.

Как бы то ни было, неясные до конца обстоятельства смерти Калиостро породили массу легенд. Сама же крепость Сан-Лео, где томился легендарный маг, была взорвана по приказу наполеоновского генерала Домбровского после того, как 19 февраля 1797 года французские войска заняли Рим и Урбино, и Папское государство пало.

Глава восемнадцатая
ДАЛЬНЕЙШАЯ ЖИЗНЬ "ПРОЕКТА КАЛИОСТРО

Каждый, прикасающийся к нашему учению, ставит на ставку свою жизнь. Безумие или смерть — вот что находит здесь слабый или порочный; одни лишь сильные находят здесь жизнь и бессмертие…

Эдуард Шюре. Великие Посвященные

Заточив Калиостро в замок Сан-Анджело, инквизиция начала долгое следствие, целью которого было собрать как можно больше различных дискредитирующих знаменитого мага показаний и фактов, ясно показав, что никакой он не целитель, а темная личность, обманщик, проходимец, шарлатан, еретик и безбожник. Заодно, прибегая к моральному давлению, запугиванию, а может быть, и пыткам, судьи вырвали у Калиостро признание в преступлениях, которые он не совершал, в частности в принадлежности к ордену иллюминатов, и заставили его, под страхом смертной казни, совершить публичное покаяние в грехах и ереси. Когда же несчастный был достаточно унижен и растоптан, его обрекли на пожизненное заключение в мрачных застенках крепости Сан-Лео, то есть, по сути, заживо похоронили для остального мира, вычеркнув его поруганное имя из списков живых и предав забвению.

Но судьи просчитались. О нем не только не забыли, напротив, после смерти имя масона-мученика Калиостро приобрело ореол трагической славы, может быть, даже большей, чем он имел при жизни. И слава эта дожила до наших дней. Достаточно вписать в строку поисковика запрос "Калиостро" и затем подивиться, сколько ссылок он выдаст.

Давно уже сделалось общим местом, что Калиостро следует считать самым выдающимся оккультным авантюристом не только XVIII столетия, но и, пожалуй, всех предшествующих эпох, а не исключено, что и последующих. Этой заслуженной репутации он обязан как персональному магнетизму, развитому путем постоянных упражнений до пределов, дозволенных природой, так и необычайной, далеко опережающей свою эпоху, тяге к

достижениям технического прогресса, с блеском использованным во многих наиболее прославленных его трюках (например, вызывание духов великих людей прошлого посредством "волшебного фонаря", использование доступным лишь специалистам химических растворов и реактивов при манипуляциях с благородными металлами и пр.).

Но это чисто технические и поверхностные объяснения оставшихся не объясненными калиостровых "чудес". По-видимому, тот, кто именовал себя графом Калиостро, обладал редким гипнотическим даром и умело им пользовался. Возможно, некоторые его опыты относятся к таким областям, как телепатия, которые и сегодня остаются неясными. Что касается исцелений, то они действительно могли иметь место в отдельных случаях, когда сила внушения способна побороть болезнь (это особенно относится к психическим заболеваниям). Наконец, предсказания будущего не обнаруживают решительно никакой мистической силы: как это часто бывает, в памяти современников остались только те из них, которые исполнились.

В оправдание Калиостро можно сказать, что он занимался всем перечисленным не столько из своекорыстных побуждений, сколько из любви к искусству, — точнее, к единственному доступному ему виду "искусства", оперативной магии; огромные средства, истраченные им в годы расцвета его деятельности на всякого рода благотворительные акции, а также оказавшееся роковым для него пренебрежение к ведению финансовых дел говорят о том, что для его артистической натуры процесс совершенно затмевал результат. Устраиваемые им сеансы были гениальными по изощренности режиссерского замысла и глубине проникновения в "тайное тайных" человеческих душ камерными спектаклями. К тому же их устроитель очень хорошо представлял себе, какую меру риска можно дозволить в отношении каждого участника этого действа (поэтому в числе его поклонников значились даже такие незаурядные и далеко не наивные люди, как знаменитый естествоиспытатель и основоположник научной физиогномики И. К. Лафатер, которому физиономия Калиостро предоставила исключительно богатый материал для наблюдений). Но, несмотря на все эти общепризнанные таланты и достоинства, Калиостро в целом остается фигурой скорее декоративного плана, стоящей в стороне от подлинных духовных ценностей; его "сценический образ" дает нам как бы абсолютный в своей завершенности "негатив" портрета истинного эзотерика, в котором духовная работа над созиданием "внутреннего человека" оказалась полностью подавлена и вытеснена эгоцентрическими импульсами, исходящими от "человека внешнего".

Двойственность личности Калиостро не оставляет сомнений. Несмотря на то что на протяжении своей непростой жизни он оставался популярным прежде всего как величайший маг, в целях обогащения он не раз прибегал к шарлатанству и мошенничеству. Тем не менее не известно ни одного случая, когда способности Калиостро приносили кому-либо значительный вред. Более того, по свидетельствам большинства окружающих, этот кудесник и прорицатель чаще творил добро, чем зло, и оказывал содействие попавшим в беду людям.

Еще при жизни Калиостро отдельные особенности творимого им внешнего имиджа были независимо друг от друга использованы писателями и драматургами для создания образов действующих в их комедиях чародеев и магов — и непременно с сатирическим оттенком. Выше упоминались пьесы Екатерины Великой и Гете. Но не все маги из театральных пьес — карикатура на Калиостро.

Как пишет Каграманов, весной 1791 года австрийский масон Вольфганг Амадей Моцарт начал писать свою новую оперу-зингшпиль "Волшебная флейта" на либретто масона Эммануила (Иоганна Йозефа) Шиканедера. Впервые представленная в Вене 30 сентября 1791 года, "Волшебная флейта" стала настоящей лебединой песней уходящего века (она оказалась лебединой песней и самого композитора, умершего несколько недель спустя) и вместе с тем его блистательным взлетом, его, можно сказать, поэтическим завещанием. Фантастическая сказка, феерия, исполненная лирики, шутовства и драматизма, пронизанная высокой нравственной символикой, "Волшебная флейта" сфокусировала в поэтическом плане духовный опыт целой эпохи. Часто эту оперу называют "масонской", и нельзя сказать, что для этого нет никаких оснований: она и в самом деле изобилует масонской символикой. В опере присутствуют несомненные приметы калиостровой легенды, как и "египетского ритуала" (инициации в тайниках пирамид, Изида и Апис, экзотический наряд Зарастро), но считать ее "оперой про Калиостро" — это упрощение, недостойное глубины замысла великого композитора. Так же однобоко выглядит попытка некоторых авторов видеть в "Волшебной флейте" апологию Калиостро, прямо отождествляя его с центральным персонажем оперы — добрым волшебником Зарастро. Как справедливо указывает Каграманов, этот образ — широкое художественное обобщение, сочетание сказочного типажа с просветительским идеалом мудреца-альтруиста (вроде лессинговского Натана Мудрого). Хотя автор и оговаривается, что это в принципе в изначальной своей идее и есть тот привлекательный образ, который Калиостро, насмешливо

именуемый им маленьким "Скапеном в мантии", сделал своей личиной и так ловко умел ею пользоваться.

В.-А. Моцарт. Неизвестный художник

Жизненный путь Калиостро привлекал внимание многих писателей, высоко ценивших его артистизм, но, как правило, неизменно выводивших его в качестве отрицательного персонажа. В художественной литературе легенды о Калиостро создавались на протяжении почти двух столетий. В XIX веке в Европе о Калиостро писал Александр Дюма-отец (сочинил о нем два романа: "Ожерелье королевы" и "Жозеф Бальзамо", вошедшие в 4-томный цикл "Записки врача"), Жерар де Нерваль, Витторио Альфьери, Фридрих Шиллер, Жорж Санд, в XX веке — Артур Шницлер и Ричард Олдингтон. Калиостро не только герой литературы, он поет и танцует: в комической опере на либретто Скриба "Калиостро", в оперетте Иоганна Штрауса "Калиостро в Вене". Из произведений, что написаны о Калиостро в веке двадцатом, достаточно назвать лишь две самых известных русскому читателю повести, из которых мы обильно цитировали в нашей книге: А.Н. Толстого "Граф Калиостро" и "Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро" Михаила Кузмина.

Далее мы процитируем несколько представляющихся наиболее интересными отрывков из опубликованного летом 2010 года в Интернете на официальном сайте издательства и редакции первого в России журнала по криптоистории "Живое время" объемистого, разбитого на 26 глав материала, при надлежащего перу автора под условным псевдонимом "пилигрим" и посвященного так называемому "Проекту Калиостро", то есть наследию графа Калиостро, дальнейшему развитию Египетского

масонства и его продолжателям, из которого ранее мы уже цитировали один фрагмент о мафии в одной из предыдущих глав:

"В молодости Гарибальди был членом конспиративной организации карбонариев, и именно поэтому с 1834 года находился в изгнании в Латинской Америке, сражаясь на стороне борцов за независимость Бразилии и Уругвая. В 1848 году возглавил добровольцев в Ломбардии, на следующий год выступил в защиту Римской республики. В 1851–1853 годах жил изгнанником в Клиффорде (Нью-Йорк), зарабатывая на жизнь изготовлением и продажей свечей. В результате победоносной кампании 1859 года завершившейся подписанием Виллафранкского мира, Гарибальди возглавил поход "Тысячи", изгнавшей Бурбонов из Южной Италии.

Джузеппе Гарибальди был посвящен в масоны в 1844 году в Бразилии в ложе "Пришт Доблести", перейдя затем в ложу "Друзья Отечества" в Монтевидео. Он был ревностным масоном. Находясь в изгнании в Соединенных Штатах, Гарибальди активно участвовал в работе ложи "Томпкинс" № 471 в Стейплтоне, штат Нью-Йорк.

В 1863 году, в Италии, Гарибальди был избран главой Верховного Совета Палермо. В 1864 году он стал Великим Мастером "Великого Востока Италии", в 1872 году почетным Великим Мастером пожизненно.

Кроме того, в 1881 году Гарибальди был избран главой "египетской" ветви мемфисского обряда. В том же году полководец Джузеппе Гарибальди, носивший титул Верховного Командора не только Устава Мемфиса, но и Устава Мицраима, решил соединить их. С 1889 года отсчитывает свою историю современный Устав Мемфиса-Мицраима во всем мире.

В письме, направленном Верховному Совету шотландского обряда 11 июня 1867 года, Гарибальди утверждает, что учение Великого Архитектора Вселенной "означает у станов-пение всемирного братства между народами". Несколько лет спустя в письме, адресованном Великому Мастеру Маццони, генерал, охваченный чувством пантеистического порыва, сравнивает Великого Архитектора Вселенной с "Богом, о котором говорит Мадзини". В том же письме, написанном в 1872 году, когда I Интернационал впервые появился на итальянском политическом горизонте, Гарибальди подчеркивал: "Рабочее товарищество — это масонская организация, все эмблемы его тоже масонские. Отчего же рабочие конгрессы проходят вне лона организации-основательницы, их породившей? Разве демократия, т. е. страждущие классы, не обязаны своим существованием крупнейшей в мире организации, которая первой провозгласила лозунг о братстве всех трудящихся?"

…Вот такая история Джузеппе Гарибальди — народного героя Италии, генерала, вождя революционно-демократического крыла в национально-освободительном движении, боровшегося за объединение Италии "снизу", как пишут в энциклопедиях. А также — карбонария, Великого Иерофанта мира, основателя фашизма, продолжателя ритуала Египетского масонства графа Калиостро".

Дж. Гарибальди. Неизвестный художник

Заинтересовавшихся отсылаем к этой книге, где можно найти еще немало очень неожиданной информации, связанной с именем или делом графа Калиостро.

Нам же осталось добавить совсем немного.

Образ Калиостро получил весьма своеобразное развитие в любопытном романе знаменитого профессора семиотики Умберто Эко "Маятник Фуко". Этот классический образчик литературы постмодернизма до предела насыщен многозначительными намеками, аллюзиями, цитатами из каббалистических, оккультно-эзотерических, алхимических, герметических трудов (в том числе "Святейшей Триософии"), амбивалентными и гротескными персонажами, событиями и т. п. Джузеппе Бальзамо упоминается в хранящихся в памяти компьютера психоделических записках одного из главных героев — Джакопо Бельбо: *"Но — о ужас! — полотно поднимается, а за ним, за этим прекрасным творением какого-то Арчимбольдо из бандитского притона, расположена еще одна часовня, похожая на ту, где я нахожусь, и там перед другим алтарем на коленях стоят Чечилия, а около нее — мой лоб покрывается холодным потом, волосы становятся дыбом — что это за человек, выставляющий напоказ свой шрам? Это тот, настоящий Джузеппе Бальзамо, которого кто-то освободил из карцера Сан-Лео!"* Затем черты мага и основателя Египетского ритуала угадываются в описании

откровенно карикатурного "*профессора Браманти, референдария Европейского Ордена, тайного рыцаря Большого Приората In Partribus на Родосе, Мальте и в Фесалониках*", учредителя и главы некоего своеобразного тайного ордена для эксцентричных богачей, играющих в оккультные тайны и мистерии. Главный герой Казобон впервые встречает его в Бразилии, в Рио-де-Жанейро, где сей *"тучный господин, которого, если бы не размеры его тела, можно было принять за тапира*", читает лекцию на тему "Розенкрейцеры и умбанда", но величественно удаляется, не окончив лекции, когда "*один наглец из публики встал и спросил, как может Орден его, Браманти, претендовать на подлинность, если нарушает правило молчания, обязательное для истинного последователя Великого Белого Братства*". Затем герой несколько раз сталкивается с Браманти по ходу сюжета, в том числе во время друидской мистерии, где его тождество с Бальзамо очевидно из случайно подслушанного героем через потайное отверстие разговора:

" *— Вам одному я могу доверить свою тайну. Я не принадлежу ни к какому месту, ни к какой эпохе. Я существую вечно вне времени и пространства. Существуют люди, у которых нет ангела-хранителя, и я один из них…*

— Но зачем же вы привели меня сюда?

Послышался еще один голос:

— Ну что, дорогой Бальзамо, играем в миф о бессмертии!

— Придурок! Бессмертие не миф, а реальность!"

Чуть позже перед началом друидской мистерии, Канобом, от лица которого ведется рассказ, случайно становится очевидцем таинства посвящения в ордене Браманти в некоем потайном зале с пародийно описанным антуражем, где сам верховный магистр облачен в одежды, очень похожие на вычурные наряды Калиостро: "*Около стола стоял Браманти, наряженный в пурпурную тунику и зеленые расшитые литургические одежды, на плечи его была наброшена белая мантия с золотой бахромой, на груди висел крест, а на голове был убор, чем-то отдаленно напоминающий митру и украшенный бело-красным султаном. Перед ним, расположившись в иерархическом порядке, стояло еще человек двадцать, тоже одетых в пурпурные туники, но без убранства для литургии. У всех на груди было что-то позолоченное, показавшееся мне знакомым. Я вспомнил об одном портрете эпохи Ренессанса: большой габсбургский нос и у пояса этот странный ягненок с бессильно свисающими ножками. Эти люди использовали его в качестве имитации Золотого Руна".*

И наконец, Браманти появляется в кульминационной сцене романа, когда на возглавляемом им собрании сатанистской секты

с участием графа Алье — и это не кто иной, как сам бессмертный граф Сен-Жермен — и гастролирующей со своей цирковой труппой уродцев и медиумов мадам Олькотт (отсыл к Елене Блаватской, которая была замужем за полковником Генри Олькоттом) приносится человеческая жертва в виде привязанного к маятнику Фуко Джакопо Бельбо, и еще одной жертвой становится его любимая девушка по имени… Лоренца Пеллегрини! — ее убивают ударом кинжала в спину за секунду до убийства Бельбо. Маленький комментарий: теософы считают, что Калиостро был предыдущим воплощением мадам Блаватской…

Калиостро и его судьба до сих пор вызывают интерес, ему посвящены фильмы и телепередачи. Судя по откликам на сайте телеканала "Время-ТВ", его зрителей не оставила равнодушными прошедшая в январе 2013 года в серии познавательных программ "ЖЗЛ" передача о Калиостро с таким анонсом: "*Познавательная программа / 2012–2013. Самый гениальный авантюрист всемирной истории — Джузеппе Калиостро — в программе "ЖЗЛ". Персонаж скандальной хроники, суперстар и секс-символ 18-го века. Аферист-романтик, открывший формулу любви и эликсир вечной молодости. Лекарь-экстремал, слуга дьявола с ангельским характером. Высокообразованный ученый и виртуозный мошенник, обладавший даром гипноза. Робин-гуд, обиравший знать и помогавший нищим. Пророк-революционер, предсказавший падение Бастилии. Итальянский босяк, знавший Христа и переживший Ноев потоп. Так кто же такой Калиостро? Злодей, мистик, революционер, ученый? Кем на самом деле был этот человек? Какие мифы приписали ему потомки, а какие придумал он сам? Подробности в программе "ЖЗЛ" и эксперименте лаборатории "Эспирито. нет". Ведущий — Александр Гаврилов.*

А завершить эту книгу о Калиостро нам хочется рассказом о новейшей книжной серии издательства "Росмэн", уже успевшей завоевать необычайную популярность среди российских подростков — фэнтези-саге "Зерцалия" Евгения Гаглоева (в этой серии из девяти романов пока написано и опубликовано три: "Иллюзион", "Трианон", "Центурион").

В интервью, отвечая на вопрос, как появилась дворянская тема (собрания, светские салоны, князья), которая так интересно раскрыта в "Зерцалии", автор пояснил: "*Просто мне всегда была интересна мистическая история России. Граф Калиостро действительно приезжал в нашу страну и имел здесь массу поклонников и последователей. Я подумал, а что, если бы некое оккультное общество, организованное в царской России, существовало до сих пор? Так и возник "оплот вселенского зла*" — *Клуб Калиостро*".

В двух номерах, за август и октябрь, 2013 года "Комсомольская правда" дает краткое содержание предыдущих книг и анонс только что выпущенной третьей части. Далее помещаются выдержки из газеты и материалы с сайта "Зерцалии".

Серия "Зерцалия" — настоящая сага о неразрывной связи двух миров, расположенных по эту и по ту сторону зеркала. Ее герои — обычные российские подростки, неожиданно для себя оказавшиеся в самом центре противостояния реального и "зазеркального" миров.

Загадочная страна Зерцалия, расположенная где-то в зазоре между разными вселенными, управляется древней зеркальной магией. Земные маги на протяжении столетий стремились попасть в Зерцалию, а демонические властелины Зерцалии, напротив, проникали в наш мир: им нужны были земляне, обладающие удивительными способностями.

Российская школьница Катерина Державина неожиданно обнаруживает существование зазеркального мира и узнает, что мистическим образом связана с ним. И начинаются невероятные приключения: разверзающиеся зеркала впускают в наш мир чудовищ, зеркальные двойники подменяют обычных людей, стеклянные статуи оживают…

…Жители уездного городка, в числе которых и иллюзионист Александр Державин, находят способ, как попасть в другой мир, в страну Зерцалию. Там у любого человека, обладающего магическими способностями, удваиваются силы. Вот поэтому туда так рвутся члены Клуба Калиостро. Им нужна сила, чтобы добыть безграничную власть. А вот обитатели Зерцалии — это тоже бывшие участники Клуба Калиостро, сбежавшие из России после революции, — отнюдь не жаждут видеть в своей стране новых амбициозных жителей.

Дочь Александра Державина Екатерина оказывается в центре событий. Она потомок графа Калиостро, а значит, ее кровь может открывать проходы между двумя мирами. Ключи с кровью самого графа, которыми пользовались до сих пор, потеряны. Вот поэтому Екатерина понадобилась сразу нескольким темным силам.

В новой книге Евгения Гаглоева участники Клуба Калиостро решают восстановить зеркальную машину, которая перемещает в другой мир. Это мощный магический артефакт — зеркальная призма Трианон. За Екатериной идет настоящая охота, а тут еще беда! Ее парень Матвей, отравленный стеклянным порошком пришельцами из Зерцалии, начинает стекленеть. Кате и ее друзьям надо срочно остановить алчных участников клуба и спасти Матвея…

В третьей части приключения российской школьницы,

оказавшейся наследницей Калиостро, продолжаются. Шагнув в зеркало, Екатерина Державина и ее друзья попали в притягательную и загадочную Зерцалию. Они сразу же оказываются в гуще разнообразных событий: Катя спасает от чудищ незнакомую девочку: отправляется в подземное логово Оракула Червей на поиски похищающего детей колдуна и узнает тайну своего рождения. Позже ей предстоит встретиться со своей матерью и даже… с самим Калиостро.

И пусть в этой книге очень много от бурной фантазии молодого автора из Новосибирска и очень мало исторической правды (например, у графа Калиостро не было детей и прямых потомков, есть только легенда, авторство которой приписывают Дюма — что отцом Алессандро, сына Гертруды Саразен, был на самом деле не ее муж, базельский банкир Якоб Саразен, а маг и целитель Алессандро Калиостро, в честь которого был назван мальчик), примечателен сам факт обращения к личности Калиостро и его зеркальной магии.

Может быть, чтение этой фэнтези-саги сподвигнет молодое поколение больше узнать о реальном историческом персонаже, который известен под именем графа Калиостро…